

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Ковчег Марка
Сто лет пути

Татьяна Устинова. Первая среди лучших

Татьяна Устинова
Ковчег Марка. Сто лет пути

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Ковчег Марка. Сто лет пути / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2018 — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших)

ISBN 978-5-04-180607-1

«Ковчег Марка» Буран застигает в горах Приполярного Урала группу туристов. У них раненый, и перевал им никак не одолеть. Смерть, страшная, бессмысленная, обдаёт их ледяным дыханием... Замерзающую группу находит Марк Ледогоров и провожает на таежный кордон, больше похожий на ковчег. Когда на кордоне происходит загадочное убийство, дело окончательно запутывается. Ледогоров уверен: все члены туристической группы ему лгут. Кто из них оказался здесь не случайно? Марку и его другу Павлу предстоит разгадать страшную тайну, найти любовь и обрести спасение – ковчег ведь и был придуман для того, чтобы спастись!.. «Сто лет пути» Когда в старинном особняке убивают директора музея, а рядом с телом обнаруживают старинную чашку и письма начала двадцатого века, к расследованию в качестве эксперта привлекают профессора Дмитрия Шаховского. Чтобы понять, что же произошло на месте преступления, Шаховскому нужно восстановить события почти вековой давности – историю первой Думы, разгром одной из террористических ячеек... И еще кое-что узнать и понять... о себе самом. Возможно, он не узнал и не понял бы, если б не Варвара Звонкова. Он разберется в хитросплетениях судеб, в странных и загадочных совпадениях...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180607-1

© Устинова Т. В., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Ковчег Марка	7
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Татьяна Витальевна Устинова
Ковчег Марка
Сто лет пути

© Устинова Т., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Ковчег Марка

Алле Каргиной с уважением и любовью

– Куда?! С ума сошел?!

Марк и ухом не повел, сунул ботинок в крепление. Привычно щелкнул замок, и он поболтал ногой, проверяя. Всё в полном порядке – как всегда.

– Нет, я не понял. Сдурел совсем?!

Марк нагнулся и поднял палки, которые завалились, когда он дрыгал лыжами, и только после этого оглянулся. Кузьмич стоял в двух шагах, от возмущения даже шапку свою знаменитую сдернул, снег падал на голову, не таял, и нападало его уже порядочно, холмиком.

– Ты бы лучше палки мои посмотрел, Кузьмич.

– Чего на них смотреть, я сто раз смотрел! А идти сегодня нельзя. Ты прогноза не слышал, чокнутый!?

– Шапку надень. Башку застудишь.

– Марк, твою мать, нельзя сегодня! Метеорологи три раза предупреждали!

– Мы с тобой дольше базарить будем.

– Да не надо со мной базарить, я сказал – не пуцу!..

Из-за угла дома, вокруг которого метель уже намела небольшой сугроб, появился Вик и остановился в отдалении. Он не любил ссор и никогда в них не участвовал.

Марк толкнулся тихонько, слегка, просвистел рядом с Кузьмичом – тот неловко, как куль, шатнулся в сторону, как будто Марк на самом деле мог его задеть, – и выскочил на лыжню. Её было почти не видно, снег усиливался с каждой минутой, как будто марля колыхалась между деревьями. И ветер налегал всё ощутимей.

...Может, прав Кузьмич? Может, не ходить сегодня?..

Если бы тот не стоял у него за спиной, не притоптывал на месте от возмущения, не сдерживал с бритой головы шапку, может, он и не пошел бы, а так...

– Я на час, не больше.

– Да пропади ты пропадом в лесу этом! Связи, может, уже через пятнадцать минут не будет, кто тебя спасать пойдет?! Я не пойду, точно тебе говорю!..

Марк опустил на нос очки, толкнулся и пошел вполсилы, принаравливаясь к непривычным палкам. Вроде и скорость небольшая, а ветер сразу засвистел и заулюлюкал в ушах, острый снег заколол нос и щеки и как-то моментально стал забиваться под воротник. Не слишком приятно, и кожу теперь натрет до крови – ни умыться, ни побриться!.. Впрочем, какая разница.

Трассу он знал так, что мог пройти по ней ночью с закрытыми глазами, связанными руками и ни разу не ошибиться.

Он набрал скорость. Сейчас небольшой спуск с уклоном влево, потом короткий подъем, лощинка, очень неудобная, потому что в ней всё время заносит, и затяжная горка, которую нужно отрабатывать уже всюю.

Марк контролировал дыхание, даже принялся считать, чего не делал почти никогда со времен розовой юности – раз, два!.. Ррраз, два! Чуть сильнее. Раз, два! Еще чуть нажать, вот так, хорошо!

Считал он потому, что в такую метель на самом деле еще не выходил ни разу, ему странно было, что он почти не видит лыжню, и это мешало, отвлекало от работы, которая только началась.

...Кузьмич постоял немного, глядя под горку в лес. Никого и ничего уже не было видно, только снег сыпал прямо перед глазами и хотелось отдернуть его рукой, как занавеску. Потом посмотрел на часы, поднеся запястье почти к носу.

Будем надеяться, что за час лыжню не засыплет окончательно. Чего там надеяться, когда ясно, что засыплет!.. Большой ладонью он крепко отер голову, напялил шапку, немного подумал, не плюнуть ли вслед, и плевать не стал.

Кузьмич был суеверен, хотя никому и никогда в этом не признавался.

Темная громада лиственничного дома, казалось, покачивается из стороны в сторону за пеленой только расходившейся метели, а лес за ним совсем пропал, сгинул, не стало его.

Головой вперед, раздвигая метель, Кузьмич пошел к высокому, в несколько ступенек, крыльцу под резным затейливым навесом. Неопределенная тень приблизилась и остановилась в отдалении.

– Чего ты там мнешься? – спросил Кузьмич, не оборачиваясь. – Ушел, да. А я чего могу?!

От двери он все же оглянулся. Тени не было, исчезла.

Он вошел в просторные сени и, не отряхиваясь и не раздеваясь, рванул вторую дверь. Оттуда сразу пахло теплом и привычными запахами, кажется, даже где-то музыка играла. Марк, что ль, забыл выключить?..

В просторном помещении было совсем темно, несмотря на то что на улице вроде день, и от этой темноты кромешной Кузьмич окончательно и сильно рассердился.

...А что, свет нельзя зажечь?! Так и будем впотьмах ковыряться?

В глубине коридора показалась высокая фигура в домашних пимах и расшитом свитере.

– Ушел! – гаркнул Кузьмич, как будто фигура о чем-то его спросила. – Сказал, на час, не больше.

Он сдернул куртку, с которой капало, швырнул ее на пол и пошел по коридору в самую дальнюю комнату. У двери содрал шапку и запулил ею в куртку. Молчаливая фигура, сделав неуловимое молниеносное движение, на лету поймала шапку, потом подошла и подняла куртку.

Кузьмич медлил на пороге.

– Генератор бы надо проверить, – помолчав, молвила фигура.

– Без вас давно проверил!

– Карабины?

– В порядке карабины!

– Военных нужно предупредить.

– Ну, поучите меня, поучите!..

Фигура еще какое-то время маячила в коридоре, а потом канула неизвестно куда.

Кузьмич вошел в комнату, уставленную сложной аппаратурой, железными шкафами, ящиками и стеллажами. Почему-то она называлась «оружейной», хотя из оружия в ней хранилась всего пара винтовок.

...Если дело так пойдет, свет вырубится самое большее минут через сорок. Хорошо, на прошлой неделе солярки завезли много, на какое-то время хватит. Кузьмич никому ни в чем не доверял – ни людям, ни погоде, ни природе – и всегда делал запасы. Иногда его запасы разрастались до стратегических масштабов, из-за чего у них случались стычки с Марком, который был абсолютно уверен в себе и считал, что всегда найдёт выход из любого положения. Кузьмич же считал, что такая самоуверенность проистекает исключительно от молодости, с Марком старался не спорить, а запасы хорошенько маскировать.

Он прошагал к железному широкому столу, зачем-то посмотрел в окно – ничего не видно, только снег валит! – и стал по очереди включать тумблеры. Пульт отозвался, загудел утробно, как шмель, загорелись зеленые огоньки. Кузьмич дернул на себя продавленное кресло, покрытое какой-то неопределенной шкурой, сел и пристроил на бритую голову наушники – одно ухо выше другого.

– Орел, Орел, вызывает кордон «полста-три». Как слышите, Орел?..

В наушниках затрещало, как будто тряпка порвалась – почему в них всегда трещит?! И пятнадцать лет назад трещало, и десять, и сейчас трещит! А всё говорят – технологии, технологии! Вперед, мол, ушли технологии эти! Куда они ушли, если в наушниках как трещало, так и трещит до сих пор?!

В данную секунду Кузьмича злило всё, и технологии тоже.

– Орел, кордон «полста-три» вызывает, как слышно?..

– Слышу отлично, «полста-три», – отозвался из наушников далекий голос, прерываемый треском. – Ты, что ль, Кузьмич?..

– Я, я.

– Чего у вас?

– У нас человек в лесу. Ушел, – он мельком глянул на часы, – в двенадцать часов четырнадцать минут в направлении Галыгина. Штатно должен вернуться в тринадцать пятнадцать. Слышишь меня, Орел?

Треск в наушниках, и больше ничего.

– Орел, как слышно, прием?

– Кузьмич, вы чего там? Обалдели?! – грозно спросили сквозь помехи. – Штормовое предупреждение еще когда объявили! Башки, что ль, ни у кого нет?! Шутки, что ль, тут все шутят?!

Кузьмич старательно прожевал длинную матерную тираду, не предназначенную для радиоэфира, а предназначенную как раз для ушедшего в сторону Галыгина Марка. Прожевал, а в микрофон сказал:

– Орел, в случае нештатной ситуации связь в пятнадцать ноль-ноль.

– Принял, кордон «полста-три», вашу мать! Только вас нам не хватает, вашу мать!.. Прогноз по ветру знаете?

– Знаем.

– В вашем районе группа туристов со вчерашнего дня на связь не выходит. От Васюганской горки на восток вышли в сторону Тугаринских сопок и пропали, мать их, козлы!.. Ты там посматривай, Кузьмич!

– Есть, принял.

– У тебя соляра в достатке? Перевал закрыли.

– В достатке, Орел. До связи.

– До связи, кордон «полста-три».

Кузьмич сдёрнул наушники, зацепил одним «ухом» за край железного стола и еще посидел немного.

... Попробуй останови его, если он что себе в голову заберет! Он заберет, а Кузьмич – валяй, разгребай! Эмчезовцам звони, объясняй, по шее получай! А самое главное – сиди вот теперь, жди.

Жди и гадай – вернется или нет.

Жди и думай – дойдет или пропадет.

Жди и молчи – скулить или материться вслух запрещено.

... Марк стал тем, кем стал, только и исключительно потому, что остановить его не было никакой возможности, что бы он ни забирал себе в голову. Кузьмич знал это его качество, уважал и считался с ним, но – твою мать! – хоть иногда-то нужно прислушиваться к тому, что старшие говорят!

Свет замигал, но не погас. Кузьмич выключил станцию, вышел в коридор, где по-прежнему было темно, разыскал на вешалке пуховик, который давеча швырнул на пол, и нахлобучил шапку. Снаружи возились, что-то глухо стучало о пол. Он толкнул дверь и вышел в сени.

Наружная дверь была распахнута настежь. Безмолвная фигура, по самые глаза закутанная от лепившего снега, молча и сосредоточенно складывала вдоль лиственничной стены дрова.

Кузьмич обошел ее и сбежал с крыльца, оскальзываясь на заметенных ступенях. Перед крыльцом под навесом стояли деревянные сани, доверху нагруженные поленьями. В несколько приемов Кузьмич перекидал тяжелые сырые дровины на крыльцо.

– Вик следом ушел, – проинформировала фигура без всякого выражения.

– Хорошо.

Он пошел вокруг дома – ноги вязли в снегу, и дорожки почти совсем замело, – дошел до того места, откуда вроде бы начиналась лыжня, остановился и посмотрел.

Никого и ничего. Только взбесившийся снег.

От леса, который был в той стороне, куда ушел Марк, потихоньку поднимался странный и ровный гул – ветер усиливался, не ошиблись метеорологи. Впрочем, это из телевизора вечно про погоду глупости говорят, а военные почти никогда не ошибаются.

Кузьмич повыше подтянул «молнию» и застегнул «липучки» на воротнике, который сразу закрыл всю нижнюю половину лица, как маска. Воротник был мокрый от снега, противный.

Он вернулся к дому и проверил морской канат, протянутый по всему периметру через металлические кольца. Когда поднималась серьезная пурга, ходить можно было только так, держась за канат. Два шага в сторону, и всё, пропадешь. Мозг, вовлеченный в буйство метели, моментально теряет направление, можно уйти в сторону и замерзнуть в ста метрах от собственного дома. Сколько таких случаев бывало!..

Стараясь не смотреть в метель, за которой был лес, а в лесу Марк, Кузьмич дошел до ангара. Загрелась металлическая дверь, зажглись под потолком мощные лампы.

Здесь помещались два снегохода, широченный, мощный ратрак и небольшой тракторишка, на котором ездили в распутицу. В углу был резервный генератор, на случай если откажет основной, стратегические запасы солярки, о которой не знал Марк, и тьма всяких секретных станков и приспособлений, необходимых Кузьмичу для его работы.

Иногда, пребывая в хорошем настроении, Марк называл Кузьмича Мерлином и решительно отказывался объяснять, кто такой этот самый Мерлин есть!..

Погладив ратрак по красному полированному боку, Кузьмич зашел за него, достал из металлического ящика несколько фальшфейеров и, сердито сопя, рассовал их по карманам. На полке в ряд стояли фонари, от огромных, напоминавших переносные прожекторы, до маленьких, карманных. Кузьмич нацепил поверх шапки налобную лампочку, прихватил с собой еще одну и самый большой фонарь.

Больше в ангаре делать было нечего.

Кузьмич вышел, сильно прихлопнул дверь и заложил перекладной, чтобы ее не распахнуло ветром.

Лес под горой уже не стонал, а гудел, грозно, трубно.

...Вернись, мысленно велел Кузьмич Марку. Ты ж не дурачок малолетний, а взрослый, умный мужик!.. Видишь, чего творится!

И с надеждой вновь посмотрел туда, где вроде бы еще утром была лыжня. Ничего и никого не было видно, и он двинулся дальше, на ходу проверяя металлические вешки с натянутым морским канатом.

В его собственном доме было совсем темно и тихо, пахло парафином и лыжной мазью, самый лучший запах на свете. Дом состоял из трёх комнат – на кой ляд ему одному столько, непонятно, только уборки больше, но Марк так решил. А если он чего решил, с места его не сдвинешь!.. Одна называлась какая-то гостиная – на кой ляд ему гостиная, кто у него гостит-то! – а еще спальня и столовая! У всех нормальных людей кухня бывает, а у него столовая!

На кой ляд ему столовая...

Он замер посреди этой самой столовой и проворно сдернул с головы шапку.

Показалось или нет?..

Еще секунду он прислушивался, потом выскочил за дверь и помчался к большому дому. На горке поскользнулся, чуть не упал и, трудно дыша, подбежал к высокому крыльцу.

Безмолвная фигура, закутанная по самые глаза, выступила из метели ему навстречу.

– Там, – сказала она и показала в лес.

– Точно?

– Со стороны Галыгина.

И оба замолчали, прислушиваясь.

Лес гудел, и ничего нельзя было расслышать в его вое.

Кузьмич поднялся на крыльцо – никаких дров уже не было в сенях, – добежал до «оружейной», включил и настроил портативную рацию, зацепил ее за пояс и проверил, хорошо ли держится. В коридоре стянул унты, толкнул дверь в соседнюю комнату, где хранилось снаряжение, выбрал лыжи, палки и ботинки и стал обуваться.

Безмолвная фигура маячила в коридоре.

– Из чего стреляли? – обуваться было неудобно, Кузьмич говорил глухо.

– Из двустволки, похоже.

– Из нашей?

– Похоже, из нашей.

– Там какие-то туристы застряли, МЧС сказал.

Ответа не последовало.

Кузьмич нацепил на запястье компас, похожий на огромные уродливые часы, и потопал ногами, чтобы ботинки сели надежно.

– Давай.

Фигура молча протянула давно приготовленный рюкзак. В нем всегда держали аварийный запас: медикаменты, бинты, шприцы с обезболивающим. Сбоку приторочены складные волокуши, сработанные местным умельцем, – тащить пострадавшего, если придётся.

– Связь в пятнадцать.

Свет по всему дому мигнул раз-другой прощально и погас. Кузьмич зажег лампочку на шапке и вытащил лыжи и палки, сильно загромыхавшие по лиственничному полу.

– В той куртке запасные фальшфейеры. Ракетница где всегда.

Фигура опять промолчала.

Кузьмич вывалился на заметенное крыльцо, и черная тень метнулась ему наперерез. От страха, перехватившего горло, он задохнулся, и его качнуло назад.

– Вик?! Вик, ты вернулся?!

Волкодав припал на лапы, заскулил и пополз. Кузьмич, стараясь дышать, оглянулся на безмолвную фигуру.

– Поторапливаться нужно, – ровно сказала та, и спокойный, почти безразличный голос привел Кузьмича в чувство.

Он нацепил лыжи, погасил фонарь, от которого не было никакого толку, поглубже натянул шапку.

– Вик, вперед! Веди! Веди, Вик!..

Волкодав вскочил и потрусил, белый хвост мотался в метели, и этот хвост был единственной надеждой. Он должен привести, куда надо.

Туда, где стряслась беда.

Рацию Володя утопил в ручье еще утром. Кто ж знал, что на этом самом Приполярном Урале в это самое время года попадают незамерзшие ручьи! Так не бывает просто потому, что не может быть!

Володя шел первым, провалился, сломал лыжу и утопил рацию.

Пока его тащили, пока стягивали моментально задубевший ботинок, пока Алла Ивановна доставала из рюкзака сухие носки, а Сергей Васильевич бестолково суетился рядом, про рацию так и не вспомнили, а потом Марина сказала:

– Ребята, кажется, мы без связи остались.

И на это тоже особенного внимания не обратили!

Степан, бывалый и закаленный походник, утверждал, что только дураки и салаги ходят с рациями, информируют МЧС, согласовывают маршрутные карты! Опытные люди ничего этого не делают, потому что без толку. Никто не станет никого спасать, если что случится, а тогда зачем?.. Только связывать себя по рукам и ногам: МЧС пристанет как банный лист, возьмётся выяснять, какая у похода категория сложности, какая подготовка у группы, кто инструктор и какая у него квалификация, и пошло-поехало!.. Дальше Бронниц не пустят. Кому это надо?..

Володя тем не менее Степана не послушался, заявку в МЧС дал, и в самом начале похода у них вышла из-за этого почти ссора. Впрочем, они всё время ссорились, потому что Володя был руководителем группы, а Степан считал, что руководит он плохо, неумело.

– Как бы обморожения не было, – сказал Сергей Васильевич, с сомнением рассматривая побелевшую Володину ступню, которую Алла Ивановна растирала снегом. Все остальные бестолково топтались рядом, а никчемушная Женька по прозвищу Жужа сразу села в сугроб, разбросав палки, и закрыла глаза. – Может, лучше спиртиком?

– Спирта мало, – ответила Алла Ивановна, не прекращая растирать. – Только на одну ночевку.

– Да чего там ночевка! – вступил рыхлый и одышливый Диман, отправившийся в зимний лыжный поход на спор с кем-то. – Тут осталось всего ничего, если по карте! Вон за той сопкой уже Галыгино, и всё, конец нашим мучениям!

– С Севером шутки плохи, – заметила Алла Ивановна. Она недолюбливала Димана и изо всех сил старалась этого не показывать, но все видели.

Аллу Ивановну тоже недолюбливали, за десять дней она всем надоела. Во-первых, потому что старая карга, лет сорок, а то и больше – зачем потащилась?! Во-вторых, потому что на лыжах она шла лучше всех, быстрее всех ставила в снегу палатку, сноровисто варила в котелке гречку и умела растянуть плитку шоколада, выдававшуюся на ужин, на весь следующий день, а есть хотелось невыносимо. Алла Ивановна своим шоколадом подкармливала никчемушную Женьку по прозвищу Жужа и еще Марину, а больше никого, а хотелось-то всем! В-третьих, она никогда не возражала Володе, который руководил группой, но и не выполняла его указаний. Когда Жужа стала отставать, а это случилось примерно через пять минут после старта, Володя переставил ее в начало, сразу за собой – он шел первым. Но Жужа все равно отставала безнадежно, ее обходили, они плелась в хвосте, и Алла Ивановна, оценив ситуацию, пристроилась за ней, самой последней, и больше позицию не меняла, хотя Володя утверждал, что сильные всегда идут впереди, так положено по правилам. Степан с ним не согласился, и тогда они в первый раз поспорили всерьез.

– К вечеру дойдем, – бодро сказал Володя, которого перепугал ручей, и было непонятно, как теперь идти, на одной лыже!.. – Тут действительно рукой подать.

– Плохо дело, – помолчав, констатировала Алла Ивановна, поднялась с корточек и оглядела притихшую группу. – Марин, что ты про рацию говорила?.. Подмогу надо вызывать.

– Рация утонула.

– Не нужно никого вызывать, – тут же встрял Володя и тоже стал подниматься, Сергей Васильевич его поддержал. – Сами дойдем, чего тут осталось!..

– Сами мы точно не дойдем.

Никчемушная Женька по прозвищу Жужа валялась на спине и ела снег, зачерпывая его горстью. Опытный походник Степан молчал, смотрел на небо, которое что-то хмурилось. Марина думала про Володину ногу – хорошо бы шину наложить, но на это потребуется время,

а ей почему-то казалось, что темнеет и нужно спешить, хотя до сумерек было далеко. Толстый Диман тосковал, потому что хотел есть, спать и домой, а Петечка придумывал, что именно напишет в своем блоге, как только кончится вся эта дурацкая канитель с «испытанием себя».

Он напишет, что современный человек – двадцать первого века – даст сто очков вперед любому аборигену, который кичится своей дикостью, то есть способностью выживать. Человек двадцать первого века, вооруженный знаниями, технологиями, таблетками сухого спирта, карбоном, карбидом, бензольным кольцом, углепластиком или чем там еще, справится с любыми первобытными трудностями именно потому, что они первобытны, а он современен.

Петечка считал себя очень современным человеком.

Скорей бы только оказаться там, где есть Интернет и технологии! И еще ванна, полная горячей воды, кровать с одеялом, бутерброд с колбасой. Где есть батарея, от которой идет ровное сухое тепло, и не нужно разводить костер и стоять по щиколотку в луже растаявшего снега, подкладывая сырые трескучие ветки. Где можно выпить сколько угодно кружек чаю и кипятком не кончится – до похода на Приполярный Урал Петечке и в голову не приходило, что кипятком может кончиться, что его нужно экономить, беречь, и вот эта самая кружка с горячей водой, в которой плавают хвоинки, – одна, больше не будет. Её можно выпить, а можно из нее умыться, но она всего одна.

Петечка ни за что не признался бы себе – и никому! – как замучили его, современного человека, первобытные трудности, как он устал, промерз так, что по ночам ему казалось, что кости внутри его тела состоят из тяжелого льда, как ему хочется спать каждую минуту, с того самого мига, когда Володя фальшивым, нарочитым, отвратительно бодрым голосом объявлял на всю палатку: «Группа, подъем! Доброе утро!» и до самого вечера, до «отбоя», после которого Петечка трясся мелкой ознобной дрожью в своем спальнике и согревался только под утро, задремывал ненадолго, а тут уже ненавистное: «Группа, подъём!»

Он считал часы и минуты, оставшиеся до спасения, то есть до конца похода. Он шел, лыжи вязли в снегу, отталкивался палками, палки проваливались, и считал: впереди еще неделя, стало быть, семь дней, то есть сто шестьдесят восемь часов, не так уж и много. Десять тысяч с чем-то минут, ужасно много!.. Он смотрел на часы, чтобы засечь пять минут, и они длились и длились, и всё никак не заканчивались! Картинка перед глазами не менялась – все та же спина с рюкзаком впереди идущего вверх-вниз, вверх-вниз, вокруг всё то же белое пространство до самого горизонта, до небес, ничего больше нет на земле, кроме этого белого пространства, и оно не кончится никогда! И впереди ничего нет, только работа, всё время работа, даже чтобы получить вожаемую кружку кипятку, придётся работать, ставить палатку, увязая по пояс, рубить и тащить дрова, разводить костер, топить снег в котелке, а сил уже нет совсем. Когда костер кое-как загорался, нужно было продолжать работать, шевелиться, двигаться, а Петечка не мог, ну совсем не мог!.. Он стоял над костром, который сильно чадил, дым ел глаза так, что приходилось то и дело сглатывать слёзы, свесив руки и ссутулив плечи, не отходил к товарищам, устраивавшим ночлег, ничем не помогал. Опытный походник Степан называл такое Петечкино стояние «полярной стойкой» и презирал его за слабование. Поначалу Петечку это злило, а потом ему стало всё равно.

Ему бы только дойти до этого ненавистного Галыгина, сесть в тряский, жесткий вагон, который тащит по однокорейке чумазый дизелёк, добраться до Ивделя, потом до Екатеринбург, а оттуда до Москвы рукой подать, и можно будет написать в блоге, как он, Петечка, плевать хотел на все трудности и лишения, и выживание – вопрос технологий, а никакой не силы духа!..

В этот день до самого злополучного ручья он шел и придумывал будущий текст, и у него выходило хорошо, складно, и он всё боялся позабыть, так складно выходило!..

И это испытание напоследок – незамерзший ручей в промерзших до центра земли горах! – станет самой драматической частью его повествования.

В том, что они к вечеру доберутся до Галыгина и дизелька, у Петечки не было никаких сомнений, что тут идти-то!..

Оказалось, что идти Володя не может. Просто не может, и всё тут.

– Растяжение, – констатировала Марина, ощупав Володину ногу. – Может, и связки порваны, так не определить. Степ, срежь какую-нибудь палку. Придется всё-таки шину наложить. Жень, вставай, хватит валяться, замерзнешь.

Никчемушная Женька тут же прикрыла глаза, демонстрируя, что ни за что не встанет. Степан скинул с плеч рюкзак и на лыжах двинулся в сторону ближайших деревьев.

– Лагерь нужно разбивать, – сказала Алла Ивановна, переглянувшись с Сергеем Васильевичем, – и попробовать отремонтировать лыжу.

– Как ее отремонтировать-то? – издали спросил Диман. Он стоял, наклонившись вперед, почти висел на палках, но рюкзак не снимал. Снять-то снимешь, а потом опять придется взваливать, тяжело и неохота, сил нет. – Она вон вся на куски разлетелась!

– Куски я соберу, – сказала Алла Ивановна решительно. – Попробуем склеить.

– Да чего там клеить?!

– Если получится, утром пойдем потихоньку.

Тут Петечка вдруг сообразил, что они всерьёз – всерьёз! – намерены устроить еще одну ночевку в тайге! Из-за какой-то сломанной лыжи и неведомого растяжения!

– Вы что?! – спросил он сразу у всех. – С ума сошли?! Какая ночевка, какой лагерь?! Идти надо, тут совсем близко!

– Идти мы не можем.

– Почему не можем-то?!

– Володя повредил ногу, – отчетливо и громко заявила Алла Ивановна, как будто Петечка был глуховат. – Мы даже не знаем, целы связки или нет. На одной лыже он не дойдет уж точно.

Сам Володя сидел на снегу, неудобно вытянув ногу, часть лица между шапкой и натянутым почти до глаз воротником куртки была даже не бледной, а какой-то зеленой, нос заострился.

Петечка посмотрел на него и по этому заострившемуся носу понял, что до Галыгина они точно сегодня не дойдут.

...Но как же так?! Ведь всё уже почти кончилось! Дотерпеть осталось совсем немного, а теперь получается, что... много? Что нужно дальше терпеть?!

Затрещали ветки, затюкал топор, и все оглянулись. Степана не было видно, только качались тоненькие деревца в отдалении.

– Может, в низинку попробуем спуститься? – Сергей Васильевич шмыгнул носом и показал куда-то в сторону. – Тут ветрено больно. А к ночи если разгуляется...

– Попробовать можно, – издали отозвалась Алла Ивановна.

Они разговаривали друг с другом так, как будто знали нечто такое, о чем остальная группа понятия не имела.

– Нужно идти, – вдруг подал голос Володя, и Петечка подумал – слава богу, сообразил! А то расселся и сидит! Тут до Галыгина рукой подать! – Марин, ты мне правда шину наложи, и я пойду.

Алла Ивановна ничего не сказала, и Сергей Васильевич промолчал. Вернулся Степан с длинной дровиной, вдвоем с Сергеем Васильевичем они ловко расщепили ее пополам и еще пополам, и Марина стала прилаживать получившуюся шину.

Диман, поняв, что это дело долгое, скинул с плеч рюкзак, который беззвучно ухнул в сугроб, и тоже сел в снег на манер Женьки.

– Сходили бы пока за дровами, мужики, – посоветовала Алла Ивановна. – Самое время. Этого Петечка вынести не смог:

– Зачем нам дрова, если мы дальше пойдем?! Мы их что, с собой понесем?

– Есть хочу, – сказала Женька специальным тоненьким голосом. За этот специальный «девочкин» голос Марина её ненавидела. – Хочу-у-у е-е-есть!

– Жень, вставай! – велела Алла Ивановна как-то так, что Женька стала подтягивать лыжи и подниматься. – Есть все хотят, терпи.

– Не могу я больше терпеть!

– Тогда не терпи, – разрешила Алла Ивановна почти весело. – Степ, возьми вон Диму, сходите за дровами!

– Так мы же в Галыгино решили идти! Володь, ты командир, скажи им!

– Мы пойдем дальше, – морщась от того, что Марина так и сяк крутила его ногу и налегала на неё, выговорил Володя. – Чтобы закончить маршрут сегодня.

– Вот именно!

– Хорошо, – согласилась Алла Ивановна так, как будто не соглашалась, в своей обычной манере, которая всем надоела.

Марина подергала шину, надежна ли – Володя дернулся от боли, – и тут выяснилось, что надеть на замотанную таким образом ногу ботинок нет никакой возможности.

Некоторое время решали, что делать – Алла Ивановна участия в этом не принимала. Аккуратно переступая лыжами, чтобы не съехать в предательский ручей, она собирала пластиковые обломки. Решили обернуть ногу запасным свитером, Володин рюкзак отдать Сергею Васильевичу. Степан и Диман с двух сторон поведут Володю, он пойдет между ними на уцелевшей лыже, а его палки понесет Марина.

Петечка беспокоился всё сильнее. Время шло, до Галыгина рукой подать, только вон за ту сопку перевалить – а не добраться, как до Луны.

Алла Ивановна ловко приторочила обломки Володиной лыжи к своему рюкзаку, отрянула сзади Женькин комбинезон, как будто та была маленькой, подтолкнула её, чтобы встала впереди, улыбнулась Марине и приготовилась идти.

Сразу же, с первых метров, стало понятно, что идти нельзя.

На одной лыже Володя проваливался в снег, Степан его тащил, а Диман быстро выдохся, и опыта таких ситуаций ни у кого из них не было! Свитер на ноге как-то моментально размотался, приходилось то и дело его поправлять, отряхивать от снега, привязывать снова.

Сергей Васильевич сменил Димана, но тому пришлось взвалить на себя второй рюкзак, лыжи затрещали, и испуганный Диман бросил рюкзак в снег.

– У меня вес большой, – сказал он виновато, – сто кило с лишком...

Тогда рюкзак взял Петечка – что угодно, лишь бы дойти до Галыгина сегодня!.. Алла Ивановна помогла его приладить – на правое плечо лямка от его собственного рюкзака, на левое от Володиного, – и Петечка тут же завалился на спину, не устоял, так это оказалось тяжело.

Он завалился и вдруг увидел над сопкой солнце – красное, низкое, грозное. Это солнце не предвещало ничего хорошего.

Сделали еще несколько попыток.

– Нет, – в конце концов сказал Степан. Он тяжело дышал и облизывал губы. – Не выйдет ничего, мужики. Будем лагерь ставить.

– В низинку бы спуститься, – опять посоветовал Сергей Васильевич. – Ветер поднимается.

– Нужно идти, – повторил Володя, кажется, только для того, чтобы возразить Степану.

– Ну иди, – ответил Степан мрачно, сбросил рюкзак, вытащил топор и пошел в сторону деревьев, где Алла Ивановна и никчемушная Женька ломали ветки для костра, складывали в кучу и наломали уже довольно много.

Спустились на несколько метров, где, кажется, дуло чуть меньше, стали разбивать лагерь.

– У тебя обезболивающее есть? – негромко спросила Алла Ивановна Марину, когда поставили палатку и закрепили последнюю растяжку. – Сильное?

Марина кивнула. Ей было тревожно, как будто что-то страшное надвигалось и остановить его никак нельзя.

– Две ампулы.

– Ты ему сегодня не коли, – тихо посоветовала Алла. – У него сейчас нога разболится, это точно! Мы с Василичем попробуем лыжу склеить, на одной он не дойдет. Ты ему завтра уколешь, он какое-то время сможет двигаться. А сегодня не коли.

– Я сама разберусь, Алла Ивановна, – сказала Марина неприязненно. – Я врач.

– Погода мне не нравится, – продолжала Алла, не слушая. – И главное, связи нет! Вот угораздило...

– Что вы там всё каркаете?! – неприятным голосом спросил Петечка, услышавший, что «угораздило». – Тут до людей рукой подать! Вообще я считаю, что кто-то из нас должен пойти и привести подмогу! Это очень просто.

– Никто никуда не пойдет, – отрезал Володя. – Нога сегодня отдохнет, и завтра мы...

– Завтра будет только хуже, – встрял Степан. – И ты это прекрасно понимаешь. Ногу разнесет, в ботинок её все равно не засунешь, даже если наши дедуля с бабулей лыжу склеят! Хотя чего там клеить!

– Тогда точно надо идти за людьми, – повторил Петечка. – Я пойду.

– Не пойдешь!

– Я руководитель группы, и я запрещаю...

– Какой ты, на фиг, руководитель? Всё из-за тебя! Под ноги бы лучше смотрел!

– Хорош лаяться, мужики, – подал голос Сергей Васильевич. Он устраивал место под костер. – А ходить по одному не годится. Ветер поднимается.

– И чего?! Ждать, когда метель начнется?! – возмутился Петечка.

– Метель, может, и не начнется, но ветер подозрительный какой-то.

– Вот именно! Надо сейчас идти!

– Я запрещаю!

– Плевать я хотел на твои запреты!

– Мальчики, – пропищала Женька «девочкиным» голосом, – ну что вы ссоритесь? Ну как получилось, так и получилось! Ну завтра дойдем! А что?

– А то, что и завтра мы никуда не дойдём!

Весь оставшийся день, который показался всем странно коротким, Алла Ивановна и Сергей Васильевич, сидя на снегу голова к голове, собирали Володину лыжу, как хирурги раздробленную кость. На куске тряпки рядом с ними были разложены клей, бинты и еще какие-то штуки. Костер горел, и время от времени над ним грели клей, который то и дело застывал. Степан остервенело рубил дрова, притаскивал и складывал, Петечка бесился и грыз ногти, Диман кипятил воду, и её пили просто так, без чая и сахара, которых было мало, «на одну ночевку», как сказала Алла Ивановна, и ветер, проклятый ветер поднимался!

Ближе к ночи стало понятно, что метель всё-таки придет. Она уже совсем близко.

Алла Ивановна обошла палатку, проверяя растяжки. Когда Сергей Васильевич снизу вверх вопросительно кивнул ей, она только пожалала плечами. Еды на ужин было мало, вдвое меньше обычного. Сергей Васильевич, назначенный в самом начале похода «завхозом», сказал хмуро, что еду нужно приберечь... на всякий случай, мало ли что, может, одной ночевкой дело не обойдется.

Петечка, которого колотило от холода, объявил, что никакого «всякого случая» не будет, и завтра утром он уйдет в Галыгино, и наплевать ему сто раз на метель, а Володя, баюкавший свою ногу, велел ему заткнуться.

– Да если б не ты, мы бы уже давно!.. – завел было Петечка.

– Так, всё, закончили, – вдруг приказала Алла Ивановна таким голосом, что даже Диман, пытавшийся дремать, вынырнул из своей куртки и посмотрел с удивлением, а Женька перестала ложкой хлебать из железной кружки теплую воду. Она говорила, что так вкуснее, больше похоже на суп или на чай. – Положение у нас сложное. Мы все должны это осознать прямо сейчас. Лыжу вроде собрали, до утра она подсохнет и какое-то время продержится. Ну, будем на это надеяться. Плохо, что до Галыгина почти всё время в горку! Если завтра мести будет не слишком сильно, попробуем пойти. Если нет, придётся ждать погоды.

– Какой погоды? – спросил Петечка, и губы у него задрожали. – А если её неделю не будет, этой погоды?!

– Значит, неделю будем ждать.

– Мы за неделю с голоду сдохнем!

– За неделю не сдохнем, – отрезала изменившаяся до неузнаваемости Алла Ивановна. – С холодом хуже. Топлива мало, а в метель снаружи костер не разведешь. Придется экономить.

– Нет, ну это свинство, – плаксиво сказала Женька. – Как хотите!.. А вдруг мы все перемерзнем? А вдруг нас волки съедят? Здесь же наверняка кругом волки!

– Дура, – тихо, но отчетливо выговорил Диман, опять зарываясь в свою куртку.

– Нам нельзя сейчас ссориться, – и Алла Ивановна, дотянувшись, потрепала Женьку по плечу, как будто утешила, хотя чего утешать, всем ясно, что она дура! – Вот, бог даст, доберемся до Галыгина, и там поссоримся хорошенько. А сейчас нельзя.

– А что вы командуете-то? – спросил Степан из своего угла. – У нас руководитель отряда есть, чтоб ему!..

– Ивановна права, – поддержал Сергей Васильевич. – Давайте лучше песни петь.

– Ну, ясное дело, – констатировал Петечка. – Государственный переворот. Теперь пиши пропало, старперы будут учить нас жизни.

– Да не жизни, – с досадой сказала Алла. – Выживанию. Это совсем другое дело.

– Вы что? Совсем чокнутая?! Тогда каркали, сейчас каркаете! – взвился Петечка. – Какое еще выживание! Ну, переночуем, черт с вами, хотя надо было днем в Галыгино за людьми идти, а завтра...

– Завтра будет завтра, – перебила его Алла.

Марина зашевелилась и подобралась к Володе, который всё держался за ногу.

– Больно тебе?

Он скосил на неё глаза и кивнул.

– Я тебе сейчас обезболивающее уколою. Поспишь.

– Марин, – начала было Алла Ивановна, но та уже открывала рюкзак.

– Посветите мне.

– Марин, лучше бы завтра...

– Я врач, – отрезала та, – мне видней.

Ночь тянулась долго и трудно. Палатку трясло от ветра, как будто под ней работал дизельный движок, и Петечке, который всё не мог согреться, в мутной дрёме привиделось, что он едет в тряском вагоне, который тащит по рельсам бодрый чумазый дизелек, и это было так чудесно! И какая-то печка приснилась ему с раскаленным докрасна зевом, чугунная дверца покачивается, и еще почему-то кусок сала, а рядом кирпич черного хлеба, и можно сколько угодно съесть этого хлеба с салом!..

Петечка вздрогнул, потому что рядом неловко повернулся и застонал Володя – он, единственный из всех, спал, Маринина ампула, видно, подействовала! И Женька спала между Аллой Ивановной и Мариной, посвистывала носом.

Утром выбраться из палатки оказалось почти невозможно – снегу намело, фартук не отстегнуть. Сергей Васильевич долго с ним возился. Он первым выполз в тусклый свет, в круговерть метели и ветра, за ним полезла Алла Ивановна.

– Женька, вставай, – велел Петечка, потому что ему было завидно, что никчемушная девица спит как ни в чем не бывало, и слегка пнул ногой её спальник. – Группа, подъем!

– М-м-м, – замычала Женька и завозилась, поглубже зарываясь в спальник. – А что, уже утро? Хочу кофе! И банан! И яблоко! Петечка, у тебя есть яблоко?

– Володь, как нога? – Это Марина спросила. Она стояла на коленях посреди палатки и пыталась пригладить волосы, торчавшие в разные стороны. Петечка в этом приглаживании увидел ложь и фальшь – красоту она наводит! Кому тут какое дело до её красоты?!

– Лучше, лучше нога, – торопливо сказал Володя. – Всё почти нормально!

Алла Ивановна задом вползла в палатку, вжикнула «молнией». Вместе с ней вполз холод и запах свежего снега.

– Ну, не так всё ужасно, как могло быть, – бодро объявила она. – Метет, конечно, но ничего такого!..

– Какого такого?! – Петечка рывком натянул непромокаемые штаны поверх двух шерстяных, в которых спал. – Идти нужно. Прямо сейчас.

– После завтрака пойдем, – сказал Володя. – Где Василич?..

– Снаружи. Костер разводит.

– Диман, крикни ему, пусть паек всем выдаст.

– Вроде подсохла, – Алла осмотрела лыжу. – Может, будет держать.

– Алла Ивановна, – на ухо ей сказал Степан. – Вы же понимаете! Мы не дойдем. Вам нужно оставаться, а я за помощью.

Она ничего не ответила, продолжала осматривать лыжу.

– Другого выхода нет, – продолжал Степан.

– Нужно искать выход, – она аккуратно отложила лыжу.

– Вы о чем? – настороженно спросил Володя. Нога у него сильно отекала, стала похожа на бревно, и ему страшно было подумать, что сейчас придется подниматься и идти – много километров по снегу.

Он руководитель группы. Он должен.

Он отвечает за людей.

Самоуговоры не помогали. «Отвечать за людей» он умел – так ему казалось в московском офисе, и в характеристике, данной ему именитым психологом, было сказано, что у Владимира Кравцова присутствуют «ярко выраженные лидерские качества». В палатке посреди гор Приполярного Урала с распухшей, похожей на бревно ногой голодный, замерзший Володя вдруг понял, что «отвечать за людей» он не может, а главное, не хочет!

Он хочет, чтоб его спасли – эти люди или какие-то другие, неважно. Чтобы вдруг кто-нибудь взмахнул волшебной палочкой и оказалось, что все позади.

Крибле, крабле, бумс!.. И он уже в Москве, в чистом, теплом и просторном медицинском кабинете, и над ним склонились заботливые врачи, и ему больше ничего не угрожает, и нужно только принимать заботу и внимание, которые все вокруг готовы оказывать!

Выходит, он слабак и тряпка. Так выходит?!

Но рассердиться на себя тоже не получалось. Для того чтоб сердиться, нужны силы, а их почти не осталось, последние забирала боль, с которой тоже приходилось бороться.

А если он здесь погибнет? Если он так и останется в этой чертовой палатке, а остальные уйдут?! И весной случайная экспедиция найдет его останки, объеденные волками и медведями?!

– Я сейчас тебе еще укол сделаю, – сказала Марина и осторожно вытерла ему лоб, на котором выступила испарина. – Потерпи немножко.

– Марин, побереги обезболивающее. Послушай меня, я знаю что говорю!

– Я тоже знаю что делаю, Алла Ивановна!

На завтрак были галеты с крохотным кусочком сливочного масла и замерзший каменный пащтет, который Сергей Васильевич выколупывал из банки большим охотничьим ножом.

– Вкусно! – сказала дура-Женька, слизывая пащтет. – Вернусь домой, куплю себе десять банок и сразу съем!.. Вот будет красота!

– Понос у тебя будет, а не красота, – Диман разом проглотил свою порцию и разозлился – еда уже кончилась, а он даже не заметил, что она была.

– А ночью волк приходил, я слышала! – похвасталась Женька. – Правда-правда! С той стороны. Терся о палатку. А может, медведь.

– Если бы медведь приходил, нас бы уже не было, – мрачно отозвался Степан.

– Почему? – перепугалась дура.

– Сожрал бы, – объяснил Степан и обвел глазами людей. – Мужики, давайте решать, чего делать будем.

– Вы как хотите, так и решайте, а я в Галыгино пойду. С меня хватит, – заявил Петечка.

– Ты, Петь, не горячись, тут как следует подумать надо, – Сергей Васильевич аккуратно приладил отогнутую жестяную крышку, а банку припрятал. Диман проводил её глазами и тяжело сглотнул. – Если дальше метель разойдется, идти нельзя, а прогноза мы не знаем. И одному – куда?.. Всем вместе надо.

– Да как вместе, если у нас, блин, инвалид?!

– Предлагаю нам с Василичем пойти, а остальным остаться. Мы без рюкзаков в два счета до людей добежим, – и Степан твердо посмотрел на Володю, который собрался возражать. – Ну что, что?.. Какой из тебя ходок? Ты хоть сейчас-то логику включи!.. Командир, тоже мне...

Сергей Васильевич облизал ложку, осмотрел ее со всех сторон, вытер о штаны и сунул за ремень.

– Я не пойду.

– Как?!

– Ребят, – это Алла Ивановна вступила, ясное дело! – Во-первых, для начала нужно попробовать всем вместе дойти. Ты как, Володь? Сможешь?

– Смогу, – сказал тот, хотя был абсолютно уверен, что не сможет, и ему показалось, что все это поняли.

– За помощью посылать надо самых опытных. Опытных у нас...

– Сами, что ли, набиваетесь? – Петечка от отчаяния, что его не берут, не берут в Галыгино, до которого рукой подать, а там люди, печка, дизелек и сало с хлебом, чуть не рыдал. Он чувствовал близкие слезы, злые, горячие, даже голос у него изменился. – Я всё равно уйду, уйду!..

– Ну и сгинешь.

– Я не сгину! Это вы тут все!..

– Петь, ну чего ты? – «девочкиным» голосом спросила Женька, придвинулась к нему и взяла за руку. – Чего ты злишься-то так? Ну, подумаешь, метель, она же не навсегда! Переждем да и пойдем себе, как раньше! А сейчас отдохнем пока...

Петечка вырвал руку.

– Тебе надо, ты и отдыхай, а я пойду!

– Володя, давай попробуем ботинок надеть и на лыжи встать, – предложила Алла Ивановна как ни в чем не бывало, и Петечка понял, что всё будет так, как они скажут – она и Сергей Васильевич, – и их придется слушаться! И Степан это понял, и Володя.

На попытку приладить ботинок и лыжи ушло довольно много времени. Сильно мело, снег набивался в нос и рот, лепил под воротники и шапки, пальцы, стоило только сдернуть перчатку, моментально стыли, как будто их судорогой сводило.

Кое-как поставив Володю на лыжи, попробовали двигаться, и вначале даже получилось!..

– Василич, вы идите потихоньку, – прокричала Алла Ивановна, отворачиваясь от снега, – а мы лагерь свернем и догоним! Только направление держите!

– До темноты все равно не успеем!

– С богом!..

Лагерь свернули в мгновение ока, как будто от этого зависела жизнь, и двинули – первый Степан, последняя Алла Ивановна, подгонявшая никчемушную Женьку. Володю и Сергея Васильевича догнали быстро, идти они почти не могли. Обезболивающее действие Марининой ампулы заканчивалось, Володя старался терпеть, и все силы у него уходили на эти старания.

– Сколько мы прошли?

Алла махнула рукой.

Попробовали по-вчерашнему – Володя в середине, по бокам Степан и Диман, волочившие его под руки. Так шли еще какое-то время, медленно, монотонно, ничего не менялось перед глазами, только снег на земле, на небе и в воздухе.

Только снег, и больше ничего.

Потом вдруг Диман нелепо взмахнул руками – палка отлетела в сторону – и пропал.

Никто ничего не понял.

– Там вроде овраг! Он в овраг скатился!

– Стоп! Всем стоп!..

– Володя, стой на месте и не двигайся! Стёпа, держи его!..

– Дима-а-а! Дима! Где ты?!

Алла Ивановна сбросила с плеч рюкзак, подобралась, осторожно перебирая лыжами. Они тонули в свежих сугробах.

– Я здесь. Я жив.

– Встать можешь?!

Алла начала шаг за шагом спускаться по откосу, за ней, ступая по ее следам, двинулся Сергей Васильевич.

Петечка подошел поближе к Степану.

– Ты что, не видишь, куда прешь?! Походник чертов!

– Ничего я не вижу, – огрызнулся Степан, на котором, тяжело дыша, висел Володя. Он то и дело прикрывал глаза, подтягивал ногу, как раненая собака, и казалось, что он вообще ничего не понимает.

– Они нас угробят, ты понимаешь или нет?! – опять заорал Петечка. – Они нас всех угробят! За подмогой надо идти, а не ковыряться тут!

– Может, все же Диме помочь? – влезла Женька. – Он же такой большой! Как он вылезет?

– Там без нас помощников хватает! Всё! Я ушел!

– Стой, куда, придурок?!

– Я не желаю тут с вами сдохнуть! Я пока в своем уме!

Тут на уровне их ног показались две головы – совершенно одинаковые головы в капюшонах, шапках, застегнутые почти до глаз.

– Мужики, помогите!

Степан стряхнул Володю, который тут же сел в снег, и вдвоем с никчемушной Женькой за руки они вытащили Димана. Следом выбралась Алла.

– Димочка, ты не ушибся?

– Я лыжу потерял.

– Как?!

– Отстегнулась и уехала, как, как!..

– Там Сергей Васильевич ищет, – бодро сказала Алла Ивановна. – Слава богу, руки-ноги целы.

– Мы все тут замерзнем.

Они повернулись и посмотрели.

Володя сидел на снегу, закрыв глаза, и вид у него был неважный.

– Мы все замерзнем до смерти.

– Володя, ну что ты говоришь?.. Ну конечно, мы не замерзнем! Мы костер разведем, тепло будет, – сказала Женька.

– Заткнись, дура, – сквозь зубы велел Степан. – Так. Я иду за помощью. Кто со мной?

– Я! – моментально отозвался Петечка и скинул рюкзак.

– Хватит дурака валять, – жестко сказала Алла Ивановна.

– Мы не собираемся торчать тут и ждать, когда вы нас погубите! Мы уходим.

– Этого нельзя делать.

– Всё, поруководили, и хватит! Теперь моя очередь. – Степан весь преобразился, подобрался, подтянул завязки на штанах, поглядывая на Петечку. – Если будешь отставать, возвращайся. Засеки направление. Я с тобой возиться не буду, некогда мне.

– Я не отстану.

Марина, присев на корточки, щупала Володину ногу. Он не открывал глаз.

– Ставьте палатку и ждите подмогу, – продолжал Степан. – Всё, я ушел.

– А как же мы? – спросила Женька «девичьим» голосом. – А если на нас волки нападут?..

– Не нападут!

И они ушли!..

Какое-то время, очень недолго, в метели маячили красные куртки, а потом исчезли, растворились.

Из оврага показался Сергей Васильевич с лыжей в руке.

– Глубоко зарылась, – кряхтя выговорил он, выбираясь. – Ты, Диман, видать, когда падал...

Он оглядел притихших людей.

– Ё-мое!.. Ушли?! Ал, ты куда смотрела?! Пропадут ведь теперь!

– Мы все пропадем, – сказал Володя. – Точно!

– Так, поднимайся, парень, и двинем потихонечку! Давай-давай!..

– Я не могу.

– Чего там не могу, когда надо! Дим, лыжу-то надевай! Рюкзаки бери. Вот козлы, налегке ушли, всю снарягу бросили!.. Ах ты, мать честная! А если ночевать придется? Ни топоров, ни спичек не взяли! Ал, куда смотрела?!

И тут истошным голосом завопила Женька.

– Волки-и-и!.. Волки-и-и!!!

Марина качнулась и повалилась в снег. Диман схватил палку и занес её над головой. Сергей Васильевич молниеносным движением выхватил нож. Алла бросилась к Женьке.

– Волки-и-и! – кричала та. – Спасите-е-е!

Крупный волк неторопливо и как-то вальяжно трусил довольно далеко, на границе видимости, почему-то почти не проваливаясь в снег. Остановился, подумал и повернул в их сторону. Тут он увяз, но всё равно приближался стремительно, как будто плыл саженками.

– Спасите! – пикнула Женька.

– Тихо! Он не подойдет. Нас много.

Тем не менее волк приближался. Марина вскочила и стала тащить Володю, который изо всех сил старался встать, но у него не получалось.

– Я боюсь его, боюсь!

– Фу-ты! – вдруг выдохнул Сергей Васильевич и опустил руку. – Ох ты...

– Это не волк, – быстро сказала Алла. – Это не волк, ребята, это собака!..

Невиданный зверь сделал еще прыжок и остановился. Вильнул хвостом и двинулся снова, ныряя в снег.

– Собачка, – пролепетала Женька и всхлипнула. – Ты правда собачка?

Пёс приблизился, снова повил хвостом, как будто приветствуя, обошел людей – они сторонились и смотрели на него во все глаза.

– Выходит, жильё близко? – сама у себя спросила Алла Ивановна. – Иначе откуда в лесу собака?

Пёс фыркнул, мотнул башкой и ринулся прочь по целине, туда, откуда пришел.

– Собачка! – закричала Женька. – Постой, ты куда? Отведи нас к людям!

– Жень, не голоси, – велела Алла. – Подождем, посмотрим.

– Ушел, – прошептала Марина. – И этот тоже нас бросил.

Все молчали, смотрели зверю вслед.

– Странное дело.

– А может, это наши уже дошли? Может, тут всё рядом? – затараторила Женька. – А? Люди, трактора, собаки! Может, они сейчас тоже придут?

Метель, от которой ломило в глазах и звенело в ушах, и больше ничего и никого не было видно, сколько они ни всматривались.

Нужно продолжать двигаться, но все как-то разом обессилели, даже разговаривали с трудом.

– Это из-за меня, – мрачно сказал Диман. – Надо было под ноги смотреть.

– Какая теперь разница.

– Ну он же вернется? Собачка вернется?

– Мы не знаем. Собираемся и пойдем потихоньку.

Никто не заметил, как из метели вынырнул лыжник – самый обыкновенный лыжник в красном комбинезоне, шапке и очках, как будто совершавший здесь, в Уральских горах, увеселительную прогулку. Сквозь метель он двигался свободно и спокойно, а перед ним бежал давешний пёс!..

Женька увидела их первыми, стала хрипеть, давиться и показывать рукой, люди оглянулись и замерли.

– Здравсти, – прокричал человек издали, подошел, как-то по-особенному ставя лыжи, и задрал на лоб очки. – Откуда путь держите?

Какое-то время все тарасились на него, как будто с неба спустился марсианин, и понятно, что это именно марсианин, но все страшно рады его видеть, а потом разом заорали:

– Мы в походе! Уже десять дней! Мы рацию утопили!

– У Володи растяжение и лыжа сломана! Идти не может!

– Мы в Галыгино идем! И у нас еда почти кончилась!

– А вы откуда? Здесь что, жильё поблизости?

Лыжник слушал совершенно спокойно, пёс крутился возле него, махал хвостом.

– Надо нам поторапливаться, – сказал лыжник как ни в чем не бывало, когда все перестали орать, – штормовое предупреждение еще вчера объявили. У вас... только один ранен?

– И еще двое за подмогой ушли.

Лыжник присвистнул. Сергей Васильевич выпростал из перчатки руку и протянул лыжнику.

– Здравсти. Сергей Васильевич меня зовут.

Лыжник тоже стянул перчатку и пожал его руку.

– Марк. Давно ушли?

– Да уж... с полчаса. В сторону Галыгина. Компас у них с собой, а рюкзаки они бросили.

Если метель их застанет, плохо дело, заночевать не смогут...

Лыжник по имени Марк подумал немного и подозвал свою собаку.

– Вик, домой! Домой, Вик.

Пёс как ни в чем не бывало повернулся и, извиваясь в снегу, стал большими прыжками уходить в метель.

– Он не заблудится? – спросила глупая Женька. Всем было страшно, что собака уйдёт, и этот человек уйдет тоже, и они опять останутся одни.

– Не заблудится, – Марк мельком улыбнулся. – Тут всё близко.

– Как близко?!

– До лыжни метров двести, и по лыжне два восемьсот.

– До какой... лыжни?

Не отвечая, Марк присел на корточки перед Володей, осмотрел его ботинок и лыжу и вдруг сказал:

– Склеена хорошо, отлично просто!.. Ну, пошли.

– Откуда тут лыжня? – спросила Алла Ивановна. – Вы... точно знаете? До Галыгина пятнадцать с гаком, а вы говорите два!

– Два восемьсот, – поправил Марк. – До нашего кордона. До Галыгина не дойти, через перевал сейчас никак.

– Так наши в Галыгино ушли!..

– Догоним, – сказал Марк. – Догоним и вернем, не беспокойтесь.

Профессиональным движением он сдернул с плеча двустволку, на которую никто поначалу не обратил внимания, выстрелил в воздух и – оп-ля! – двустволка как будто сама по себе вернулась ему за спину.

– Ой! – Женька зажала уши ладонями. – Ой, как громко!

– Это хорошо, что громко, – успокоил ее Марк. – Зато кому надо, все услышат. На всякий случай. Хотя Вик Кузьмича и так приведет.

– Я не могу идти, – сказал Володя. – Я не могу, понимаете?

– Вставай, – велел ему Марк. – По целине потерпишь, а там легче будет. Ну, давай, давай!..

Он говорил и двигался столь уверенно, и ни у кого не возникло сомнений в том, что всё будет именно так, как он говорит.

– Парень, бери рюкзак. И ты, Сергей Васильевич!

– А Володю кто поведет?

– Сам пойдет, – сказал Марк. – А я помогу немного. Растяжение, подумаешь!

– Откуда вы знаете? Вы что, врач? – пробурчала Марина. Ей казалось, что очень уверенный в себе спасатель по имени Марк не верит или не понимает, что Володе больно, на самом деле больно!

– Я не врач, но это неважно. Пошли!

И они пошли!..

Марк вел Володю, держа обе свои палки в одной руке, они шли, почти обнявшись, в ногу, равномерно покачиваясь, и Марина, которая смотрела им в спины, всё боялась, что Володя упадет.

Но он не упал.

Совершенно неожиданно лыжи перестали проваливаться, и это было так странно – как будто они из воды выбрались на сушу! Не утонули, а, наоборот, спаслись!

– Ну, вот и лыжня, – сказал Марк как ни в чем не бывало. – Сейчас Кузьмича дождемся, и я за вашими отщепенцами сбегая.

– Как... сбегаете? – спросил Диман.

– Откуда здесь лыжня? – спросила Алла.

– Володя, ты как? – спросила Марина.

– А ваша собака точно не заблудится? – спросила Женька.

Марк палкой показал куда-то в лес.

С горки сквозь снег несея пес, белый хвост мотался в метели, а за ним мчался еще один лыжник!..

Он не шел, а именно мчался, снежные вихри крутились за ним, и Алла Ивановна вдруг заплакала громко, изо всех сил.

Это было так неожиданно и так странно, что вся группа уставилась на неё.

– Ничего, ничего, – выговорила она и вытерла глаза рукавом. – Это я... так.

Человек подкатил, затормозил, «плугом» сведя концы лыж, поднял очки на лоб и спросил будничным тоном:

– Ты чего стрелял, Марк?..

– Один ногу растянул так, что идти не может, а еще двое в Галыгино ушли.

– Давно?

– Полчаса или чуть больше.

Они говорили, одновременно в четыре руки развязывая и открывая рюкзак, который принес второй. Туристы стояли, обступив их, безвольные и обессиленные. Алла Ивановна шмыгала носом.

В мгновение ока спасатели вытащили и раздали крохотные бутылочки, велев всем выпить. Все послушно выпили. В бутылочках была какая-то гадость, похожая по вкусу на фруктовый кисель. Из аптечки извлекли шприц.

– Что это? – встрепелась Марина.

– Блокада. Чтоб ваш раненый до дома дострадал.

– Я утром ему колола анальгизин и...

Тут Марк и его напарник засмеялись – и Марине опять показалось, что смеются они обидно и именно на Володин счет!

– Анальгизин – это так, для самоуспокоения. А мы сейчас уколем, чтоб идти можно было!

– Давай сюда конечность, парень!

Марк всадил в Володину голень шприц прямо сквозь многочисленные штаны. Тот дернулся.

– Терпи, ну что ты? – укоризненно сказал второй, забрал шприц и аккуратно убрал обратно в рюкзак. – Сейчас быстрее ветра побежишь. Одно дело, что в подъем.

– Да какой там подъем, Кузьмич.

– Да какой ни есть, а они, видишь, все раскисли.

– Мы дойдем! – «девочкиным» голосом пообещала Женька.

– Вот ты умница какая! – похвалил Кузьмич. – Конечно, дойдем, никуда не денемся.

Моментально они собрали рюкзак и поменялись – Марк отдал напарнику ружье, а тот ему рюкзак и рацию. Потом Кузьмич выдернул откуда-то карту.

– Вы с гавриками где расстались? В картах кто понимает?

Алла подошла к нему и Сергей Васильевич тоже.

Карту трепало ветром.

– Ночевали мы вот здесь, а ушли они... Алла, глянь... Вот отсюда. Это овраг, да?

– По-моему, да. Мы после них совсем немного прошли!

– Так это рядом всё.

– Не-ет, – протянула Женька. – Это же, наоборот, далеко! Ну что вы?!

И дядьки посмотрели на неё с жалостью, как на убогую.

– Володя, – вмешалась Марина, на которую никто не обращал внимания, а ей хотелось, чтобы обращали. – Ты можешь идти?

– Могу.

– Точно?

Вместо ответа Володя оттолкнулся палками и прошел немного.

Кузьмич почесал бровь.

– Да по лыжне одно удовольствие!.. Хоть снежком и присыпало маленько.

– У него же нога...

– А у меня две, – сказал Кузьмич обидно. – Марк, ты... того. Отсюда влево забирай, их как пить дать влево снесло. Где вещи?

– Какие вещи?

– Гавриков ваших!

Алла подтащила Петечкин рюкзак.

– Вик, нюхай.

Пёс, все время крутившийся рядом, подошел и понюхал. Алле показалось, что он ухмыльнулся и кивнул – должно быть, из-за морочной метели так показалось!..

– Ищи, Вик! Ищи!..

– Марк, связь в пятнадцать. Ракетница с правой стороны. Волокуши где всегда.

– Понял, Кузьмич.

– Я до кордона их провожу и подскочу. Сигнализирую.

Марк опустил на глаза очки – и как не было их, – ни его, ни волшебной улыбающейся собаки. Напарник немного поглядел им вслед, вздохнул и обвёл глазами оставшихся.

Марине показалось, что он сразу сделался недоволен.

– Ну, двинем, что ли, экскурсанты?.. За мной, за мной! Тут слегка в горочку, зато по лыжне! Ты, дядя, замыкающим пойдешь, – велел он Сергей Васильевичу.

– Откуда среди леса такая лыжня? – Алла задыхалась, но старалась идти вровень с Кузьмичом.

– От ратрака. Мы ратраком прокладываем.

– А вы – это кто?

– Кузьмин Павел Николаевич мы, – представился Кузьмич. – А этот ваш давно конечность повредил?

– Вчера утром. Мы после этого почти ничего не прошли, метель началась.

– Бог милостив, это пока еще не метель. А гавриков зачем от себя отпустили?

– Они нас не спрашивали. Сами ушли.

– Насвоевольничали? – удивился Кузьмич. Он очень старался не торопиться и все время думал о Марке. – А руководитель группы чего проглядел?

– Вон наш руководитель. – Алла показала палкой на Володю, который шел бодро, даже не хромал.

– Да ладно! Правда, что ли?

Алла на ходу покивала.

– Чудеса! Что это за группа такая?!

Алле не хотелось рассказывать про группу, неловко было, но всё же пришлось:

– Из Интернета.

– Чего такое?!

– Группа собирается в Интернете. Есть специальные сайты для походников.

– Не для походников, а для покойников! – вдруг с сердцем сказал Кузьмич. – Кто это из Интернета сразу на зимний Урал прёт?!

Алла пожала плечами.

Теперь, когда отпустили ответственность и страх, она вдруг почувствовала себя очень усталой, старой, немойтой, голодной. Пятка левая стерта почти до мяса – носок порвался, а она не стала останавливаться, поленилась, хоть и знала, что с ногами шутки плохи. Спина болит, перетрудила. Палец давеча обожгла у костра, когда клей для Володиной лыжи грели, саднит.

Который раз она себе повторяет – больше никогда в жизни, какие походы, сорок два года, на печи давно пора лежать, и все равно идет!..

Кузьмич оглянулся на растянувшуюся группу и закричал зычно:

– Работаем, работаем в подъём! Не отставай, дядя!.. Подтягиваемся! Раз, два! Раз, два!

Алла понимала, что вопрос глуп, в духе Женьки, но всё-таки спросила:

– А ваш Марк найдет Петю и Степана?

– Авось не иголка в стоге сена, найдет. Через перевал они уйти не могли, и Вик не подведет.

Алле казалось, что она ни за что не залезет в затяжной подъем, силы кончатся, упадет, и тут ей конец придет. То и дело она оглядывалась и приостанавливалась, как будто чтоб посмотреть, как там Женька. И Марина останавливалась, хотя Володя шел впереди и даже не оглядывался, и ей приходилось делать вид, что она тоже смотрит на Женьку. Диман пыхтел, сопел и не произносил ни слова – очень старался.

Кузьмич всех подгонял.

Сердце стучало часто и гулко, как будто работал дизельный движок— ту-ту-ту-ту-ту!..

А потом вдруг из-за ближайших деревьев взметнулась ракета, бабахнула в небе, озарив снег и ёлки красным.

– Да чего ты палишь, мы уж тут! – под нос себе пробормотал Кузьмич и снова группе во весь голос: – Терпим, терпим, почти пришли!..

Деревья расступились, и из метели, совсем близко, вырисовался островерхий дом. Окна светились, и дизель стучал – ту-ту-ту-ту!..

Дизель, а вовсе не сердце.

Кузьмич взял рацию и сразу ушел, оставив группу на попечении безмолвной фигуры в расшитом бисером свитере и мягких меховых сапогах. Фигуру звали Зоя Петровна.

– Гляньте, чего там у одного с ногой! – с крыльца велел Кузьмич. – И эмчэсовцам сообщите, что туристы на нас вышли, еще двоих сейчас приведем.

Алла Ивановна как села в коридоре на пол, так и осталась сидеть, а Диман лег лицом вниз. Марина стягивала с Володиной ноги ботинок. Сергей Васильевич таскал в сени рюкзаки, а Женька стояла возле голландской печки, и её с головы до ног била дрожь.

Безмолвная Зоя Петровна помогла Сергею Васильевичу перекидать рюкзаки, вошла и аккуратно прикрыла за собой обе двери – уличную и в сени.

– Я не могу, – лежа на полу, выговорил Диман. – Я больше не могу.

Мягко и неслышно ступая, Зоя Петровна перешагнула через Димана, подошла к Женьке и, поворачивая её, как куклу, стянула перчатки, шапку и комбинезон. Женька не сопротивлялась. Покидав вещи на пол, Зоя Петровна перешла к Марине.

– Я сама, – вяло сказала та. – Не надо, что вы.

Зоя Петровна раздела и её тоже, а Алла не далась. К тому времени, когда та подступила к ней, она уже стаскивала рейтузы.

– Куда положить?

Молчаливая Зоя Петровна подбородком указала на кучу вещей.

С Диманом вышло сложнее, он был большой, тяжелый и не понимал, чего от него хотят, но Зоя Петровна справилась. Некоторое время посмотрев на Володю, который был почти в обмороке, она приняла какое-то решение, раздевать его не стала и сказала негромко:

– Женщины, за мной ступайте.

Подталкивая впереди себя Женьку и придерживая под руку Марину, Зоя Петровна куда-то повела их, и Алла поплелась за ними. Брели в полумраке довольно долго, спускались, держась за полированные перила и путаясь ногами. Женька всё тряслась.

Хозяйка – или кто она?.. – открывала перед ними двери, и вдруг оказалось, что они пришли в баню!

– В чане кипяток, в кадушке ледяная, – проинформировала хозяйка. – Сами справитесь или мыть вас?

– Сами, – хриплым голосом сказала Алла. – Мы сами, спасибо!

Даже в предбаннике было жарко, раскаленный воздух, пахнувший хвоей и свежей водой, забил нос. От неожиданного и щедрого тепла у Аллы волосы на голове зашевелились и тело покрылось мурашками.

Торопясь, как будто баня и тепло могут исчезнуть, пропасть, оказаться видением в ледяном метельном лесу, Алла затолкала Женьку и Марину в парную – они сразу повалились на выскобленные добела полки – и стала поливать их по очереди из ковшика.

– Господи, – прошептала Женька, слизывая с губ воду, – как хорошо... А вода не кончится?

Воды было полно, в каменной печи пылали дрова, в ушате мокли веники, в предбаннике стопкой лежали махровые полотенца – почти до потолка.

Куда они попали? В рай?! Именно так выглядит рай для замерзающих на Приполярном Урале туристов?!

Неизвестно, сколько прошло времени, должно быть, много, потому что, когда в очередной раз они выбрались в предбанник и рухнули в изнеможении на лавки, открылась дверь, и на пороге возникла давешняя Зоя Петровна.

– Не угорели? – осведомилась безразлично. – Нету вас и нету.

Она прошла и распахнула двойную форточку, в которую сразу повалил морозный пар. Женька сунулась к форточке – дышать.

– Женя, простынешь, – вяло сказала Марина.

– Мы уже выходим, – и Алла Ивановна заискивающе улыбнулась Зое Петровне. – Пора, да?

– Давно пора. Вещи здесь берите, – и хозяйка распахнула решетчатую дверь шкафа. – Снизу штаны, сверху свитера. Носки вон там.

– А наши? Наши вернулись?

Женька на лавке пристраивалась спать, и Марина из последних сил тарщила слипающиеся глаза. Алла заставила их одеться, и по скользкой полированной лесенке они забрались наверх в широкий коридор, освещенный единственной лампочкой.

За толстой стеной дома, сложенной из круглых бревен, что-то сильно бабахнуло, коридор на мгновение залило красным, а Женька шарахнулась и вскрикнула:

– Ой!

Распахнулась дверь в сени, появилась Зоя Петровна и объявила:

– На подступах!..

– Где Володя? – спросила Марина. Ей было стыдно, что она совсем про него позабыла.

– Это который же Володя?

– У которого... который ногу повредил.

– Спит, – проинформировала Зоя Петровна. – А вы идите поешьте.

– Как спит?!

– Как люди спят. Умаялся. До утра не проснется.

– А Дима?

– Тоже задремал. Потом разбужу, с мужиками в баню ходит, и я его до утра положу.

– А мы... где? – это Алла Ивановна спросила. – Что это за место?

– Кордон «полста-три», – ответила хозяйка, как будто это всё объясняло. – Туда проходите.

Путаясь в чужих слишком длинных брезентовых штанах и волоча за собой Женьку, Алла пошла, куда показала Зоя Петровна, и пришла в просторную, в несколько окон кухню. И это была такая кухня, что Алла остановилась на пороге, Женька с разгону клюнула её в спину.

Всю середину занимала огромная, сложенная из речных камней плита с медным колпаком вытяжки над ней. В колпаке плавал свет отраженной лампы, а в плите пылали дрова. На

закопченных конфорках помещались чугунок и сковорода диаметром, должно быть, в метр, и в ней что-то жарилось, пахло так, что у Аллы помутилось в голове от голода и вождления. В буфетах с деревянными резными заборчиками были расставлены кувшины и тарелки, их отмытые цветастые морды улыбались. В простенке висели картины. В высоких, по пояс, подсвечниках горели толстые свечи. Длинный деревянный стол, выскобленный, как и стены, добела, терялся вдаль. За ближним его концом сидел Сергей Васильевич, согнувшись в три погибели, и ел. Он оторвался только на секунду, оглянулся, промычал невнятное и продолжал есть.

– К столу, – пригласила хозяйка.

Алла Ивановна отодвинула ближайший стул – тяжеленный, будто из чугуна, – и приткнулась. И Женьку рядом приткнула.

Без Женьки она чувствовала себя совсем неуверенно.

...Как это называется? Кордон «полста-три»?..

Развернулась скатерть-самобранка, сами собой из воздуха явились цветастые тарелки, салфетки, длинные граненые стопки, стаканы, кувшин с морсом и штоф водки.

Алла потрясла головой. Женька осторожно потрогала тарелку. Марина выпрямила и без того прямую спину. Сергей Васильевич ел.

В чугунке оказалось тушеное мясо, а в метровой сковороде жареная картошка.

Тут стало ясно, почему Сергей Васильевич не может ни говорить, ни двигаться. Еда оказалась так вкусна, что ничего этого делать не стоило, можно было только есть, есть, наслаждаться, насыщаясь, тяжелея, соловей!..

– Как вкусно, – простонала Женька с набитым ртом. – Ох, как вкусно! Вот спасибо-то! Что это за мясо такое необыкновенное?

– Как что? Кабан.

– Какой дивный кабан!.. Вот молодец кабан!

Они ели еще долго, и, должно быть, лопнули бы, но тут где-то в отдалении загремело, застучало, бабахнули двери, забасили голоса.

– Что это? Наши пришли? – спросила Алла, перестав жевать, но безмолвной Зои Петровны уже и след простыл.

Алла бросила вилку, отодвинула тяжеленный стул, и Марина стала подниматься, и даже Сергей Васильевич, а Женька всё продолжала жадно запихивать в рот мясо и только пробормотала виновато:

– Я сейчас, сейчас.

Они друг за другом выбрались в коридор, где было очень много народа, холодного воздуха, рюкзаков, лыж, запаха леса, где между людьми моталась улыбающаяся собачица, хвост мел по бревенчатым стенам, коленям и наваленным вещам, и столпились растерянной кучкой.

– Управилась, мужики? – спрашивала Зоя Петровна буднично, принимая лыжи, палки, двустволку.

– Нормально всё, – отвечал кто-то из них. – В обратную сторону долго ковырялись. Ветер встречный и подъем.

– Баня топлена.

– Подождите, Зоя Петровна, что-то я без сил.

– Ты?! – Это уже другой удивился. – Когда ты в последний раз был без сил, Марк?

– Кузьмич, эмчэсовцам доложи, что все на месте.

– Доложено, – проинформировала хозяйка. – Вы как в горку стали подниматься, я на связь вышла, упредила.

– А вы откуда знали, что мы в горку стали подниматься, а?!

– Мне ли не знать.

Скрипели двери, все двигались, шевелились, возились, и в тусклом свете единственной лампочки растерянная Алла никак не могла рассмотреть ни Петечку, ни Степана.

– Велено передать прогноз. Первый заряд прошел, к утру уляжется. А потом второй придет, серьёзный, – доложила Зоя Петровна.

– Да ну их к шутам! Опять заряд!

Кузьмич прошагал в глубину коридора и тут только заметил толпу ранее спасенных.

– Приветствую! – зычно провозгласил он и сдернул с бритой башки красную вязаную шапку. – Живы? Целы? Сыты? Мыты?

И Алла, и Марина, и даже глупая Женька смотрели на него во все глаза. Женька, кажется, икнула.

Лесной человек с хриплым голосом выпивохи и распорядка, который был так недоволен тем, что вынужден их спасать, который понукал их, как пастух стадо ленивых баранов, без лыжных очков, куртки до глаз и шапки до носа оказался совсем молодым, обветренным, загорелым, сероглазым!..

– Чего такое? – спросил он, оглянулся и дернул плечом – не понял, почему они на него уставились. Потом зачем-то сунул Алле узкую длинную красную ладонь и представился заново:

– Кузьмин Павел.

– Алла, – глупым «девочкиным» голосом отозвалась Алла Ивановна.

Кузьмич, оказавшийся Павлом, немного подержал её руку, потом выпустил и скрылся за одной из многочисленных дверей и там загрохотал.

Алла посмотрела на свою ладонь.

– Получите отщепенцев! – весело сказал второй и как-то странно, как будто за шкуру, выволок на середину коридора Петечку и Степана.

Петечка был совсем плох – бледен до зелени или до синевы, или так показалось под светом единственной лампочки? Он всё время сглатывал, кадык ходил ходуном, глаза как будто подернуты плёнкой, словно у умирающей птицы, колени подгибались.

Степан то и дело наклонялся вперед, упирался руками в колени, словно не мог отдышаться.

Зоя Петровна уже ловко расстегивала на нем куртку, стаскивала ее с плеч, поворачивала его в разные стороны.

Марина подошла, взяла Петечку за руки и посмотрела в глаза.

– Петя! Петя, ну!

– Ничего, – сказал Марк. – Он идти совсем не мог, я его всю обратную дорогу на себе волок.

– Вот и без сил, потому что его на себе волок! – громко заявил из-за стены Кузьмич. – Чего в такие походы соваться, если на ногах прямо стоять не можешь?!

– Петя, посмотри на меня! Стёпа, всё закончилось! Всё в порядке. Не знаю, может, глюкозы им уколоть? – озаботилась Марина.

– Вон у нас в углу кактус японский! – Кузьмич возник в коридоре, в руках у него был трос, который он наматывал на локоть. – Можно на кактус посадить, эффект будет тот же самый!

– Отстань от них, Кузьмич.

Тут они все как по команде повернули головы и посмотрели на второго. Он усмехнулся.

– Здрасти, дамы.

Этот второй тоже оказался обманщиком!.. Широкоплечий, поджарый, как будто из цельного куска отлитый, темные отросшие волосы падают на глаза. Он улыбался, и у глаз собирались мелкие морщины, которые не старили его, наоборот, от них он казался совсем молодым, странно молодым.

...Как это называется? Ковчег «полста-три»?.. Учет, нет, кордон!..

– В баню, мужики. Я ту истопила, которая в доме.

– Правильно сделали, Зоя Петровна. До дальней в метель не дойдешь.

Тут все разом пошли куда-то и потащили за собой Петечку и Степана, так и не произнесших ни звука, и Сергей Васильевич, про которого все забыли, потопал следом, – Алла Ивановна, Марина и Женька посторонились, встали к стенам.

– А можно я пойду и еще немножечко поем? – на ухо спросила Женька Аллу.

– Чего ж нельзя, – отозвалась издали все услышавшая Зоя Петровна. – Милости просим.

Она за руку привела Димана, который шурился на тусклый свет и тыкался по сторонам.

– Туда ступай, за мужиками.

– Куда мы попали? – Марина подошла к перилам и посмотрела вниз, куда уходили ступени полированной лесенки. – Где мы?.. Что это за место?..

Их разбудил нарастающий мерный рокот – тра-та-та-та. Чуть отдалится и снова нарастает – тра-та-та-та.

– Выключите, – прохныкала Женька, не просыпаясь. – Ну что такое?..

Алла открыла глаза, уверенная, что кордон «полста-три» ей привиделся во сне, и ожидая увидеть мутный полумрак и нейлоновый полог палатки, присыпанный сверху снегом.

Нет никакого полумрака и нейлонового полога.

В большой комнате светло и очень свежо. Стены, сложенные из круглых бревен, большое окно, а за окном все белым-бело и ёлки, засыпанные снегом.

Алла села. Всё тело гудит, как под напряжением, ноги и руки ватные, чужие. Она потёрла лицо – изо всех сил.

Рокот опять надвинулся из-за окна, и, делая над собой усилие, Алла встала, подошла и посмотрела.

Над лесом кружил вертолет – тра-та-та-та!..

Метели не было, сыпал мелкий частый снег, и сквозь этот снег на круглую расчищенную площадку с огромной нарисованной черной буквой «Н» заходил на посадку вертолет.

Алла прижалась лбом к ледяному стеклу, и внутри головы стало как будто немного просторней.

Высокий человек в красной куртке стоял возле площадки и, задрвав голову, смотрел в небо.

– Что там такое? – спросили сзади, и Алла ответила:

– Вертолет.

Марина подошла и тоже стала смотреть. От её дыхания стекло запотело, Алла протерла.

Вертолет примерился и аккуратно приземлился в центр буквы «Н». Снег разносило в разные стороны, человек отступал и закрывался рукой. Лопасты стали вращаться медленнее, их уже можно было различить. Поехала в сторону дверь, из кабины кто-то выпрыгнул и побежал к высокому человеку. С разгону они обнялись.

Пилот в стрекозином глазу кабины сдергивал наушники, показывал большой палец и делал какие-то знаки тем, кто снаружи.

Та-та-та – договорили лопасти и остановились.

– Куда мы попали, а? Может, это засекреченная военная база?

– Непохоже, Марин.

– Вы бывали на военной базе, Алла Ивановна?

Это спросила прежняя Марина, ироничная, немногословная, деловитая – врач до мозга костей. Не та, что вчера повалилась в парной на лавку, и Алле пришлось некоторое время отливать её водой!

Женька спала на кушетке, разметавшись под лоскутным одеялом, как в обмороке, – рот приоткрыт, дышит редко и глубоко.

Кроме кушетки, были еще кровать, на которой ночевала Марина, и Аллин диван. Диван был разложен, и – убей бог! – Алла не могла вспомнить, кто и когда его раскладывал и как они все трое вообще попали в эту комнату!

– Может, вертолет за нами прислали?

– Кто прислал, Марин?

– Не знаю. МЧС.

Алла еще посмотрела на улицу. Двое шли по дорожке к дому, разговаривали, жестикулировали и смеялись.

– Вряд ли. Да мы все в него и не поместимся!.. Нужно выйти, узнать что к чему.

– А где наши рюкзаки, не знаете?

Алла не знала. Она вообще ничего не знала и не понимала!

Тут ей пришло в голову оглядеть себя.

На ней были её собственные трусы, которые она именовала «походными» – монументальные, крепкие, способные вынести любые испытания, – чужая футболка с вытертой надписью, а больше ничего.

То есть её еще и раздели на ночь!

Она посмотрела на Марину – ту тоже раздели, – а потом обе они огляделись по сторонам. Возле спальных мест аккуратными кучками была сложена их вчерашняя одежда – брезентовые штаны, свитера и носки. У Аллы был белый свитер с узором, а у Марины черный с полосой.

... Чудеса. Чудеса в решете.

Нет, не в решете. Чудеса на кордоне «полста-три»!

Они проворно оделись и друг за другом, крадучись, как кошки, вышли из комнаты и оказались на лестничной площадке. В одну сторону уходил коридор, как две капли воды похожий на тот, в который их вчера по очереди затаскивали «лесные люди», а с другой была широкая дверь с совершенно неуместной, гадкой алюминиевой табличкой, извещавшей, что «Посторонним вход воспрещен. Только для персонала».

Некоторое время они изучали табличку.

– Для какого персонала? – почему-то шепотом спросила Марина. – Они тут все персонал, что ли?

Алла Ивановна ничего не ответила. Она хоть и не понимала происходящего, но весь её жизненный опыт подсказывал, что люди на кордоне «полста-три» никакой не персонал, а именно хозяева.

Они держатся, как хозяева, разговаривают, как хозяева, и выглядят, как хозяева.

Только вот хозяева чего?.. Тайги? Приполярного Урала?

Внизу топали, доносились приглушенные голоса.

– ... Пурга к вечеру придет, второй заряд, а ты на вертолете!

– ... Да ведь успели до заряда, проскочили!

– ... Кто вас выпустил только!

– ... А мы без спросу, Кузьмич! Без спросу! Мы сами себе диспетчерская служба!

– ... Терпеть не могу самодеятельность эту!

– ... А кто ночует-то у вас?

– ... Да турье какое-то безмозглое! Понесло их в тайгу! Баб набрали в Интернете, и вперед!

– Надо спуститься, – решительно сказала Марина. – Я это слушать не желаю.

Алла Ивановна, пристроившись за ней, только вздохнула.

... Желаем мы слушать или не желаем, всё равно придется. Потому что мы пострадавшие, а они спасатели. Мы навязались им на шею, а не они нам. Они метались по лесу за нами, а не мы за ними! Теперь держись.

Разговаривали, кажется, в кухне, и когда Марина, а за ней Алла Ивановна показались на пороге, голоса смолкли.

– Доброе утро! – громко и уверенно сказала докторица. – Давайте знакомиться. Меня зовут Марина.

– Да уж день давно, – пробурчали из глубин кухни. – И мы вчера познакомились.

Павел-Кузьмич, Кузьмич-Павел стоял над бескрайней плитой из речного камня, опершись о край большими обветренными руками. В центре плиты топился самовар. Из самовара валил дым, уходил под колпак медной вытяжки. Собеседник Кузьмича, прилетевший на вертолете, среднего роста, крепкий, в золотых очках, сидел за бескрайним столом и поднялся, когда Марина вышла на авансцену.

Алле показалось... нет, она была совершенно уверена, что этого, в золотых очках, откуда-то знает, видела много раз, но она не могла его знать и видеть!..

– Игорь, – представился знакомый незнакомец. – Какие милые дамы!

– Да? – удивился Кузьмич. – Дамы, вы милые?..

Марина улыбалась очень определенной улыбкой.

Она терпеть не могла, когда посторонние, особенно мужики, фамильярничали и интересничали, как будто имели на это право!

– Алла Ивановна, – представилась Алла.

– Обязательно по отчеству?

– Как угодно.

– А что? – наддал Кузьмич, посмотрел на нее и ухмыльнулся. – Я вот всю жизнь Кузьмич, и ничего, мне отлично.

– А где наши... товарищи?

– Ваши товарищи в сознание еще не приходили, – проинформировал Кузьмич. – Вы первые очухались.

– Может, кофейку? – Игорь предупредительно отодвинул стул, возможно, даже каблучками шелкнул бы, если б на унтах были каблучки. Блеснули в зимнем свете его золотые очки.

Все это напоминало сцену из спектакля.

Алла подошла и уставилась на самовар.

Кузьмич-Павел по одной подкидывал в самоварное горло щепки из плетеного короба, тянуло дымом, сладко, вкусно.

– Мы из Москвы, – продолжала Марина, старательно играя в спектакле. – Такой у нас поход в этот раз получился... неудачный.

– Как же неудачный? – Игорь сделал приглашающий жест и посторонился, пропуская её. – Наоборот, удачный! Могли замерзнуть и не замерзли!.. Повезло.

– Наш командир в ручей провалился, лыжу сломал, – тут Марина вспомнила про Володю.

Господи, как она могла забыть, она же врач!.. У неё на руках пострадавший, а она спит, ест, ведет никчемные разговоры!

– Где Володя?

– Спит Володя, – ответил Кузьмич.

– Не может быть, у него сильно травмирована нога. С такой болью...

– Нету у него никакого боли, – сказал Кузьмич, морщась от дыма. – Мы ж с Марком его вчера кололи! Он и спит.

– Да, но действие препарата должно закончиться...

– Как закончится, так он встанет.

– Можно? – спросила Алла и вытащила из короба щепку. Ей очень хотелось тоже топить самовар.

– Ну, подложите. Он сейчас закипит.

– А Марк где? – поинтересовался очкастый Игорь.

– Где ему быть! На трассе. Как ветер улегся, так и ушел.

– Мне бы поговорить с ним, – став озабоченным, сказал Игорь. – И с тобой тоже. Я за этим и прилетел.

– Да ясное дело, что не на нас любоваться!.. Вернется, поговорим. Он сегодня часа на два. Вчера не добрал! Хотя с этими гавриками ухандокался. Вы чего желаете, чай, кофе?

– Кофе, – ответила Марина, обидевшись на то, что Марк вчера с ними «ухандокался».

– Чай, – сказала Алла, решив, что чай у них наверняка таежный, вкусный.

Еще один человек в унтах и распахнутом летном реглане возник в кухне. Он вволок громоздкие рюкзаки – в каждой руке по одному, желтый и красный.

– Здравия желаю, – сказал человек. – Игорь Ильич, добро куда девать?

– Давай сюда.

Человек опустил рюкзаки на пол, в них что-то грохнуло, как будто они были нагружены камнями.

– Антон, – представился человек в реглане и посмотрел на Аллу без всякого интереса, а на Марину с некоторым намеком на интерес.

– Это наш летчик-вертолетчик, – подхватил Игорь. – Между прочим, отличный пилот! Рекомендую. Если кому-нибудь понадобится куда-нибудь полететь по срочному или секретному делу, обращайтесь только к нему! Не подведет.

Алле Ивановне почудилась в этой рекомендации какая-то фальшь, неправда, как будто очкастый Игорь за что-то был недоволен своим пилотом и давал ему понять, что недоволен.

Летчик-вертолетчик скинул реглан на ближайший стул и стал развязывать рюкзаки. Кузьмич взглянул и опять уставился на самовар:

– Чего ты натащил опять, Игорь?..

– Гостинцы! Я же в гости летел.

По одной Антон вытаскивал из желтого рюкзака высокие бутылки и составлял на край стола. Кузьмич заваривал чай, гремел посудой. Марина смотрела в окно, а Алла на «гостинцы».

Бутылок получилось что-то много, дальше начались банки и пакеты, тугие свертки и длинные палки, упакованные в холстину. Из красного рюкзака явились апельсины в сетке, белый виноград в коричневой бумаге, красные крепкие яблоки россыпью – Алла сглотнула, так захотелось яблока! – а потом опять пошли какие-то свертки.

Подошел Игорь, развернул холстинную палку и трепетно понюхал.

– Салями, – сообщил он с благоговением. – Из Милана привёз! Собственноручно выбирал! Всё для вас, ничего не жалко!

– Это мы знаем, – сказал Кузьмич, и опять Алле почудилось что-то такое, неискренность или ирония. – Пропали бы без тебя, как пить дать.

...Какие они тут проворачивают дела, на кордоне «полста-три»? Что это за человек на вертолете, у которого ловкий и оборотистый пилот? Почему ему «ничего не жалко» для «лесных людей», обитателей ковчега? Куда ушел Марк, на какую трассу?.. Что тут может быть за трасса посреди тайги, снегов и сопок? Нефтепровод? Газопровод «Северный поток»?..

– Пустите.

Фигура по имени Зоя Петровна ловко отстранила Кузьмича от плиты, и дальше все стало происходить само собой – из воздуха появились тарелки, чашки, салфетки, затрещали дрова, загорелся огонь, запахло вкусной едой.

Игорь вовсю ухаживал за Мариной.

– А давайте сыру и салями?.. Ну что, яичницу с салом? И шоколаду! Я привез бельгийский шоколад. Антон, где шоколад?.. Как ж вы оказались в тайге? Вы экстремалка?

– Я врач.

– Какая прекрасная, прекрасная профессия! Самая благородная на земле! А вы какой врач? Детский?

– Я кардиолог.

– Кузьмич, ты слышал? Эта прекрасная девушка кардиолог!

– Я слышал.

– А вы лечите все сердечные болезни или только некоторые?

Марина, которая терпеть не могла, когда незнакомые мужики выделывают вокруг неё пассы и строят всякие куры, отвечала довольно холодно, что нынче можно вылечить любую сердечную болезнь, главное – не упустить время.

– А если время уже упущено, Мариночка? Как же я узнаю? Вдруг моё сердце надорвано? Может быть, вы посчитаете мне пульс? Он наверняка зашкаливает! Как это называется, когда пульс зашкаливает?

– Тахикардия.

Марина поднялась, подошла к окну и сделала неприступную спину. Игорь подмигнул Антону, который складывал пустые, как будто сдувшиеся рюкзаки, и тоже пристроился глядеть в окно. Очки у него сверкали весело.

– Как вам мой вертолет? Отличная машина! Начинали-то мы все на «Робинсонах», они как родные. Ну, как «Жигули». Я на «Жигулях» ездить учился. Вот времечко было, а, Кузьмич?..

– Я на грузовике учился. В армии «Жигулей» не выдавали.

– И устойчивый, и надежный! Нам ветер не ветер и снег не снег! Потому что Антон дело знает лучше всех.

– Красивый вертолет, – подала голос Алла Ивановна, потому что Марина всё молчала. – Как он называется?

– «Еврокоптер». А начинали все на «Робинсонах», помнишь, Антон? Этот как «Жигули»!

Зоя Петровна взволокла на стол объемистый расписной чайник.

– Хлеба зачем натащили? У нас свой, печеный.

– Сыр и салями, Зоя Петровна, полагается есть с французским багетом!

– Вам видней.

– Можно мне яблоко? – не выдержала Алла. – Одно.

Кузьмич взял яблоко, ополоснул из ковшика и протянул, холодное и увесистое. Алла некоторое время любовалась яблоком – с красного бока ей на штаны накапали студёные капли.

– Яичня, – объявила Зоя Петровна, и перед носом у Аллы появилась тарелка.

...Наплевать. На всё наплевать. На правила хорошего тона, необходимость делать «неприступную спину» и не менее неприступное лицо, на вопросы, которые её мучают и их всё больше, а ответов пока никаких, на незнакомых людей, которые кажутся знакомыми, и на их непонятные разговоры. Яичница с ломтем черного «печеного» каравай важнее. Нет на свете ничего важнее яичницы, вот что.

Алла щедро посолила ржаной ломоть, вздохнула и стала есть яичницу с салом, заедая хлебом – именно есть, а не завтракать и не угощаться. Время от времени она длинно вздыхала, переводила дух и прикрывала глаза.

Павел – который Кузьмич – сидел напротив, прихлебывал из кружки чай и посматривал на неё с интересом зоолога, изучающего рацион лемуров, отряд «приматы», подотряд «мокроносые обезьяны».

Ну и наплевать, наплевать на всё!..

Марина так и стояла у окна, только теперь рядом с ней изо всех сил старались оба, и Игорь, и пилот Антон.

Это они еще Женьку не видели. Всё впереди.

– Иностранная колбаса, – проинформировала Зоя Петровна собравшихся, и на столе появилась широкая и гладкая доска, на которой – Алла проглотила яичницу и еще раз взгля-

нула – всё было идеально и в полном соответствии с правилами. Прозрачные ломтики салами, наломанный руками багет, треугольники сыра, веточка белого винограда и горстка грецких орехов.

...Кто эти люди среди тайги?! Что тут такое делается?!

– Это вы ножом так нарезали? – спросила Алла про салами.

Зоя Петровна ответом её не удостоила, очевидно ввиду крайней глупости вопроса.

Хоровод и ритуальные танцы от окна переместились к столу. Марина села, и кавалеры пристроились по обе стороны от неё. Игорь пользовался некоторым преимуществом, как начальник, но и пилот Антон не зевал.

– Марина, а вы где практикуете?

– Я не практикую, я работаю. В Бакулевском центре.

– Ничего себе! Такая молодая и уже в таком месте работаете! Туда не всех берут, только самых лучших.

Тут она первый раз искренне улыбнулась:

– Это правда.

И взяла с доски кусочек багета и лепесток салами.

– Яичню кому еще?

Алла вздохнула:

– Можно мне, если больше никто не будет.

И обвела глазами всю компанию. Кузьмич вдруг засмеялся, и было понятно, что – над ней. Поднялся и налил ей чаю в большую кружку. Какой любезный!..

Алла доела яичницу, немедленно захотела спать, поняла, что так дело не пойдет, решительно поднялась и предложила Зое Петровне:

– Давайте я посуду помою.

– Сами управимся, мы привычные.

– Может, в бане убрать? Там вчера столько народу было!

– Убрано давно.

– Хотите вертолет посмотреть? – весело предложил Игорь Марине и повернулся к Алле. – И вы... тоже?... Хотите?

Было совершенно ясно, что он позабыл, что ее зовут Аллой.

– Можем даже прокатить над лесочком, пока второй заряд не пришел. Прокатим, Антош? Тут такая красота кругом!.. В Альпах, конечно, тоже красиво, но самая красотища в Кордильерах! Вы там были?

Как ни странно, ни Алле, ни Марине в Кордильерах бывать не приходилось.

– Вот где природа в её первозданной красоте! Вот где размах! Вот так летишь над горами, а там буйство красок, особенно в ущельях, и думаешь – зачем живем, к чему стараемся? Всё равно лучше природы ничего не придумаем! Нужно быть к земле поближе, от цивилизации подальше, сразу в голове проясняется. Я им сколько раз предлагал, – тут он подмигнул Кузьмичу, – дислокацию поменять, а они ни в какую!.. Застряли здесь и сидят, как...

– Зоя Петровна, дизель через часок запустим, – перебил его Кузьмич довольно резко. – Обойдетесь пока?

– Чего там, не в первый раз.

Игорь внимательно посмотрел на него, хотел что-то сказать, передумал и опять приступил к Марине:

– Покатаемся?

– Соглашайтесь, не пожалеете, – поддал пару Антон.

– Спасибо, – поблагодарила Марина, – но у нас пострадавший. Я не знаю, в каком он состоянии. А вы когда собираетесь лететь обратно? Может быть, его придется в больницу отправить.

– Отправим, не вопрос.

– Сейчас метель придет, – сказал Кузьмич уже в дверях. – Никто никуда лететь не сможет.

– Это мы еще посмотрим! У меня пилот – высшей категории!

– А ну тебя!..

Он махнул рукой и вышел. Алла подумала, вышла следом и окликнула:

– Павел Кузьмич!

– Павел Николаевич я. По фамилии Кузьмин. Можно просто Кузьмич.

Алла приблизилась, всем своим видом выражая почтение. Почтение и благодарность.

– Павел Николаевич, я понимаю, что мы вам тут... не к месту.

Он пожал широкими прямыми плечами, но не возразил.

– Ну вот, – торопливо продолжала Алла. – Сейчас наши встанут, и нужно обсудить, как нам отсюда... выбираться.

– Никак, – сказал он. – Метель только начинается, придется переждать. Перевалы все закрыты. Связь пока есть, но того гляди пропадет.

– А метель надолго?

Он вдруг развеселился:

– Да кто ж её знает! Она с нами не советуется. Бывает три дня, бывает неделю. По-всякому бывает. Ждать надо.

Алла кивнула. Посмотрела ему в лицо и решила:

– А что это за место? Ну, вот это всё!

– Кордон «полста-три», – ответил он не моргнув глазом. – Если вам заняться нечем, можете свои лыжи под навес перетаскать. Они все перед крыльцом остались. Заметёт их или ветром разбросает. Тут ветра сильные.

– Конечно, – согласилась она, – конечно, сейчас всё сделаю!

– Да это не к спеху.

– Нет, нет, я сейчас же...

Он взялся за ручку ближайшей двери. В полутемном коридоре было много дверей.

– Валенки и пуховики в кладовке на вешалке, берите любые.

Шагнул внутрь и плотно прикрыл за собой дверь.

...Кордон «полста – три» – и точка! Понимай как хочешь!..

Алла огляделась по сторонам. Никого не было видно, только из кухни доносились голоса – там продолжалась карусель, – и кто-то храпел в отдалении, выводил рулады.

Поколебавшись, Алла пошла в другую сторону – не туда, где сени и кладовка с валенками, – и пришла в большую комнату, выходящую окнами в лес. Здесь были как будто сумерки. Высоченная голландская печь занимала весь простенок, огромная, как белый слон. Рядом вровень с подоконником сложены дрова и отдельно – береста в плетеном коробе, тоже горой. На светлых листовенничных полах истоптанные шкуры, медвежьи и еще какие-то, кажется, волчьи. Самая длинная стена сплошь заставлена книжными стеллажами, от пола до потолка – мать честная!.. Кругом высокие кованые подставки с толстыми оплывшими свечами, должно быть, без электричества на кордоне «полста-три» остаются часто. На диванах еще какие-то шкуры, меховые одеяла и толстая книга страницами вниз. Алла подошла и, вывернув шею, прочитала название. Ярослав Гашек, «Похождения бравого солдата Швейка».

За окнами не переставая валил снег, лес был весь засыпан снегом, и так захотелось пристроиться на диван под меховой плед, повздыхать, взять книгу и читать про Швейка с той самой страницы, где открыто, и чувствовать, что засыпаешь, и знать, что всё хорошо, все просто замечательно, беды и опасности, хоть и бы всемирный потоп, остались за глухой и надежной стеной ковчега.

Что-то сильно стукнуло, забрякало железо.

Алла вздрогнула и оглянулась.

Перед голландской печкой на корточках сидела невесть откуда взявшаяся Зоя Петровна, совала в чугунный зев дымящуюся бересту. Береста весело трещала.

– А я тут... просто так. Смотрю, – растерянно сказала Алла.

Береста разгоралась, Зоя Петровна ловко уложила на решетку несколько поленьев и вышла, не промолвив ни слова. Алла проводила её глазами.

Странные люди, загадочное место.

Впрочем, у неё есть дело – перетаскать лыжи под навес. И раз уж они все неожиданно возникают из воздуха и появляются под самым носом, как болотные духи, просто так соваться во все двери подряд в поисках кладовки она не станет!

– Зоя Петровна!

На этот раз болотный дух возник прямо у неё перед носом.

– А где можно валенки найти? И куртку?

Зоя Петровна молча прошла мимо и толкнула дверь.

Валенки, унты и пимы стояли в ряд вдоль стены, на вешалке было десятка два разномастных курток. Алла недолго рылась, нашла более или менее подходящие и вышла на улицу.

Метель усилилась, белое небо надвинулось, как будто пузом легло на кордон «полста-три», и ветер пришел, деревья в лесу под горой мерно раскачивались. Алла поглубже натянула шапку, задрала голову и посмотрела вверх.

Снежинки летели ей прямо в глаза, очень много, густо, часто.

Если бы не волшебная собака, умеющая кивать и улыбаться, если бы не лыжник по имени Марк и его странный товарищ Кузьмич, они сейчас были бы наедине с этим снегом и холодом без надежды на помощь и спасение. Они боролись бы, конечно, – в меру своих сил, – но едва ли им удалось бы победить. Они слишком ничтожны и самоуверенны, а снег и ветер слишком равнодушны и сильны. Им нет никакого дела до людей, попавших в беду в этих горах.

– Какое счастье, что мы здесь, Господи, – прошептала Алла в белое небо. – Спасибо тебе.

Она кругом обошла дом, широкий, устойчивый, сложенный из ровных круглых бревен на высоком каменном фундаменте. По всему периметру дома через стальные кольца был протянут морской канат, и такой же канат вился вдоль дорожек, на железных столбиках. Алла улыбнулась. Должно быть, метель здесь – частая гостья. В некотором отдалении за деревьями она увидела еще какие-то строения и пошла в ту сторону. На свежем снегу её валенки оставляли ровные овальные следы. Под горкой, чуть пониже, оказался еще один дом, поменьше, рядом с крыльцом поленница в высоту стен и ангар – самый настоящий.

Что у них там может быть? Истребитель? Луноход?..

К маленькому дому Алла не стала спускаться, вспомнив, что болотные духи где-то поблизости и могут наблюдать за ней.

Навес, под которым стояли большие деревянные сани и еще одни, поменьше, на широких полозьях, снеговые лопаты, метлы с длинными ручками, верстак с прикрученными тисками и еще много всякого добра обнаружилось с другой стороны большого дома.

Алла сначала собрала все палки и оттащила туда, потом стала чистить от снега лыжи. Ей попалась Володина лыжа, которую они собрали с Сергеем Васильевичем, и она мельком подумала – хорошая работа.

Она несла под навес первую партию, когда на дорожке показался человек в красной куртке. В руке у него была большая пластиковая штука, похожая на рацию, должно быть, спутниковый телефон. Из-за белой мглы Алла не разглядела, кто это.

– Нет пока, – громко говорил человек на дорожке. – И людей принесло на мою голову левых! Откуда я знаю! Их бы турнуть отсюда, зачем нам лишние глаза и уши! Только куда сейчас турнёшь? Метель, мать её! Если не уговорю, значит, заставлю!..

Алла замерла с лыжами в руках.

– Заставлю, да!.. Он тоже, знаешь, человек, а раз человек, значит, ему жить охота!.. Всё, давай, до связи!

Неизвестный посмотрел по сторонам – Алла подалась назад в тень, под бревенчатую стену, – сунул телефон в карман и выругался негромко, но отчетливо.

...Кто это? Кузьмич по имени Павел или кто-то из двоих прилетевших, Игорь или Антон? Они все тут в красных куртках и шапках до глаз! Кого он должен уговорить или заставить? Что значит – охота жить?..

Человек за пеленой метели постоял еще немного и пошел под горку, к маленькому дому и ангару. Алла из-под стены проводила его глазами.

...Нужно рассказать Сергею Васильевичу или Марине. Впрочем, Марина вряд ли станет её слушать.

Вторую партию лыж она ухватила как-то на редкость неловко, прижала обожженный палец, затрясла рукой. Лыжи загрохотали по настилу, разъехались в разные стороны.

– Да что такое!

Она стала собирать лыжи и оказалась нос к носу с громадной собачицей, смотревшей заинтересованно – медвежья голова с маленькими глазками, белый хвост мотается из стороны в сторону.

– Привет, – сказала Алла, не разгибаясь. Пёс склонил голову набок и сел. Широкие мохнатые лапы со страшными жёлтыми загнутыми когтями были перед самым её носом. – Ты меня не разорвешь?

Пёс переложил голову на другую сторону, всё так же заинтересованно.

...Северные собаки не нападают на людей. Северные собаки существуют для того, чтобы оберегать и спасать людей – от зверя, от метели, от лавины!.. А эта собака для чего существует? Чтобы оберегать и спасать или чтобы рвать?..

Может быть, в лесу чужих она спасает, а на своей территории разрывает на куски?..

Алла осторожно выпрямилась. Пёс напружинил спину.

– Ты хороший, – похвалила Алла, пытаясь сообразить, что теперь делать. – Ты нас вчера спас, помнишь? Ты нас нашел, людей привел. Ты нам улыбался даже!

Она держала лыжи в охапке, стараясь не двигаться, чтобы они опять не поехали из рук и не загрохотали. Они загрохочут, и собака бросится!..

– Вик, ты чего там? Да вы не бойтесь, он пообщаться пришел! Он не укусит!

Пёс ухмыльнулся во всю пасть, фыркнул непочтительно, как будто удивлялся – разве можно его заподозрить в такой глупости, кусаться без всякого повода! – поднялся и потрусил на голос.

Группа людей поднималась с той стороны, куда ушел человек со спутниковым телефоном, их было довольно много. В группе она первым делом узнала Павла Николаевича – Кузьмича, – потом Игоря в золотых очках. Марк, ушедший утром на какую-то трассу, видимо, вернулся, потому что тоже был с ними, и пилот Антон, сменивший реглан на красный пуховик. Пёс подбежал и затесался в их компанию.

– Здравствуйте! – издали прокричал Марк и сунул Кузьмичу пластмассовую штучковину, похожую на спутниковый телефон. – Забери.

Алла проводила штучковину глазами. Выходит, это Марк разговаривал на дорожке? Но он только что пришел из леса! Или он уже давно появился?..

– Поговорил, Марк?

– Да так. Связь плохая, почти не слышно.

– Катание на вертолете отменяется! – весело сказал Игорь. – А жаль! Я бы с удовольствием показал вам и вашей подруге настоящую лесную сказку с высоты птичьего полета! Теперь ничего не выйдет, снег повалил. Ну ладно, мы в следующий раз!

– Игорь Ильич, я свои вещи к Кузьмичу пока положил.

- Правильно сделал, Антоша! Всегда ты всё правильно делаешь!
- Хоть бы меня спросили, – это сказал Кузьмич, и голос был недовольный.
- А чего нам тебя спрашивать! Где надо, там мы спросим, а где не надо, сами разберёмся.

Да, Марк?

- Ты лыжи мои посмотри, Кузьмич. На спусках два раза падал, – попросил Марк.
- Странно. Я с утра и температуру, и снег проверял.

Широко ступая, Кузьмич подходил к крыльцу, рассовывая по карманам пластмассовые коробки. Их было две. Выходит, и Кузьмич мог разговаривать о том, что им не нужны лишние глаза и уши!

...Или здесь у каждого по спутниковому телефону?

Кузьмич сгреб лыжи, Алла посторонилась немного.

– Эти тоже давайте.

Алла по одной подала ему лыжи.

– А наши там что? Не знаете? – спросила она.

– Встают, полдничают. Все нормально.

– Ваш доктор оказывает пострадавшим и утомленным медицинскую помощь, – весело сообщил Игорь. – Марк, ты знаком с доктором? Только уговор – этот кадр мой! Кто первый встал, того и тапки!

– След видел, – сказал Марк, приближаясь, и Кузьмич посмотрел на него внимательно. –

Сегодняшний, вчерашние все замело.

– Опять приходил?!

Марк забрал оставшиеся лыжи, Аллины собственные.

– Кто приходил? – не выдержала она. – Чьи следы?

– Волк у нас есть, – пояснил Кузьмич и пошел за дом. – Отчаянный.

– Что значит отчаянный?

– Есть такие волки-убийцы. Которые и на зверей, и на людей нападают просто так. Из спортивного интереса. Жажда убийства у них.

– Он с Виком однажды связался. Давно, года два назад, – добавил Марк. – Вик не дался, порвал его. И теперь кто кого.

– Стережет он Вика, – издали продолжал Кузьмич. – Хочет начатое закончить. Не волк, а подлец. Сволочь последняя.

– А пристрелить? – спросил Игорь, наострив уши.

– Пытались, но он хитрый. За ним специально идти надо, а нам всё недосуг как-то.

– Конечно, вы люди государственные, занятые!.. Что, Антоша, друг, сходим, добудем волка? Пока наши тут делами важными занимаются?

Марк даже остановился:

– Какой волк в метель?!

– Ты же следы видел!

– Я утренние видел, когда не мело, а сыпало!.. Сейчас как ты его поднимаешь? Наверняка залёг.

– Вы охотники? – спросила Алла.

– И собаководы! – поддакнул Кузьмич.

– А я бы всё равно сходил. – Игорь прикуривал от золотой тяжелой зажигалки, отворачиваясь от ветра. – Он матерый, волк-то? Матерый волк – добыча знатная.

– В другой раз добудешь.

– Другого раза, дорогой ты мой, может ведь и не случиться. Мало ли где мы в другой раз... окажемся!

Опять почудились Алле какие-то намёки, недосказанность, тайна!.. Будто бы даже противостояние – эти двое, Марк и Кузьмич, по одну линию, а Игорь и Антон по другую.

Она вернулась в дом, где было очень тепло, раздавались голоса и топот.

– Алла Иванна! – Сергей Васильевич появился в коридоре, когда она стягивала валенки. – Ты откуда взялась?! Я тебя потерял.

– Лыжи под навес перетащила.

Это не совсем соответствовало действительности, но ей нравилось, что она занималась делом, работала, а все остальные дрыхли.

– Как наши?

– По-разному, – ответил Сергей Васильевич. Глаза у него были веселые. Следом за Аллой он заглянул в кладовую с унтами и пуховиками. – Ты мне скажи, куда это мы попали-то, а? Не знаешь?

– Пока не знаю.

– Пойдем, чего покажу.

Сергей Васильевич прошагал по коридору, толкнул дверь и вошел уверенно, как к себе домой. Алла помедлила на пороге.

– Заходи, чего? Мы тут ночевали.

Эта комната была абсолютно «мужской» в отличие от другой, «женской», где ночевали Алла с девицами. Кругом ужасающий беспорядок, раскиданные вещи, разбросанные покрывала, смятые постели и очень холодно – форточка распахнута. Пахло шерстью свитеров, снегом с улицы и немного мужчинами. Здесь были два дивана и кресло-кровать. На кресле аккуратной стопкой сложены подушки и пледы. Алла развеселилась.

– Ты в этом кресле спал, Сергей Васильевич?

– А? А, ну да. Ты погляди сюда, Алла Ивановна.

На деревянном столе под окном Сергей Васильевич раскинул карту, а сверху еще одну. Алла подошла, прикрыла форточку и посмотрела.

– Ну? Увидала?

– Куда смотреть-то?

– Да ты куда хочешь смотри, Ал, а только этого места ни на одной карте нет. Ни на маршрутной... – он зашуршал бумагой и скинул карту на пол, – ни на эмчезовской. Не существует его в природе.

– Подожди, такого быть не может.

– Сам знаю, что не может, только нету его, и всё тут!

Алла провела пальцем. Ну да, всё правильно.

Вот отсюда они вышли. Господи, по карте получается, что и прошли-то всего ничего!.. Вот в этом направлении двигались. Вот Васюганская горка. Во-он там, подальше, Тугаринские сопки и перевал. В эту сторону на Галыгино тоже через перевал, до которого они так и не дотянули.

– Ну? И ты тут наблюдаешь хоть какой-нибудь кордон?

– За перевалом кордон, – растерянно сказала Алла. – И вон еще один, «восемнадцать-двадцать»! Да него сколько получается? Верст шестьдесят?

– То-то и оно, что никакого «полста-три» нету! Ты маршрутную карту тоже посмотри, посмотри, Алла Ивановна!

...Но такого быть не может. Эти карты не врут никогда. На них всегда наносят населенные пункты, заимки, лесничества, сторожки, брошенные посёлки! На всякий случай, мало ли что! Здесь, в горах Приполярного Урала, так мало людей и так много опасностей, что любая землянка, пещера, избушка могут спасти жизнь!

Алла согнула карту пополам и вторую тоже согнула, пристроила рядом и стала сверять.

– Да чего там ты сверяешь, Алла Иванна! Нет «полста-три»!

– Как нет, когда он есть! Мы же здесь.

И они посмотрели друг на друга.

– А шут знает, где мы есть, – сказал Сергей Васильевич серьёзно. – Ты видела в тайге кордоны с вертолетными площадками, ангарами и доминой двухэтажной посередке? А пока нас сюда не вынесло, их тут всего трое обреталось! Мужики эти и дух ихний бессловесный, тётка в пимах.

Алла еще посмотрела на карты.

...Вот это совсем странно, прав Сергей Васильевич. Может, правда секретная военная база?!

– И Володьке нашему они чего-то такое укололи, ну вчера, помнишь?

– Конечно, помню!

– Так он всю ночь проспал сном младенца! Нет, Алла, ты в походы всю жизнь ходишь, ты мне ответь – так бывает, чтоб одного шприца, почитай, на двенадцать часов хватило, а?.. Это чего там такое должно быть, в препарате том?

Тут Алла Ивановна рассердилась – именно оттого рассердилась, что Сергей Васильевич был прав.

– Они нас из тайги спасли, – возмутилась она, – к себе привели. Накормили, напоили, спать уложили! А ты какое-то следствие затеял не ко времени!

– Выбираться нам отсюда надо, вот что, – вдруг заявил Сергей Васильевич. – Ты сама подумай. Уж больно место странное. Я в ихних делах участвовать не хочу и секретов ихних знать не желаю.

– Ну что ты говоришь, Сергей Васильевич!

– Я знаю, что говорю. Мало ли групп в горах пропадает! Сгинем мы... через этот кордон «полста-три», и не найдёт никто. Потому что и кордона этого нету!

– Зачем они тогда нас спасали?!

– А может, им того только и надо, заманить!.. Может, мы чего видели, что нам видеть не полагалось, или слышали! Вон каждому ночью укольчик сделают, а утром в тайгу сволокут, как и не было нас. Они ребята приспособленные, каждое дерево им тут знакомо, каждый овраг!

– Сергей Васильевич, ты от усталости умом тронулся. Или от недосыпания.

– Сейчас, конечно, не уйти, метель поднялась, но глядеть в оба надо. И откуда мы знаем, что они с МЧС связывались? Это же они нам так сказали! А вертолет? Кто на нем прилетел, зачем? К чему такая спешка? Вечером мы появились, а утром уже – готово дело! – вертолет! Или они решить по-скорому должны, чего с нами делать, и для этого начальство вызвали?

Алла вышла из «мужской» комнаты.

Незатейливое утреннее любопытство сменилось тревогой, колючей, как шерсть белого свитера с узором, который вчера в бане ей выдал бессловесный болотный дух.

У Сергея Васильевича, конечно, паранойя, но кордона на картах действительно нет, а так не бывает, не может, не должно быть!..

...И что это означает? Что и кто тут скрывается? Военные? Ученые? Бандиты? Старатели, открывшие бриллиантовые россыпи и поставившие себе цель утаить от мира месторождение?

Нужно уговорить Марину поближе пообщаться с очкастым Игорем. Может, пококетничать, не делать «неприступную» спину – в интересах дела, разумеется! Похоже, он болтун, и от него многое можно узнать. Нужно пристальнее наблюдать и внимательнее слушать. Вряд ли им на самом деле угрожает опасность, но расслабляться нельзя, прав Сергей Васильевич!..

Алле вдруг стало очень себя жалко. Ей не хотелось снова заступать «на пост», быть начеку, за всё отвечать!.. Она уж было поверила, что испытания Приполярным Уралом позади, а те испытания, что остались в Москве, она как-нибудь выдержит. Раньше ей удавалось с ними справляться, и есть надежда, что и на этот раз она пересилит обстоятельства. Может быть, и пересилит, но сейчас, сию минуту, после короткой передышки – ну совсем короткой! – ей не хочется снова начинать бороться, за всё отвечать. Никак не хочется!

Диман, Петечка и Степан сидели в кухне в ряд на тяжелых, как будто чугунных стульях и ели. Безмолвная Зоя Петровна стояла у плиты.

– Слушайте, как вкусно, – промычал Диман с набитым ртом. – Это ужас просто!

– Ребят, а где Марина? И Женька?

– Женька только встала, – проинформировал мрачный Степан. – Вы бы ее подняли, чего она до полдня дрыхнет!

– Ей отдохнуть надо как следует.

– В группе должна быть дисциплина, – процедил Степан сквозь зубы. – Хоть бы и на привале.

– А ты чего теперь? За главного?

Степан ничего не ответил. Петечка, у которого от еды и сна в тепле порозовели обычно бледные щеки, посмотрел на него сбоку, фыркнул и покрутил головой.

– А Марина Володькину ногу смотрит, – сказал Диман и, вытянув шею, заглянул в метровую сквородку, нет ли еще чего-нибудь поесть.

Алла Ивановна обратила внимание, что миланской колбасой салями, сырами и виноградадами Зоя Петровна эту компанию не угощает.

– Это там. По коридору предпоследняя дверь. Или предпредпоследняя, что ли! Я здесь путаюсь, – сообщил Диман.

– Провожу, – изрекла Зоя Петровна.

Помещение – которое там по счету, Алла сбилась, – оказалось не слишком просторным. Здесь была высокая медицинская кушетка, самая настоящая, Володя лежал на кушетке, как самый настоящий больной, рядом – белые металлические шкафы со стеклянными дверцами, в потолке круглые зеркальные лампы. Всё это напоминало операционную.

... Час от часу не легче!

– Володя, как ты?

Руководитель группы скосил на Аллу Ивановну глаза, как ей показалось, с ненавистью.

– Я прекрасно, – сообщил он. – А вы как? Со всеми уже снюхались? Всех проинформировали, что командир у вас – идиот?

– Никого я не информировала.

– Перелома нет, как я и предполагала! – весело объявила Марина. – И связки не порваны! Конечно, хорошо бы на рентгене просветить...

– Может, у них тут есть рентген?

Алла по очереди заглянула в каждый шкаф – за стеклом сложены какие-то коробки с лекарствами – и обернулась к Марине.

– Что это у них за препараты?

Та пожала плечами.

– Какая нам разница, Алла? Володь, я забинтую, и можешь встать. Еще дня три поболит и совсем пройдет.

– Сейчас... больно.

– Понятно, что больно, ты же ее сильно потянул! Но наступать сможешь.

– Зачем в доме среди леса специальная медицинская комната? – спросила Алла.

– Наверняка у них тут тоже бывают растяжения связок, может, и переломы! – ответила Марина.

– У них есть свой врач? И он здесь делает операции?

– Да какое наше дело, Алла Ивановна? И это никакой не операционный стол, да будет вам известно. Это самая обыкновенная массажная кушетка! Очень современная, с электрическим приводом.

Словно подтверждая свои слова, Марина нажала какую-то педаль на полу, и современная массажная кушетка стала плавно опускаться вместе с Володей.

– Спасибо тебе, Марин.

Алла скомкала грязные бинты и поискала глазами, куда их выбросить.

– Пойдем, кофейку попьем. У них тут отличный кофе, «Лаватца»!

Володя спустил ноги с кушетки и нашарил на полу низкие обрезанные валенки.

– Мне нужно поговорить с группой, – сказал он мрачно, на манер Степана, и Алла Ивановна подумала, что сейчас будет скандал и разбирательства на тему, кто из них командир.

Ничего более глупого и неуместного на кордоне «полста-три» нельзя было придумать! Сейчас «лесные люди» мигом объяснят Володе, кто тут на самом деле «руководитель группы», и ему или придется подчиниться или затеять революцию. В том, что революция захлебнется, Алла была уверена, и унижение и без того униженного провалом экспедиции Володи ей решительно не нужно. И никому не нужно!..

Надо как-то дотерпеть до Москвы, а там, прямо в Домодедове, по прилете рейса из Екатеринбурга разойтись в разные стороны и больше не вспоминать друг о друге.

Желательно также забыть навсегда о том, где именно находится Приполярный Урал и кордон «полста-три».

Алла отперла хлипкую белую створку, метнула взгляд на полуоткрытую дверь, нет ли за ней болотных духов, и достала коробку с длинной иностранной надписью.

– Марин, это что такое, посмотри?

Марина небрежно взяла коробку и покрутила так и эдак.

– По-моему, для суставов. То ли разогревающее, то ли, наоборот, заморозка какая-то. Положите на место, Алла Ивановна. Или у вас спину прихватило? Застарелый радикулит?

Спина у Аллы действительно болела, но признаваться в этом она не стала, задумчиво вернула коробку на место и прикрыла шкаф.

– У них есть спутниковые телефоны, – сообщила она, раздумывая. – Я видела. Они пока работают. Может, позвонить в МЧС?

– Спасателей вчера предупредили. Вы что, не слышали?

Володя расправил закатанную штанину, постоял и, прихрамывая, пошел к двери.

– Тебе обязательно нужно поесть! И переодеться! – в спину ему сказала Марина. – Постой, я тебя провожу!..

Алла вышла следом и остановилась в коридоре. Откуда-то из глубины дома неслись размеренные громкие звуки, как будто по стенам или по полу равномерно мели железной метлой – вжик, вжи-ик, вжи-ик!.. Она попыталась определить, откуда они доносятся, но так и не определила. Может, Зоя Петровна где-то чистоту наводит?

Словно отвечая на её мысли, из полумрака коридора возникла безмолвная фигура и мимо Аллы, словно не замечая, вошла в медицинскую комнату. Алла посторонилась, прошла было дальше, вернулась на цыпочках, стараясь не дышать, и заглянула в дверь.

Зоя Петровна молча и проворно сдёргивала с кушетки простыни, на которых Марина смотрела Володину ногу. Собрала их в ком, подошла к шкафу и аккуратно заперла дверь, которую отпирала Алла, когда доставала коробочку.

Женька скатилась с лестницы, как раз когда в дом стали один за другим заходить «лесные люди». В сенях они обметали с унтов и валенок снег жестким веничком из голых прутьев, двери были распахнуты, тянуло холодом и запахом снега.

– Здравствуйте! – задорно поздоровалась Женька. Очевидно, так полагалось про виде незнакомых мужиков. – Меня зовут Женя! Ой, как я хорошо спала! Прямо за все походные дни выспалась! В палатке спать бр-р-р!.. Холодно и жестко! А у вас так прекрасно!

– Женя, иди на кухню, – велела Алла Ивановна.

– Игорь, – представился главный местный сердцеед и взглядом оценил достоинства Женьки.

Даже в брезентовых штанах и кофте с перекошенной молнией она была прекрасна!.. Волосы белые, блестящие, вымытые, не зря Алла вчера так старалась, ноги длинные, щеки румяные, глаза ясные, плутовские, как у маленькой девочки-шалуньи.

Ну вот какая я, говорил весь Женькин вид. Я отдохнула, повеселела, поваялась, а теперь давайте играть! Давайте все во что-нибудь играть скорее! Так, чтоб было весело!.. Я же вам нравлюсь, да? Вы хотите со мной играть?..

Алла вздохнула. С этой стороны тоже намечались проблемы и трудности.

– Жень, тебе чаю или кофе сварить?

– А что, есть кофе?

– Есть всё что угодно! – Игорь не вошел, а как будто даже вбежал следом. Сидевшая за столом троица разом повернула головы. – Есть шампанское! Хотите шампанского, милая Женья?

– Конечно, хочу! Аллочка, шампанское! Я хочу, хочу!.. Давайте скорей выпьем шампанского! А где собачка? За нами вчера пришла собачка! Я думала – волк, а потом оказалось, что не волк! Это когда уже мальчишки ушли!

Тут она, громко топая ногами в носках, подбежала и поцеловала в щеку сначала Петечку, а потом Степана и потрепала их по вымытым макушкам.

– Фу, какой колючий! Мальчишки, вы зачем ушли? Мы так переволновались! А где Марк? Он нас спас!

Степа отстранил от себя дуру и поднялся навстречу вошедшим.

– Я Степан, а это Пётр и Дмитрий, – представил он хмуро, не выходя из роли, и Алле пришлось сделать над собой усилие, чтобы сообразить, кто такие эти Дмитрий и Пётр. – Мы все из Москвы.

– До Москвы отсюда далече, – непочтительно отозвался вертолетчик Антон. – Вы прямо оттуда на лыжах шли?

Женька подцепила какой-то кусок с тарелки Димана, засунула в рот и спросила:

– А это тоже кабан? Вчера был кабан, отличный! А где Марк? Вчерашний?

– Работает.

– А его друг? Который старый? Ну, то есть сначала мне показалось, что он старый, а потом оказалось, что молодой! Ой, мы бы без них пропали совсем!

– Жень, не тарыхти, – в кухню вошел Володя в брезентовых штанах, которые на кордоне «полста-три», по-видимому, выдавались всем гостям, и толстом свитере тоже из местных запасов, а за ним Марина. – Я Владимир Кравцов, руководитель группы.

– Да, он у нас наруководил! – глядя мимо, процедил Степан.

– Стёпа. Хватит, замолчи.

– А шампанское?

– Сейчас, сейчас будет! Антош, подсуетись! Какое девушки предпочитают? «Вдову Клико» или «Моэ-Шандом»?

– «Моэ», «Моэ»! – закричала Женька в неописуемом восторге. – А давайте все на улицу пойдем пить шампанское под снегом, а? Я так люблю снег!

– Оттого и в поход, наверное, отправились? – спросил ехидный Антон.

Он производил странные манипуляции – достал откуда-то загнутую железяку, похожую на кочергу, и стал ею ковырять чистейший и гладкий листовничный пол!

– Да нет, ну, в поход я просто так пошла, потому что это круто! Никто не ходит ни в какие походы, а я пошла! Мне папа подарил самые крутые лыжи!

– Лучше б он тебя по попе этими лыжами отходил, – вдруг сказал поблизости Кузьмич и подошел к Антону. – Пусти, я сам.

– А папа не знает, что я в походе! – вытаращив прекрасные тёмные глазки, выпалила Женька. Это было очень красиво – разлетающиеся белые волосы и темные глаза. – Он улетел надолго по делам, тут я и ушла в поход! Оп-ля!

– Прилетит, надо будет с ним воспитательную работу провести, – Кузьмич ловко поддел кочергой и как будто откинул к стене часть пола. Открылся глубокий и темный лаз, откуда пахнуло морозом.

– С папой? – усомнилась Женька и махнула рукой. – Он всё равно не послушается.

– Чего доставать?

– Шампанское, Кузьмич!

– Ишь ты!..

Он ловко и неслышно прыгнул в лаз, как будто в преисподнюю канул.

Алла подошла и заглянула.

Прыгать не было никакой необходимости – вниз вела широкая устойчивая лестница. Там, куда падал свет, были видны полки, а на полках запасы. Банки, консервы, штабеля консервов и банок. Дальше шли бутылки в полчеловеческого роста, а потом мешки.

На кордоне «полста-три», должно быть, можно не только перезимовать без всякого подвоза фуража, но и выдержать многолетнюю осаду, особенно если здесь есть где-то поблизости их собственный родник с ключевой водой и склад с оружием.

В том, что такой склад есть, Алла уже почти не сомневалась.

Прямо у неё под носом вдруг возникла бритая башка и серые внимательные глаза.

– Принимайте, – сказала башка, а длинная красная рука в цыпках одну за другой выставила бутылки шампанского.

Подтянувшись, Кузьмич выпрыгнул наружу и аккуратно закрыл лаз. Тяжелые доски грохнули и стали намертво. Сколько же весит эта крышка? Тонну?

– Женечка, всё для вас! И для вас, Марина! – галантный кавалер Игорь только тут вспомнил про Аллу и добавил, что и для нее тоже. – Шампанское для дам, а кавалерам, может, крепкого? Здесь такая настоечка водится, м-м-м!.. – и театральным шепотом добавил: – Зоя Петровна на морошке настаивает! А она шаманка! Потомственная! Кузьмич?..

– Я не буду.

– Ну, как хочешь.

– А мы с удовольствием, – заявил Сергей Васильевич, появившийся неизвестно откуда и неизвестно когда, и даже руки потер в предвкушении. – После такого маршрутика, какой мы проделали, не выпить за чудесное спасение – грех!

Володя хотел что-то сказать, но не стал, а Петечка спросил, есть ли здесь Интернет.

– Как не быть, – хмыкнул Кузьмич и смешно почесал бровь. – Мы без него, как без рук, без Интернета этого.

И не понять было, шутит он или говорит серьезно.

– Девушки, шампанского! И вот еще шоколад бельгийский, самый лучший!

– А можно мне бутерброд с салом? – попросила Женька.

Смеющийся Игорь закатил глаза:

– Женечка, как можно? Шампанское с салом?

– Да, а что такое? Я очень люблю!

– Женька, остановись, – велел Степан. – Что ты дурака валяешь?

– Ну почему-у-у? – специальным «девочкиным» голосом затянула Женька. – Степочка, ну я так люблю! После всех лишений мне можно, правда? Правда, Игорь?

– Ну конечно! Всё, что угодно!

– Ой, – вдруг воскликнула Женька и поставила на стол свой бокал, из которого только собиралась глотнуть, и глаза у нее стали еще больше и еще темнее. – Я же вас знаю!

– Кого? – удивился Игорь и переглянулся с Антоном. – Меня?! Быть не может!

– Точно, точно знаю! Вас по телевизору всё время показывают!

– Женька, отстань от него, – морщась, велел Володя.

Марина положила руку ему на плечо. Карусель теперь вращалась вокруг другого центра притяжения, но зато Марина была «при деле» и не собиралась наблюдать смещение этих самых центров «просто так». Она врач, а вот пострадавший.

– Да точно показывают! Вы Игорь Виноградов! Правильно?

Сергей Васильевич уронил бутылку, она загрохотала по полу, подхватил ее и засмутился. Игорь наклонил голову и припал к Женькиной руке.

– Вы такая проницательная малышка!

Тут Женька засмеялась – проницательная малышка, надо же! – а Алла подумала: странно, что мы сразу его не узнали. Он очень на себя похож! Нет, не так. Этот человек в золотых очках действительно очень похож на Игоря Виноградова из телевизора.

...Пожалуй, там, в пластиковом омуте, он выглядит старше и тяжеловесней, здесь порхает, как бабочка, и щебечет, как скворец. Он находится на каком-то там трудно запоминаемом месте в списке «Forbes», владеет какой-то трудно запоминающейся собственностью и состоянием, которое сложно себе представить.

Странно, что мы его не узнали.

Впрочем, не слишком и странно. Невозможно, ну никак невозможно соотнести человека из телевизора и списка «Forbes» с Приполярным Уралом, метелью и кордоном «полста-три»! Почти невозможно.

– А что вы здесь делаете, Игорь? Отдыхаете? Или у вас дела? Только не говорите, что вы охотник и прилетели на охоту! И будете убивать беззащитных лосей с вертолета! Я терпеть не могу охотников, я их ненавижу!

– У меня здесь друзья, – едва вклинился миллиардер в Женькино красноречие. – Девочки! Шампанского! Мальчики наливают себе сами.

Сергей Васильевич моментально вытащил тяжелую пробку из высокого штофа, полного янтарно-медовой жидкости, разлил в высокие стопки, умилился на них и замер в предвкушении.

– Ну, за нашу встречу! Я не верю, что бывают случайные встречи, я точно знаю, что всё на свете предопределено судьбой! – произнес Виноградов.

Он нашел глазами Кузьмича. Тот стоял в дверях, привалившись к притолоке и скрестив ноги. Секунду, а то и меньше они смотрели друг на друга, потом Игорь опрокинул в себя стопку.

Алла глотнула ледяного шампанского.

...Что здесь происходит? Что такое этот самый кордон «полста-три», которого нет ни на одной карте?

– А пойдёмте все на улицу, ну пожалуйста! – весело заскулила Женька. – Мальчишки, а?! Возьмем с собой бутылку!

– Там метель.

– Ну что метель? Подумаешь, метель! Зато так романтично! Игорь, ну вы-то не станете отказываться?!

Алла посмотрела. Кузьмич пропал из кухни, как и не было его.

Марк появился только под вечер, и где он пропадал, непонятно.

Метель расходилась с каждой минутой, лес под горой гудел грозно, трубно. Ветер тёрся о лиственничные стены, налегал на них и швырялся снегом. Когда сумерки совсем сгустились, где-то в отдалении застучал дизель – ту-ту-ту-ту, – зажегся свет, и Женька, очень хмельная от шампанского, захлопала в ладоши.

Алла перемыла за всеми посуду и ушла в комнату с книгами читать Швейка. Петечка, стоя у окна, всё пытался понять про Интернет, есть он или нет его. Для того чтоб понять,

он так и сяк поворачивал свой телефон, «входил в приложения», выходил из них, включал режимы, выключал их и тихо бормотал проклятия. Спросить было некого. Кузьмич не появлялся, и Марк тоже куда-то пропал, а Зоя Петровна Петечкин вопрос проигнорировала.

– Вы меня не слышите? – очень громко спросил он её спину.

– Не глухая, – отозвалась Зоя Петровна и тоже куда-то ушла.

Диман спал в «комнате мальчиков», накрывшись с головой одеялом, Степан надел пуховик и унты и ушел на улицу, правда, через две минуты вернулся.

– Невозможно, – сказал он и вытер мокрое лицо. – Метёт. Интересно, а где их собака?

Игорь на кухне рассказывал Женьке и Марине про свои путешествия, необыкновенные, потрясающие, а Женька всё допытывалась, не охотник ли он.

– Каждый мужчина по природе охотник, – отвечал Игорь. – Правда, Антоша?

– Конечно, Игорь Ильич!

– Мужчина – воин, он просто обязан воевать и выслеживать добычу! Вот Мариночка знает, наверняка в институте проходила теорию Дарвина и естественный отбор.

– Естественный отбор тут ни при чем, Игорь!

– Ну какая разница! Наверняка есть теория, объясняющая мужскую природу!

– Таких теорий сколько угодно, но...

– Но убивать животных гнусно! – перебивала Женька, и Игорь тут же спрашивал, не хочет ли она еще шампанского.

Сейчас налижется, будет с ней ночью морока, подумала Алла беззлобно. Девчонка ей почему-то нравилась, хоть и производила впечатление дурёхи. Алле казалось, что никакая она не дурёха, а просто молодая и не слишком опытная и ей, как всем девушкам, кажется, что мир вращается вокруг неё.

Карусели, карусели...

Интересно, здесь можно зажигать свечи... просто так, для уюта? Или их зажигают, только когда нет света?..

Потом вдруг заглянул Марк.

– Добрый вечер.

Алла вскочила, откинув меховой плед. Книжка со Швейком свалилась на пол.

– Что вы? Отдыхайте! Я просто так.

– Нет, нет, я уже отдохнула, – заспешила Алла. – Мне, наоборот, неудобно, что я весь день ничего не делаю. Пыталась Зое Петровне помогать, но...

– Помогать Зое Петровне – дело дохлое, – согласился Марк.

Он был в джинсах, толстой кофте на пуговицах, под ней черная футболка, – никаких флисов и брезентовых штанов! – и, кажется, озабоченный.

– Какое-то время придется отдыхать, – сказал он. – Вы берите любые книги, какие захотите. У нас еще там есть, – Марк махнул рукой куда-то в сторону. – Телевизоры в метель не работают, конечно. Мы привыкли, а городским без телевизора хоть пропадай. Никакой жизни нет.

– А... что здесь такое? – спросила Алла, почти уверенная в ответе. – Вот это место как называется?

– Кордон «полста-три», – проинформировал Марк. – Погоды, судя по всему, долго не будет. И потом еще придется ждать, когда перевалы откроют.

– А ваш приятель?

– Какой приятель?

– Игорь Виноградов. Как он улетит?

– Никак не улетит, пока метель не закончится. В такой ветер вертолету верная гибель!..

– Но у него, наверное... дела.

– Наверное, дела, – согласился Марк и добавил, помедлив: – Вы группе своей скажите, Алла, что придётся ждать. Тупо сидеть и ждать. А то они у вас нервные какие-то. Мне бы не хотелось собирать их по лесу. Да и в такую метель это небезопасно.

Тут Алле стало так неловко, что взмокли ладони. Она незаметно вытерла их о штаны.

– Я постараюсь, Марк. Я постараюсь им объяснить.

Он кивнул и улыбнулся. Улыбка у него была дивная.

– Ужин скоро. Зоя Петровна, когда у нас бывают люди, старается изо всех сил. Так что вы оцените.

– Мы оценим!

– Ей с нами сидеть тоже надоедает, вы поймите. Даже угостить некого.

– Она ваш... сотрудник?

Марк помолчал, разглядывая её.

– А вы правда лыжу сами собрали? Руками, на морозе?

– Мы с Сергеем Васильевичем, да. А что?

– А где этому научились?

– Я еще с институтских времен в лыжные походы хожу, Марк. У нас инструктор был Виталий Павлович Турчанинов, он и научил. На все времена.

– Как же вас в такую компанию занесло, если вы опытный походник?

Алла посмотрела на него.

Сказать правду она не могла и не хотела. Врать ему – она еще раз взглянула – нужно умеючи. И она на ходу сочинила какую-то ерунду, похожую на правду:

– В последнюю минуту выяснилось, что моя группа не идет. У нас руководитель затемпературил. А я уже настроилась, собралась! И решила, что всё-таки пойду. В последний раз пойду. Мне уже сорок два, хватит, находилась! Ну, и нашла этих ребят в сети. Степан вроде несколько раз ходил, Сергей Васильевич тоже. У Женьки даже разряд какой-то юношеский по беговым лыжам!..

– Да ладно.

– Правда, правда! Думаю, она столько раз ходила, бог не выдаст, свинья не съест. Пронесет. И не пронесло, конечно.

– Конечно, – согласился Марк. – Беговые лыжи и юношеский разряд – одно дело, а Приполярный Урал – другое.

– А вы здесь работаете? – предприняла Алла еще одну попытку.

Тут он развеселился, все напряжение как рукой сняло:

– Работаю, Алла! Ох, как я здесь работаю!.. Вкалываю, можно сказать.

Из кухни донесся взрыв смеха и звон стекла.

– Шампанское, – сказала Алла виновато. – Вы нас извините, пожалуйста. Завтра уже все придут в сознание, а сегодня...

– Что вы оправдываетесь? Всё в порядке! Вам не холодно? Или еще дров подложить?

Он присел на корточки перед голландской печкой и ловко сунул ей в пасть несколько поленьев.

– В здешнем климате никакие камины не согреют. Только печи. К нам печники с Белого моря приезжали, только там еще мужики остались, которые умеют печи класть как надо, без дураков.

...Без дураков, подумала Алла. Дураки в данном случае – это мы. А если прав Сергей Васильевич? И мы, дураки, сами того не ведая, влезли в какие-то тайны, раскрыли координаты секретного места, и нас отсюда живыми не выпустят?

– Марк, – начала она, но никого уже не было рядом с голландской печью, похожей на белого слона. Непонятный человек исчез.

Ужинали они без хозяев и гостя из списка «Forbes», зато пилот Антон на свободе, в отсутствие начальства, всюду приударял за Женькой. Она была очень веселой и румяной от шампанского, однако из ухаживаний ничего не вышло – она стала засыпать прямо сидя на стуле, и Алла отвела её в «комнату девочек».

– Вы на меня сердитесь, Аллочка, – бормотала Женька, куда та стягивала с неё штаны. – А я что-то устала очень... Я шампанского никогда в жизни не пила, особенно такого... Оно крепкое какое-то... Шампанское под снегом...

Алла накрыла её лоскутным одеялом и погасила свет.

...Что значит – не пила шампанского?.. Ей не тринадцать лет, и вид у неё вполне... боевой. Или просто сию минуту она видит себя маленькой неискушенной девчушкой, ни разу не пригубившей шампанского?

Подумав, не лечь ли тоже, Алла решила, что всё же имеет смысл спуститься хоть посуду убрать.

В кухне остались только «свои», пилот Антон куда-то делся, да оно и понятно. Какой смысл сидеть, если самый интересный объект уложили спать и до утра точно не выпустят?

– ...И сколько нам тут еще торчать? – спросил Петечка и оглянулся на вошедшую Аллу. – Давайте этого просить, который на вертолете, пусть он нас вывозит как-то.

– Вертолеты в такую метель не летают, – сообщила Алла.

– У него пилот – высший класс! – неприязненно сказал Степан. – Он сегодня это двести раз повторил.

– Никакие пилоты в такую погоду...

– Да перестаньте вы, Алла Ивановна! Вечно лезете! Мне на работу надо.

Алла прикрыла двустворчатые двери в коридор, подошла и встала в торце стола:

– Ребята, Марк просил передать, что придется набраться терпения и просто ждать, пока не уйдёт метель. А потом еще ждать, когда откроют перевалы. Деваться нам некуда.

– А вы теперь у них на побегушках, что ли?

– Я передаю то, что сказал Марк.

– Да кто такой этот Марк, чтобы...

– Марк, – отчеканила Алла, – и Павел Николаевич – люди, которые нас спасли. Я настоятельно прошу всех об этом не забывать, вести себя прилично, хозяевам хлопот не доставлять. Это понятно?..

И обвела притихшую группу глазами. Петечка уронил телефон, загрохотавший по листовничным доскам.

– Я спрашиваю, – повторила Алла. – Всем понятно то, что я говорю?..

...Ах, как некстати она вышла из роли великовозрастной тётки, которая бодро двигается на лыжах, быстро ставит палатку и всегда идёт последней за отстающей никчемушной Женькой! Как не вовремя.

– Мы не знаем, кто они, – изменив тон на всегдашний, привычный, продолжала Алла. – И не знаем, что это за место. Нам нужно соблюдать осторожность и постараться не быть им в тягость.

– Алла Иванна, – пробормотал Володя. – Здесь решения принимаю я. Как командир.

– На здоровье, – отрезала Алла. – Как командир придумай, чем занять группу на ближайшие несколько дней.

– Меня ничем не надо занимать, – вступил Степан, поглядывая на нее. – Я сам себе найду занятия.

– И меня не надо, – подхватил Диман. – Я спать буду! Я в жизни так спать не хотел, как здесь.

– А куда делись этот самый Марк и его свита? – Петечка достал телефон и уставился в «приложения», которые по-прежнему прилагались к телефону, но не делали ничего, что нужно ему, Петечке. – Кто-нибудь знает? В тайгу ушли?

– В доме они, – проинформировал Сергей Васильевич. – На улицу никто не выходил.

Словно отвечая на его слова, в коридоре что-то грохнуло, как будто дверь сорвалась с петель, затопали ноги, и голос заорал под самой стенкой:

– Да что ты себе в голову взял?! С чего?! И почему сейчас?!

Группа замерла.

В кухню ввалился Кузьмич, еще более красный, чем обычно. Не обращая внимания на сидящих за столом, он схватил ковшник, зачерпнул воды из кадлушки, долго и жаднопил. Все молча смотрели на него.

Он допил, швырнул ковшник, вышел и заорал в коридоре:

– Я не позволю так с собой обращаться! Я тебе не мальчик-зайчик!

– Да не ори ты! – отвечали откуда-то. – У нас чужих полно!

Вновь бабахнуло, и всё стихло.

Степан обвел глазами группу.

– И что это было?

– Видать, поругались они, – озвучил Сергей Васильевич то, что и так было яснее ясного, и посмотрел на дверь. – Чаю им отнести, что ли?.. Чтоб не подрались!

– Нет, но этот в ярости прямо, – добавила Марина. – Нужно на ночь на ключ запереться. Слышишь, Володя. Мало ли что. Мы ведь и вправду совсем не знаем, что здесь происходит.

Сергей Васильевич задумчиво разливал чай в большие кружки. С ума совсем сошел, прислуживать решил, что ли?!

Из кухни Алла выходила последней.

В глубине дома гудели голоса, бу-бу-бу, ни слова не разобрать. Она постояла, прислушиваясь. Непонятно даже, откуда доносятся звуки. Однако разговаривали явно на повышенных тонах.

...Что-то у них случилось. Не зря днём ей то и дело казалось, что Кузьмич чем-то недоволен, Марк насторожен, а очкастый Игорь говорит так, как будто всё время на что-то намекает, и эти намёки всем неприятны, включая его собственного пилота.

Алла поднялась в «комнату девочек» и очень осторожно, стараясь не стукнуть, прикрыла дверь.

– Заприте, – шепотом велела Марина в темноте, – я вам серьезно говорю!

Алла повернула ключ, замок щелкнул.

Довольно долго они лежали молча, прислушивались, но отсюда ничего не было слышно, а потом вдруг так загрохотало, что обе вскочили.

– Я тебя пристрелю! – орал где-то близко. – Пошел вон отсюда!

– Это кто? – быстрым шепотом спросила Марина.

– По-моему, Марк, – так же быстро ответила Алла. – Тише!

Снова загрохотало, как будто по лестнице пронесся конный отряд, внизу громко заговорили, хлопнула дверь.

– Кто-то ушел?.. На улицу?

Алла откинула одеяло, подобралась к окну и долго всматривалась. В метельной круговерти проявилось размытое световое пятно. Оно крутилось и двигалось.

– Человек, – сказала Алла. – Вышел из дома. Уходит.

– Куда?! Там метель!

Световое пятно еще поболталось немного, а потом пропало.

– Может, пойти посмотреть?

– Нет, Марина. Нельзя.

Они еще долго сидели в темноте и тишине, настороженные и испуганные, из глубины дома не доносилось ни звука, только метель терлась снаружи о листовенничные стены.

...Что-то случилось, думала Алла. Что-то серьезное и непонятное и от непонятности страшное.

Утром она растолкала Женьку, решив её одну больше не оставлять, – та хныкала и валилась на спину, – заставила умыться, одеться и повела завтракать. Марина спустилась первая, очень собранная и сосредоточенная.

В кухне хозяйничала безмолвная Зоя Петровна, еще более суровая, чем обычно.

– Ночью какой-то шум был, – сказала Алла, поздоровавшись, – вы не слышали?

Зоя Петровна помешивала что-то в чугунке.

– Не нашего ума дела, – буркнула она, – кашу или яичню?..

– А вы яичницу на сале жарите?

Притащился Петечка, спросил про Интернет и уткнулся в «приложения». Потом явился Антон, румяный и деловитый, и сказал, что из-под горки до большого дома шел полчаса и всё время держась за канат – так метет.

– Я у Кузьмича в доме ночевал, – объяснил он, отодвинул стул, уселся и подмигнул Женьке. – Я всегда там ночую.

– А сам где? – подала голос Зоя Петровна.

– Не знаю, – удивился Антон. – Еще не вставал.

Алле показалось, что это сообщение поразило Зою Петровну до глубины души. До такой степени, что она отвернулась от своего чугунок и взглянула на Антона.

Должно быть, у обыкновенного человека это означает: не может быть, что ты говоришь, как такое могло случиться, здесь что-то не то!..

Потом появились Степан с Володей – вместе, но как будто отдельно друг от друга.

Дураки мальчишки, подумала Алла.

Марк, очень сердитый и невыспавшийся, зашел и спросил, где Кузьмич.

– Говорят, не вставали, – ответила Зоя Петровна бесстрастно.

Должно быть, у обыкновенного человека это прозвучало бы так: понятия не имею, куда он мог деться, беспокоюсь, может, заболел?

Сергей Васильевич объявил с порога, что погодка нынче шалит.

– А собака? – спросила Женька Марка. – Где ночует?

– Понятия не имею.

– Как?! Вы что?

Марк рассеянно улыбнулся. Он пил из большой кружки какую-то бурду, которую ему подала Зоя Петровна.

– Мы никогда не видели, где он спит. Может, под навесом или на крыльце. Когда мы выходим, он уже стоит рядом. Паша считает, что Вик строит иглу, как эскимос, и в нем ночует.

...Паша? Кто такой Паша? Ах да, Кузьмич. Он же Павел Николаевич.

Когда все уселись за стол, болотный дух Зоя Петровна куда-то канул, зато появился Павел Николаевич.

– Что-то я проспал, – буркнул он, и Марк внимательно на него взглянул. Кузьмич на его взгляд не ответил.

– Храпел, – сообщил Антон радостно. – Стены тряслись!

Тут они оба, и Марк и Кузьмич, уставились на него, как будто он сказал какую-то непристойность.

– Доктор, – продолжал Антон, обращаясь к Марине, – а вот есть в медицине лекарство от храпа, а?..

– Мужики, – произнес бесстрастный голос, и за столом разом всё стихло. Марк перестал прихлебывать из кружки, а Кузьмич вытирать красной ладонью бритую башку. – Беда.

* * *

– ...Кто-то из них двоих, – шепотом говорила Марина. – Марк или второй головорез. Это же яснее ясного.

– Да, а эту их слугу Личарду ты исключаешь? – спросила Алла тоже шепотом.

– Какую слугу? – заинтересовалась Женька.

Они сидели в «комнате девочек», куда их загнал Кузьмич, как только стало ясно, что Зоя Петровна не ошибается, не врет и не бредит.

Следом за Марком и Кузьмичом они всей толпой бросились по коридору и столпились в дверях какой-то очередной комнаты.

Игорь Виноградов, человек из списка «Forbes», прилетевший вчера на вертолете с «гостинцами», весело ухаживавший за Женькой и Мариной по очереди, лежал на кровати, неловко и неестественно завалившись на бок. Между ребер у него торчал нож, очень определенно и зловеще. Было совершенно понятно, что нож сделал своё дело, убил – равнодушно, жестоко и навсегда.

Марк наклонился и посмотрел, и Кузьмич тоже посмотрел, а Антон переводил взгляд с одного на другого, как будто надеялся, что они сейчас скажут, что всё это розыгрыш, вставай, хватить дурить, пойдем кофе пить!..

Потом Кузьмич заметил толпу в дверях, зарычал и всех разогнал.

– Самое ужасное, что вариантов нет, – продолжала Марина тихо. – Это кто-то из них. Они убийцы, понимаете? А нам деваться некуда. Ну, куда?!

– Может, он сам себя зарезал, – предположила Женька «девочкиным» голосом.

– Жень, не дури!

– И, главное, как время подгадали! Как это так можно было рассчитать? Ну, чтоб мы здесь оказались! Как я понимаю, посторонних у них никогда не бывает. И теперь каждого из нас будут подозревать. Каждого!..

– Какой резон нам его убивать? – задумчиво спросила Алла. – Мы его видели первый раз в жизни!..

– Ну и что?! Любой из нас подозреваемый. Даже вон... Женька! И как доказать, что мы не убивали?

– Сейчас не это главное. – Алла сидела на подоконнике и смотрела в метель. – Главное, что убийца в доме и он может убить еще. Кого угодно, когда угодно. А уйти мы не можем.

– Вчера всё было хорошо, – заныла Женька. – Почему всё время так бывает? Как только что-нибудь хорошо, сразу – раз, и всё плохо! Это специально, да? И мужика жалко. Он славный, добрый. На вертолете обещал прокатить.

Алла соскочила с подоконника и стала ходить.

– Вчера я слышала, как кто-то из них говорил по телефону. Он стоял на дорожке и говорил. Я точно не помню, но... Он про нас говорил, что левые люди на кордоне, их бы турнуть, да некуда. Потом еще сказал, что лишние глаза и уши ни к чему...

Женька ахнула, и Марина на неё шикнула.

– Собирался кого-то уговорить или заставить что-то сделать. Если он человек, значит, ему жить охота, – вот что сказал.

– Кому? – шепотом спросила Женька.

– Я не знаю.

– Понятно, что речь шла об убийстве, – отчеканила Марина. – Они заманили сюда этого из списка «Forbes» и зарезали. Если бы не мы, об убийстве скорее всего никто ничего не узнал бы. Пропал человек в тайге, и все дела.

– Аллочка, а кто разговаривал на дорожке? Вы не узнали?

Алла покачала головой:

– Я далеко была, и мело уже сильно. Они же все одинаковые! Куртки, шапки до глаз! Но спутниковый телефон точно есть и у Марка, и у Кузьмича, я сама видела. Наверняка у Игоря тоже был.

– Это не мог быть Игорь, – возразила Марина. – Его же потом убили! Это Марк или Кузьмич говорили об Игоре, понимаете? Его собирались уговорить что-то сделать. Уговорить или заставить. Он не согласился, и они его убили.

Алла и Женька немного подумали. Получалось очень похоже на правду.

– Подожди, – спохватилась Алла, – нет, подожди! Ерунда выходит. Зачем столько свидетелей? Нас... сколько... нас восемь человек! Зачем его убили практически на наших глазах? Не раньше и не позже? Он же тут частый гость, насколько я понимаю.

– Алла, – Марина посмотрела на неё, как на неразумную. – Как зачем? Мы все – подозреваемые. Теперь всё просто – из нас выберут подходящую кандидатуру и обвинят в убийстве. А они будут ни при чем.

– Это всё правильно, но если б нас не было, про убийство вообще могли не узнать.

– Как это? – спросила Женька. – Он же не пешком пришел, он на вертолете прилетел! – При слове «вертолет» она округлила глаза восторженно. – Вертолет сам по себе не летает, надо получить разрешение. Этот, как его, диспетчер в курсе, во-от! Горючее нужно. Много людей знает, что Игорь, бедный, сюда полетел. А его тут – чик, и зарезали. Как это можно скрыть?

– Да очень просто, – раздумывая, сказала Алла. – Метель, перевалы закрыты, связи нет. Интересно, связи нет или есть всё-таки?.. Ну, а потом выясняется, что человек пропал. Не знаю... ушел в тайгу. Медведь его задрал. И никаких следов.

– Медведи зимой спят.

– Жень, не дури, – велела Марина.

Снизу доносились приглушенные толстыми стенами звуки шагов и разговоров.

– А мальчишек наших тоже разогнали, как вы думаете?

– Я думаю, они всех разогнали, – ответила Алла. – Лишние глаза им ни к чему.

– Хорошо хоть, не заперли нас.

– А давайте проведем следствие! – вдруг предложила Женька. – Как в детективе! Ой, я так люблю детективы, особенно английские. И ничего нет сложного, нужно только у всех спросить, где они были в момент преступления, и сопоставить показания. И найти важные улики.

– Женька, не смей, – пригрозила Алла. – Ты теперь вообще от меня не отходи, поняла? Ни на шаг.

– Аллочка, но ведь это интересно!

– Ничего интересного, – оборвала Марина. – Это очень опасно, права Алла Ивановна. Мы все должны держаться вместе и...

– А я эту Зою Петровну боюсь, – пожаловалась Женька тихонько. – Она на одну тетку похожа. Ужасная тётка. Издевалась надо мной в интернате. Не хочу вспоминать.

– В каком интернате? – спросила Марина рассеянно, а Алла посмотрела пристально.

Женька торопливо махнула рукой.

– В Швейцарии. Там такие порядки, ужас просто.

...Зачем она врёт? До сих пор не врала, а тут – ни с того ни с сего, да еще так неумело! И... на пустом месте. Зачем?..

Стук в дверь обрушился им на головы как гром небесный. Алла сверзилась с подоконника, Женька взвизгнула, а Марина выпрямилась.

– Открыто, – хрипло сказала Алла и откашлялась. Выдвинулась вперед и толкнула дверь.

Ничего страшного не случилось. За дверью мыкался Сергей Васильевич, почему-то в тельняшке, вид у него был растерянный.

- Девчонки, – сказал он виновато, – меня за вами прислали. Вниз спускайтесь.
- А что там, Сергей Васильевич? А? Зачем нам спускаться?
- Не знаю я ихних дел, Женечка. Только видишь, какая каша заварилась.
- А тело? – спросила Марина жестко.
- На ледник унесли. В брезент завернули и унесли. – И зачем-то добавил: – Я помогал.

Ох, дела-делишки...

Безмолвная фигура в пимах и расшитом свитере маячила возле окна. Кузьмич, скрестив ноги, привалился к плите – Алла давно заметила, что плита его любимое место, он то руки грел, то самовар топил, то просто так стоял. Марк сидел верхом на стуле, свесив длинные кисти, точно такие же, как у Кузьмича, красные и в цыпках. Антон ходил в простенке туда-сюда, сюда-туда.

На остальных она внимания не обратила.

Как всё изменилось!.. Только что, утром, когда все собирались на завтрак, необыкновенная кухня была лучшим местом в доме! Вчера здесь пили шампанское, хохотали и ухаживали за девушками. Здесь вкусно пахло и было как-то... утешительно. Ничего не могло случиться за этим толстыми стенами, где в проемах висели картины и стояли кованые подставки с оплывшими свечами.

Сейчас казалось, что в кухне холодно, пахнет остывшим углем, что стол пуст и слишком велик, что буфеты темны и тяжеловесны, и не стоит ждать ничего хорошего. Не будет хорошего, потому что уже случилось плохое.

Самое плохое и ужасное из всего возможного – убийство.

– Да нет, так нельзя! – вдруг громко заговорил Антон. – Что-то же надо делать, мужики! Марк, что ты сидишь?

– Нам надо поговорить, – предложил Марк. – Прежде всего поговорить. Алла, сядьте, пожалуйста.

Алла пожала плечами, выдвинула стул и уселась. И Женьку рядом с собой посадила.

...Сейчас он скажет, что связи нет. Это никак нельзя проверить, и мы все сделаем вид, что верим. Потом он заявит, что среди нас убийца и они никого не выпустят до появления... кто там должен появиться? Полиция? МЧС?.. Следственный комитет вместе с прокуратурой? И мы сделаем вид, что так и должно быть. У нас нет выхода.

Выхода нет.

Марк сказал совершенно другое. Он спросил:

– Марина, вы ведь врач?

Она кивнула.

– Сможете по состоянию тела определить время убийства?

Алла Ивановна чуть со стула не упала. Женька рядышком шевельнулась испуганно.

– Я не знаю, – растерянно ответила Марина. – Если только приблизительно.

– Хоть приблизительно.

Она пожала плечами.

– Я попробую.

– Хорошо, тогда... поговорим, и я вас провожу. Или это нужно делать срочно?

– Ну, если вы не собираетесь разговаривать с нами до вечера...

– Не собираюсь.

– Я не понимаю, к нам какие вопросы? – начал Степан, который пальцем ковырял стол и время от времени исподлобья взглядывал на Марка. – Мы-то тут при чем? Это ваши дела, а не наши. Мы тут случайно оказались, и этого убитого раньше никогда не видели.

– По телевизору видели, – отрапортовала Женька, тараща глаза. – Я, например, сразу его узнала!

– Жень, замолчи!.. Не дури!.. Жень, сколько раз тебе говорить, чтоб не лезла!.. – возмутились Марина и Степан.

Марк переждал бурю и продолжал как ни в чем не бывало:

– Игоря убили сегодня ночью, когда мы все были здесь. Получается, что убил кто-то из нас.

– Из вас! – поправил Володя. – Мы ни при чем.

– Это просто собачья чушь! – возмутился Степан.

– С больной головы на здоровую, – поддержал Петечка.

– Я вообще ничего не слышал, я спал, – признался Диман виновато. – Я тут так сплю!..

Алле отчего-то было неудобно, она ёрзала на широком стуле, одергивала свитер, представляла ноги, но понять, в чем дело, не могла.

– Мы все были друг у друга на глазах, – продолжал Володя. – Постоянно. И мы все слышали, как вы вчера... поругались. Или вы скажете, что не ругались?

– Мы подрались почти, – ответил Марк. – Чего там поругались!.. У меня вопрос ко всем сразу и к каждому в отдельности. Кто вы такие?..

Все замерли, как в игре «море волнуется». Алла перестала ёрзать, Женька таращиться, Марина улыбаться презрительно. Степан и Петечка переглянулись. Диман хрюкнул, а Сергей Васильевич, подтянув рукава тельняшки, вздохнул:

– Ну, вы даете, мужики.

– Если можно, покороче. Кто вы, откуда и как оказались в одной группе?

– Если это допрос, то объясните, на каком основании, – твердо сказал Володя и поднялся. – Я не понимаю, какое отношение мои люди имеют к вашему убитому. Если б ваша собака нас не нашла, мы бы до сих пор были там! – и он ткнул рукой в сторону окна, за которым мело. – Вы что? Хотите все на нас свалить?!

– Я за себя скажу, – громко начал Сергей Васильевич, и все посмотрели на него. – Военный пенсионер, в походы с училища хожу. Сейчас без работы, скучно мне – сил нет. Сажу в Москве на восьмом этаже, как кочерга старая. Тут меня приятель и надоумил – есть, мол, группы по интересам в Интернете. Завел бы знакомство, сходил бы с ними куда!.. Ну, зашел я на сайт походный, нашел маршрут подходящий. После Нового года на Приполярный Урал, все как у людей. И супруга меня отпустила. Весной какие походы, весной дача, огород надо копать! Не уйдешь от огорода.

Марк слушал очень внимательно, как будто даже дышать перестал.

...Что такое? Какие такие тайны открывает Сергей Васильевич? Что это за откровения, которые нужно слушать столь внимательно, боясь пропустить хоть слово?..

– А я просто так пошел, – подхватил Диман. – На спор. Ну, честно, честно! Мы в баре зависли, а там какой-то спортивный канал передачи крутит про экстермалов и всякое такое. Вот Кристинка и начала восхищаться – там, мол, настоящие люди, мужики, всякое такое. А я, получается, тюфяк. Не, в зал я хожу, конечно, сейчас все ходят, и на лыжах вроде стою. Я ей и говорю, что ничего особенного в этом нету, я бы тоже пошел и всякое такое. А она мне – куда тебе, ты только и можешь пиво пить и рассуждать. Ну, я и пошел. Взял отпуск и пошел. Думаю, докажу ей.

– А ты где работаешь?

– Я? – как будто удивился Диман. – Я программист в одной фирме. Фирма логистикой занимается, а я им программы пишу.

Марк перевел взгляд на Петечку.

– Ну уж нет, – сказал тот, кажется, с некоторым злорадством, – не дождётесь. Я вам ничего говорить не обязан. Что это за допросы?! Я ни в чем не виноват.

– Я инженер, – мрачно проинформировал Степан, кажется, только для того, чтобы утереть нос Петечке. – В Росгидро. Второй разряд по лыжам. В походы хожу каждый год, если

получается, раза по два. На Приполярном Урале никогда не был, только слышал много. Тут как раз про перевал Дятлова стали вспоминать, по телевизору каждый день показывали! И сплошная брехня какая-то про перевал этот! Я решил – пойду и своими глазами посмотрю, что такое Приполярный Урал.

– Группу нашел в Интернете? – уточнил Марк.

– Как все. Здесь все из Интернета.

– А у меня папа улетел! – затараторила Женька. – Он бы меня ни за что не пустил! А тут улетел! А он все время за мной смотрит, шагу ступить не даёт! И лыжи подарил крутые. И я решила, пока его нет, сходить! Это же так интересно! И я в школе на лыжах хорошо каталась. А он вернется, узнает, в какой я поход ходила, вот удивится!

Алла повела шеей, оглянулась и поняла наконец, почему ей так неловко. Кузьмич не отрываясь смотрел ей в затылок. Он не шевелился, не произносил ни звука и только смотрел на неё.

– Группу в Интернете собирал я, – неприязненно сказал Володя. – Я начальник отдела в банке. В прошлом году хотел пойти на Алтай, но не получилось. Решил в этом на Урал.

– Ты хоть раз ходил зимой и командиром группы?

Володя посмотрел с вызовом:

– Не ходил, и что?.. Надо же когда-то начинать! Лидерские качества сами собой не появляются. Их нужно формировать.

– Это тебе кто сказал?

– Какая разница, кто это сказал?!

– Володя, не кричи, – перебила его Марина. – У нас в институте считают, что нужно заниматься спортом всерьез, желательно каким-нибудь тяжелым и сложным. Я пошла в поход, потому что это огромный плюс к характеристике на повышение. Меня должны повысить, мне нужна правильная характеристика. Точка.

Алла еще раз оглянулась на Кузьмича, который всё смотрел. Зачем он так на неё пялится?! Подозревает? Догадался? Вздор, ни о чем он не мог догадаться!

– Я вам о себе уже рассказывала, Марк, – она улыбнулась. – Собиралась с другой группой, но не получилось. А я твердо решила пойти. И пошла с этой.

– До старта никто из вас не был знаком друг с другом, так получается?

– За три дня до выхода познакомились! – бодро ответил Сергей Васильевич. – Когда первый сбор проводили, меня завхозом выбрали. А я во все походы завхозом ходил. Паек распределял, костёр разводил, днёвки назначал! Мне привычно.

– Ну, мы все исповедались, как на духу, – подытожил Володя с иронией, в которой звучало нечто вроде «что, съели?». – Ваша очередь! Или мы в одни ворота играем?

– Мы, парень, вообще не играем, – впервые подал голос Кузьмич.

– То есть вы нам не собираетесь рассказывать, кто вы такие?!

И вдруг Женька ляпнула:

– А я знаю! – и улыбнулась Марку. – Я знаю, кто вы такие! Я сразу узнала, как только увидела.

Марк молча смотрел на неё.

Алла испугалась, а Антон фыркнул и помотал головой.

– И этого тоже узнала?! – развеселился Петечка. – Еще один из списка миллионеров?.. Женька у нас всех миллионеров знает в лицо!

– Вы Марк Ледогоров, – выпалила Женька. – Вы знаменитый биатлонист. Победитель всех олимпиад.

– Не всех, – поправил Марк. – Только некоторых.

– Шести, – как во сне произнес Степан. – Марк Ледогоров – шестикратный олимпийский чемпион по биатлону.

...Где шестикратный олимпийский чемпион по биатлону?! Вот этот парень с красными руками и волосами, падающими на глаза?!

...Лыжня, проложенная ратраком, двустволка на плечах, Марк ушел на трассу, откуда посреди тайги трасса, «я здесь работаю, ох, как я здесь работаю...».

– Да ну, быть не может. – Володя уставился Марку в лицо. Кажется, едва удержался, чтобы не пощупать. – Вы Ледогоров?

– А вы... разве... Вы разве не должны быть в Сочи? – спросила Марина. – Олимпиада там будет, а не на Урале.

– Мы здесь живем и тренируемся, – ответил Марк и поднялся. Грохнул тяжеленный, как будто чугунный стул. – Почти постоянно. В Сочи полетим ближе к делу. Да и то теперь непонятно, полетим или нет.

– Я репортаж видел. – Диман оглядел собравшихся, как бы сомневаясь, верить ли своим глазам. – По спортивному каналу. Там как раз рассказывали, что Ледогоров постоянно живет в условиях высокогорья и тренируется по своей программе. У него специальная программа. У вас, то есть. И с ним тренер, а больше никого. Говорили, что так еще только один Бьёрндален тренируется, норвежец. Тоже в горах живёт где-то там, в Норвегии. И поэтому они на двоих всё мировое «золото» делят. Друг с другом соревнуются. Остальные не тянут. Женька, ты знала и не сказала?!

– Вот именно, – подхватил Володя. – Почему ты не сказала, дура?!

Женька пожала плечами. Вид у неё был виноватый. Марк усмехнулся.

– Зоя Петровна, дайте чаю, что ли.

Безмолвная фигуры выступила из тени:

– Твоего?

– Любого.

Затрещали щепки, потянуло сладким дымом – приятно.

– Я тебя и в лицо-то никогда не рассматривал, – сказал Сергей Васильевич, поглядывая на Марка. – Хоть и болельщик рьяный! Ты в Турине эстафету бежал, я голос сорвал. Думал – не вытянет он, не вытянет! Тебе тогда больше минуты отставания привезли. Чего там, все полторы! – Он прикрыл глаза, вспоминая. – Как ты тогда бежал, как бежал...

– И я тоже болельщик, – признался Степан. – Как это я вас не узнал?.. И в Турине, и в Ванкувере. В Ванкувере финиш был, комментаторы все выли, орать уже не могли. Ох, какой там был финиш, умереть можно.

– Ледогорова все знают, – неуверенно произнес Володя. – Он мировая звезда.

Алла опять повернулась и посмотрела на Кузьмича. Она так волновалась, что у неё дрожали руки. Пришлось сложить их на коленях, чтобы никто не заметил.

– А вы тренер, да? – спросила она.

Кузьмич кивнул.

– И вы здесь постоянно живете?

Он опять кивнул.

– Мы выезжаем отсюда только на обязательные соревнования, – сообщил Марк. – А так у нас своя программа. С Федерацией и союзом биатлонистов договорились, они к нам не пристают. Мы медали привозим, и все довольны.

– Спортсмены вашего уровня тренируются в Альпах, – заявила Марина почему-то неприятно. – Вы рассказываете сказки.

– Виноградов как раз председатель союза биатлонистов, – вдруг вспомнил Степан. – Точно! Он тоже по телевизору всё время про биатлон рассуждал!

– Как ты тогда в Турине нагнал, парень! Вот не думал я, что доведется тебя самолично увидеть, а?! Не поверит мне никто! Ты мне автограф оставь, что ли, или фотографию на память!

– Сергей Васильевич, успокойтесь!

– Да ведь не поверит никто!

– А зачем Виноградов прилетел именно сейчас? – тихонько спросила Алла. – Несмотря на штормовое предупреждение! Он знал, что можно застрять надолго, и всё-таки прилетел. Зачем?

– У него было ко мне срочное дело, – ответил Марк.

– Вы из-за этого дела... поссорились?

– Да.

– И ночью его убили.

– Мы не убивали, – сказал Марк. – Вам придётся или поверить, или не верить, это не имеет никакого значения. Нам нет смысла его убивать.

– Он вас содержит? – догадалась Марина. – Это всё на его деньги, да? Все ваши удобства и красоты посреди тайги оплачивал Виноградов?

Алла подумала, что мысль о том, что олимпийский чемпион и супермен Марк Ледогоров находится на содержании, доставляет Марине удовольствие.

– А теперь его убили и деньги больше давать некому?

– Я содержу себя сам, у меня свои деньги, – сдержанно объяснил Марк. – Но Игорь всегда помогает, это правда. Он в разных вопросах помогает, не только в денежных. Он очень влиятельный человек в спорте.

– Был, – подсказала Марина.

– Чай, – объявила Зоя Петровна. – Еще кому наливать?..

– Мне! – вскинулся Сергей Васильевич. – Зоя Петровна, я там внизу, в баньке, постирушку затеял. Так вы того, не обращайтесь внимания, я сам достираю. Свитер провонял больно.

...Нельзя забывать про убийство. Никак нельзя! А то вон Сергей Васильевич про постирушку заговорил как ни в чем не бывало! Уже... привык к тому, что в доме убийство. Кем бы ни был Марк Ледогоров, как бы он ни был знаменит, в его доме убит человек, и сделать это могли или он сам, или его тренер, больше некому и незачем. В то, что убил кто-то из группы, Алла не верила ни на копейку.

...Они поссорились, и один из них убил – ночью ножом, хладнокровно и беспощадно. Наверное, именно так, хладнокровно, беспощадно и расчетливо, Марк Ледогоров обходит противников, остается победителем – всегда.

...Сейчас все будут смотреть на него с обожанием, просить автограф и «сфотографироваться» – вон Сергей Васильевич уж попросил! Сейчас все будут вспоминать его победы и триумфы, зато никто и не вспомнит, что этот человек может быть опасен, именно потому что тренирован, умён и хитёр. Он на своей территории, здесь он не просто олимпийский чемпион и звезда мирового спорта. Здесь он хозяин. Волк.

...Есть такие волки, которые убивают просто из спортивного интереса...

– Ты на лыжне-то всегда в шапке этой и в очках!

– А почему вы так мало интервью даёте?

– Вообще-то я биатлон не смотрю, но несколько раз попал, финиш в Ванкувере действительно ударный был.

– Нет, а ты спринт видел?! Ну, когда Фуркад два штрафных бежал! И до последней секунды было непонятно, кто кого.

Кузьмич аккуратно поставил свою кружку и вышел. Марк помедлил и вышел за ним. Алла проводила их глазами.

Кузьмич надевал в сенях пуховик.

– Ну что?

Он сердито махнул рукой:

– Все врут, до одного.

– Зачем?

– Не знаю. Но врут все. Пойду я, лыжи посмотрю, Марк. По лыжам многое понятно станет. Я внимательно-то не глядел.

Он натянул шапку, натянул почти до глаз.

– И девчонка!..

– Девчонка – ладно, – сказал Марк тихо и быстро. – А вот ты почему проспал?

И они посмотрели друг на друга.

– А Зоя Петровна почему проспала? – спросил Кузьмич и взялся за ручку двери. – То-то и оно.

Марина вернулась очень бледная и решительная и сообщила, что убили ближе к утру, то есть часов восемь назад. Удар один и такой силы, что шансов не было никаких.

– Он даже повернуться не успел, – сказала Марина, и губы у нее затряслись. Антон подал ей воды в водочной стопке, но она с силой отстранила его руку, вода пролилась на пол. – Кем надо быть, чтоб вот так, во сне!.. Это... бесчеловечно, ужасно!..

– Да, – согласился Антон, снова налил в стопку воды и выпил сам, как водки хлопнул. – Чего делать, непонятно. Чего жене говорить, где теперь работу искать...

– А у него жена есть, да? – спросила глупая Женька с сожалением, как будто убитый Виноградов собирался жениться на ней, да вот не успел.

– Ну конечно, есть! – с досадой сказал Антон. – У всех есть!

– И у Марка?

Алла за руку уволокла Женьку в комнату с книгами.

– Жень, угомонись. Эти люди убили человека, ты хоть понимаешь?

Женька закивала:

– Аллочка, я всё, всё понимаю. Вы не думайте, что я дура.

Алла и не думала, что она дура!.. Зато была почти уверена: Женька что-то скрывает и делает это очень ловко.

– Как ты его узнала?

– Ледогорова?! Аллочка, его же все знают! Он великий спортсмен, знаменитость!

– Ты поклонница биатлона?

– Папа, – запнувшись, сказала Женька. – Папа всегда смотрит. И я иногда смотрю вместе с ним.

– Что ты смотришь?

– Трансляции, – старательно ответила Женька. – Спортивных соревнований.

Алла внимательно и пристально смотрела ей в лицо. Та покивала несколько раз – честно-честно.

... Во время соревнований они все в очках и шапках, прав Степан! Какие они там за этими очками, не разберешь. Марк Ледогоров в светских мероприятиях не участвовал, в ток-шоу нога на ногу не сидел и в Думе не голосовал. На обложках журналов его никогда не печатали. Иногда он мелькал среди каких-то важных людей, но именно мелькал. Узнать его трудно, и всё-таки Женька узнала. Из-за папы? И его любви к биатлону?..

– Не лезь к ним, – попросила Алла. – Ни к Марку, ни к его тренеру. Будь осторожна.

– Аллочка, я очень осторожна, но ведь вы не думаете на самом деле, что Марк Ледогоров мог зарезать своего делового партнёра или даже спонсора?

– Почему не мог?

Женька потянула Аллу за руку, и вместе они плюхнулись на диван на какие-то шкуры.

– Аллочка, Ледогоров – шестикратный олимпийский чемпион. Вряд ли у него что-то с головой, да? Он же то и дело проходит всякие медицинские обследования и комиссии! То есть он здоров и в своём уме. Напиться до зеленых чертей он вчера никак не мог, он до вечера тренировался и вообще ничего не пил! Во-от, значит, пьяный угар и помрачение рассудка исклю-

чаются, да? – Алла не отводила глаз от Женькиного лица, а та продолжала: – Игоря, бедного, зарезали, да? Марина сказала – никаких шансов. Ледогоров с винтовкой обращается, как бог. Ну быть не может, чтобы он так же обращался с ножом. Ему некогда с ножом тренироваться, он всё время с винтовкой тренируется! Во-от. И потом, понимаете, Аллочка, если он сам Игоря зарезал, зачем он нам показал его труп? Вот зачем?

Алла перевела дыхание.

– Нет, ну правда, – продолжала Женька, – вот зарезал Марк Игоря, бедного. Вот лежит Игорь на кровати мертвый. Ну и вытащили бы они его в снег. Мы бы и не догадались ни о чем. Утром стали бы его искать, бегать по дому. Ну, не нашли бы, и все дела.

Она помолчала и добавила, сдвинув брови, очень тёмные по сравнению со светлыми волосами:

– Я... мне правда его жалко, Игоря.

Бедного, прибавила про себя Алла.

– Он вчера так настойчиво предлагал мне с ним переспать! Нет, он даже не предлагал, он как будто распоряжение делал! Он говорил: я проведу с этими чудиками воспитательную работу, и ты ко мне придешь, да, лапочка? Или я за тобой Антошу пришлю. Антоша всегда готов помочь. Я, конечно, тоже хороша, шампанского напилась!.. Но, знаете, Алла, сколько раз...

Тут Женька вскочила и захлопала глазами.

– Есть хочется, – сказала она специальным «девочкиным» голосом. – Я, наверное, бесчувственная. Никому не хочется, а мне хочется! А тётку просить я боюсь.

И она выбежала из комнаты.

Алла посмотрела на книжку про похождения бравого солдата Швейка.

...Виноградов собирался выяснить отношения с Марком и его тренером, а потом всласть порезвиться с Женькой. Женька или сама придёт, или её приведут – для этого есть специальный человек Антон, всегда готовый выполнить любое распоряжение хозяина. Почему Женька ничего никому не сказала? На самом деле напилась или сделала вид? Или, может быть, сочинила историю только что?.. Зачем? Зачем она её сочинила?..

Алла вышла в коридор. В кухне разговаривали – громче всех Степан с Сергеем Васильевичем и опять про Турин и Ванкувер!..

Безмолвная Зоя Петровна тащила какие-то рюкзаки, дотащила до Аллы и плюхнула на пол:

– Ваши?

Алла посмотрела.

– Наши.

– Разобрать надо. Вещи посушить. Сгниют.

– Зоя Петровна, – спросила Алла, развязывая рюкзак, – вы ночью ничего не слышали? Никакого шума?

Та ничего не ответила. Время от времени, по всей видимости, её поражал приступ глухоты или немоты.

Алла потянула завязки и стала вываливать на пол какие-то свитера и штаны. В коридоре моментально завоняло застарелым дымом от походных костров и отсыревшей шерстью.

Вдруг рюкзак как-то странно дернулся и взметнулся из-под Аллиного носа, и она чуть не упала, пришлось опереться руками.

– Что вы делаете?! Не трогайте тут ничего!

Над Аллой нависал Диман, совершенно красный.

– Я не трогаю, – сказала она осторожно. – Я хотела вещи повесить посушить...

– Не надо ничего сушить! Я сам!

Он перешагнул через Аллу и пошел к «комнате мальчиков», унося рюкзак, но вдруг остановился и повернулся к ней.

– Это чей?

– По-моему, Володин.

Диман еще посмотрел на рюкзак, повернулся, вздохнул и забормотал виновато:

– Алла Ивановна, не обращайтесь внимания! Извините. Я думал, это мой, они у нас почти одинаковые! А я терпеть не могу, когда в моих вещах роются, просто ненавижу!

Он подошел и аккуратно опустил рюкзак возле сидящей на полу Аллы.

– Это у меня с детства психоз. Я от брата все время вещи прятал, понимаете? Он у меня всё таскал!

Диман протянул руку и помог Алле подняться.

– Да ничего, – пробормотала она. – Бывает.

– Давайте я вам лучше помогу. Куда тащить?

– Тащи в подвал, там есть где вещи развесить.

Безмолвная Зоя Петровна, протиравшая пыль в «оружейной», аккуратно и бесшумно вернула на место винтовку. Рядом на полке лежал охотничий нож в кожаных ножнах. Зоя Петровна посмотрела на нож и вышла.

Звук был равномерный и сильный – вжи-ик, вжи-ик, вжи-ик, – с отзвуком металла.

Женька остановилась перед табличкой «Посторонним вход воспрещен. Только для персонала» и прислушалась. Звук явно шел откуда-то изнутри, что-то там происходило, за дверью «только для персонала».

Она еще постояла, посмотрела по сторонам – никого не было на втором этаже, все внизу, – и потянула дверь на себя.

Звук стал отчетливей.

В комнате было сумрачно от метели, свет не горел. Книжные полки, диван, письменный стол, а на столе компьютер! Вот так так! Выходит, не зря Петечка мечется, ищет Интернет! Выходит, есть здесь Интернет, если хорошенько поискать, можно и найти! Женька подошла к письменному столу и посмотрела – бумаги, много бумаг. Какие-то графики, стрелки.

Вжик, вжик – доносилось из-за стены.

Широкий диван, на диване – комом – меховой плед. В кресле навалены какие-то вещи. Женька обошла кресло стороной и пошла на звук.

Марк Ледогоров в трусах и футболке, мокрый с головы до ног, как будто катился на лыжах, но не двигался с места в каком-то диком тренажере. Тренажер состоял из широкой плоской ленты, которая двигалась под ним, когда он отталкивался ногами, и тросов с гирями, те, по всей видимости, заменяли лыжные палки. Вжик – налево! Вжик – направо! Вжик! Вжик!..

Женька стояла в дверях и смотрела.

Здесь оказалось полно всяких тренажеров, о назначении которых невозможно было догадаться по виду: отполированные плоские напольные штуки с ограничителями; колодки, похожие на пыточные; еще как будто ворота с дисками для утяжеления в створах. Странные, тяжелые, угрюмые механизмы – ничего общего с хромированными, блестящими, самодовольными тренажерами в фитнес-клубах.

Женька вошла и очутилась у Ледогорова за спиной. Пот капал у него с подбородка, оставлял на черном пластике ленты следы.

Вжи-ик!.. Вжи-ик!..

«Посторонним вход воспрещен. Только для персонала».

Женька тихонько присела на какую-то зеленую резиновую штуку, похожую на гирию. Сидеть было очень неудобно, штука качалась и кособочилась под ней. Уходить Женька не собиралась.

Он соскочил с тренажера, наклонился и подышал. И негромко сказал, не поворачиваясь:
– Это надолго.

– Можно мне посмотреть?

Он перешел к следующему стенду. Тросы натянулись и задрожали, и мышцы у него на руках, переплетенные синими венами, натянулись тоже. Диски тяжело поднимались в пазах, и казалось, должны падать с оглушительным грохотом, но Марк опускал их мягко, почти нежно, почти неслышно – бесконечное число раз.

Потом к этим бесконечным монотонным движениям добавилось еще одно – ногами. Снова поехала лента на полу – влево, вправо, влево, вправо.

Зеленая резиновая гиря, на которой сидела Женька, как-то вывернулась, и она плюхнулась на пол.

Он взмахнул руками и пошел, на этот раз как будто с палками, движения изменились, стали неровными, более сложными, но никак не заканчивались. Бесконечное количество раз влево, бесконечное количество раз вправо, и всё по новой.

Женьке стало трудно дышать, словно она сама делала все эти движения. Смотреть было почти невыносимо, как будто на её глазах угрюмые фантастические механизмы пытали живого человека, вытягивали из него силы, медленно, по капле, – вон они падают, эти капли!

И снова, и опять, и влево, и вправо.

Женька закрыла глаза и сглотнула. Её затошнило от его усилий.

Может, лучше уйти?..

Он продолжал работать, а она сидеть на полу, и неизвестно, сколько это длилось. Он сказал – долго, но Женьке показалось, что не просто долго, а вечно, механизмы его пытали, а он как будто старался спастись, совершал всякие магические ритуалы, чтобы их задобрить, но они оставались безжалостными!

А потом он куда-то ушел.

Женька еще посидела, повздыхала, встала на четвереньки и подползла к широкой резиновой ленте. Она в самом деле была мокрой, вся залита потом, и Женька подумала – странно, что не кровью.

Прошло еще довольно много времени, и Марк появился – как ни в чем не бывало.

Никаких следов пыток, никакого изнеможения.

Он был в белой футболке и брезентовых штанах, на шее полотенце, волосы мокрые.

Женька снизу вверх посмотрела на него.

– Так каждый день?

– Обычно два раза в день.

– И сегодня два раза?

Он кивнул и кинул в кресло полотенце.

– Ты извини, что я... влезла без приглашения.

– Ничего, – сказал он вежливо. – Мне зрители не мешают.

И посторонился, пропуская её.

Не говоря друг другу ни слова, они вышли в коридор, он прикрыл за собой дверь и придержал Женьку за руку.

– Кто из ваших мог убить?

Она посмотрела на него очень серьёзно.

– Можно мне потом еще к тебе на тренировку?

– То есть ты не знаешь?

Она покачала головой.

– Зачем ты сюда пришла?

Женька опустила голову, краска залила щеки. Она отняла руку и кубарем скатилась по лестнице.

Дверь распахнулась, дернуло ледяным ветром, метель ворвалась в дом. Вик вбежал весь в снегу, шкура загорелась под светом тусклой лампочки, как будто усыпанная мелкими бриллиантами. Пес сунул Кузьмичу в ладонь широкую холодную морду.

– Здорово, здорово, – сказал Кузьмич рассеянно и потрепал его между ушами.

Вик фыркнул и поддал носом.

– Здорово, говорю, – повторил Кузьмич. – Ну, чего там? Метёт?

– Метёт, – отозвался Марк, сбивая снег с унтов. – Нагонять на лыжне много придётся.

– Нагоним.

Марк зашел, пристроил на вешалку пуховик и осмотрелся.

Его тренер сидел в кресле, вытянув ноги, и задумчиво созерцал шеренгу лыж, выставленных у стены. Их было ровно восемь и все не парные. Марк сел в соседнее кресло и тоже стал созерцать.

– А сосед твой где?

– Антон в большом доме. Чего ему со мной сидеть? Нервничает он, понятное дело. Начальника, считай, на глазах убили!

Вик обошел все три комнаты, чихнул на фотографию полярной совы, которую он отчего-то терпеть не мог, устроился между Марком и Кузьмичом и зевнул во всю пасть. Сверкнули сахарные чудовищные клыки.

– Кофе хочешь?

– Давай.

Кузьмич подобрал ноги, нехотя поднялся и пошел на кухню.

– Ты оценил, – громко спросил он оттуда, – что я тебя ни о чем не спрашиваю?

Марк промолчал. Он рассматривал лыжи.

Вернулся Кузьмич, ткнул ему в ладонь кружкой. Кружка была очень горячей. Марк отхлебнул.

Кузьмич подошел к шеренге лыж и простер руку с видом экскурсовода, который собирается провести лучшую экскурсию в своей жизни. Так оно и было на самом деле, и Марк приготовился наблюдать представление. Кузьмич безошибочно, с первого взгляда умел определять уровень, класс лыж и креплений и их соответствие лыжнику и задаче, которую тот решает. У Марка тоже получалось, но хуже, чем у тренера.

... Посмотрим, послушаем. Сравним выводы.

– Значит, так. Вот эта, склеенная, недотёпы, который считает, что он командир, тут ошибки быть не может, – и отодвинул лыжу в сторону.

– Заметь, только он так и считает, – согласился Марк. – И заблуждается.

– Заблуждается. И я пока не понял, кто на самом деле командир.

– Алла? – предположил Марк.

– Или Сергей Васильевич.

– А Степан?

Кузьмич помотал головой, глотнул и пристроил свою кружку на поленицу.

– Не, не, не. Степан не при делах. Только вот я тоже пока не понял, совсем не при делах или...

– Или?

– Или у него какая-то своя роль. Значит, эта лыжа Володи. Как раз подходит ему... по статусу. Как работнику банка. Они все себе такие покупают в специальных спортивных магазинах для работников банков. Стоит великих денег, красота неземная, дерьмо дерьмом. Крепления опять же.

Марк посмотрел на крепления и засмеялся.

– Это ему в магазине такие поставили, Кузьмич. Сказали, что будет круто.

– Согласен. Ну, эта Женькина, понятно.

Кузьмич быстро и внимательно взглянул на Марка, и тот глаз не отвел.

– Ну, что ты смотришь? – спросил Ледогоров, потому что пауза затягивалась. – Я знаю, что это её! Я сам выбирал для неё эти лыжи, Паша!

– Ты бы головой подумал, олимпийский чемпиён, – негромко сказал Кузьмич, и Вик, услышав слово «чемпиён», поднял голову и наострил уши. Он знал, что это слово ничего хорошего не предвещает. – Не, ты можешь и дальше молчать, как пень, но ты всё-таки подумай.

– Я думаю.

– Медленно ты думаешь! Ты думай, как на трассе, – быстро и толково.

Женькину лыжу он отодвинул почему-то в другую сторону и взял две следующие.

– Вот эти совершенно равнозначные. – Кузьмич посмотрел сначала на ту, что была у него в левой руке, а потом на ту, что в правой. – Вполне профессиональные, надежные, крепы соответствуют. Почему я и не знаю пока, кто из них главнее, мужик или девушка.

– Мужик – это Сергей Васильевич, а девушка – Алла?

Кузьмич кивнул.

– По сравнению с этими лыжами всё остальные – фуфло, сам видишь. Женькины не в счет, понятное дело. – Он аккуратно отставил лыжи к стене. – Ну, эта – заморыша, который с телефоном не растается, последняя модель, раскраска сам видишь, аж глазам больно, в сети такие рекламируют, он небось из интернет-магазина их и выписал!.. Цена грош, зато красоты много, как раз для него! Во-от, а эта, судя по всему, Степана. Если по лыже смотреть, Степан ни в какие походы по два раза в год не ходит, понятное дело. Или ходит, но на каких-то других лыжах. Эти совершенно новые, не опробованные, куплены позавчера. В такой серьезный поход на новых лыжах не идут. Врет Степан.

– А заморыш?

– Не знаю, – сказал Кузьмич с сомнением. – Но он единственный, кто нам брехать не стал, когда мы спросили, кто он и откуда. Не стану, говорит, отвечать на ваши идиотские вопросы!

– То есть или он очень умный, – задумчиво протянул Марк, – и понимает, что врать бессмысленно...

– Или совсем дурак, – подхватил Кузьмич, – и не понимает, что мы и без него всё узнаем.

– Кто-то из них зарезал Игоря. Зачем?..

Кузьмич вдруг оскалился, как Вик, почуявший волка.

– Я бы его сам зарезал, Марк. Сволота такая!.. Главное, столько лет вместе, а тут – на тебе!..

– Чего ты сейчас-то бесишься?

– А ты не бесишься?! У нас Олимпиада на носу, нам выступать, и Виноградов вдруг нарисовался! Я ему чуть в рожу не засветил, полночи не спал!

– Ты как раз всё проспал, – перебил Марк. – Как это вышло? Почему ты всё проспал?! Я знаю тебя сто лет, ты всегда просыпаешься секунда в секунду! Почему именно сегодня ты проспал?

– Сам не пойму, – вдруг обмякнув, сказал Кузьмич. – Вот честно, не пойму, Марк. А Зоя Петровна? Как она могла не услышать, что в доме кто-то ходит? Она за три километра винтовочный выстрел от двустволки отличает!

Они помолчали.

– Скандал будет на весь мир, – произнес Марк задумчиво. – В моём доме председателя союза биатлонистов зарезали.

– Будет, это точно, – согласился Кузьмич. – Ничего, прорвёмся как-нибудь, узнать бы только, кто и за что убил. Чтоб не затаскали нас с тобой по инстанциям перед самой олимпиадой.

– А последняя? – Марк кивнул на единственную оставшуюся лыжу.

– Эта как раз интересней всех.

Кузьмич взял лыжу, покрутил из стороны в сторону и сунул Марку.

– Сам погляди.

Марк взял, посмотрел так и эдак, поднялся и подошел под свет.

– Да, – согласился он и еще посмотрел. – Интересно.

Кузьмич сопел у него за спиной, тоже рассматривал:

– А эти не ты выбирал, нет?

Марк отрицательно покачал головой.

– А такое впечатление, что ты. Или я. Я бы, например, для зимнего похода только такие выбрал. И вот вопрос у меня к тебе – откуда такие лыжи у толстого чувака, который утверждает, что он программист на складе?

– Не на складе, а в логистической компании!

– Это одно и то же.

Свет мигнул, померк, но не погас.

– У нас солярки-то хватит, Кузьмич?

– Хватит у нас всего. Если б я тебя слушал, то без света бы и сидели! А я запасливый. У нас еще угля полно, брикетов топливных.

О некоторых дополнительных запасах в ангаре, про которые Марку уж совсем не следовало знать, он умолчал.

Марк допил кофе и прошелся перед голландской печкой туда-сюда, закинув руки на шею. Остановился и провел ладонью по Женькиной лыже.

Вик поднял голову, замер на секунду, а потом часто и жизнерадостно задышал. Хвост шевельнулся туда-сюда.

– Идёт кто-то, – сказал Кузьмич.

– Я не убивал, – выговорил Марк медленно. – А ты?

– Я тоже не убивал.

– Остаются чужие, Женька, Зоя Петровна и Антон.

– Антону зачем? Он у Игорька как сыр в масле катался! Тот его везде за собой таскал – и на острова, и на яхты, и на курорты разные! Игорек без вертолета жить не мог, ты же знаешь!.. Где это Антон себе другого такого золотого шефа найдёт?

– А Зое Петровне зачем?

– И ей незачем. А про Женьку сам думай. Я тебе не помощник.

На крыльце стукнуло, Вик вскочил и потрусил к двери. Белый хвост мотался из стороны в сторону.

– Здорово, мужики, – произнесла с порога фигура, замотанная от метели почти до глаз.

– Проходите, Зоя Петровна.

Она расстегнула пуховик, стащила его и в несколько приемов старательно отряхнула снег.

– В «оружейной» охотничий нож, – проинформировала Зоя Петровна безразлично. – Не наш, чужой чей-то. Я его оставила где был, дверь заперла от греха. В шкафу медицинском ампулы одной не хватает. Звериное снотворное, что по весне заряжаем, когда медведи голодные. В медицинской врачиха была, этот с растяжением и Алла. Больше никто не заходил.

Марк и Кузьмич переглянулись. Зоя Петровна продолжала без выражения:

– Толстый ихний до смерти перепугался за свой рюкзак. Я велела вещи разобрать, так он рюкзак вырвал и понёс. А потом оказалось, не его рюкзак-то. Так он сразу успокоился и повинился, не люблю, мол, когда в моих вещах копаются.

Зоя Петровна помедлила, потом подложила полено в чугунный зев «голландки» и стала ловко заметать щепки.

– Женька плачет, – добавила она как ни в чем не бывало и ссыпала щепки туда же. – Ужин скоро. Приходите, мужики.

Потрепала Вика по загривку, надела пуховик и ушла в метель.

Спали плохо – решили дежурить по очереди, но от Женьки не было никакого толку. Вечером она почему-то рыдала, правда, быстро успокоилась и читала на диване «Похождения бравого солдата Швейка», а потом завалилась на свою кушетку в «комнате девочек», накрылась с головой лоскутным одеялом и заснула.

– Я её разбужу, – сказала Алла Марине, – немного подежурю, потом разбужу её. А после уж ты.

Спать по очереди было очень правильным решением, но невыполнимым. Алла долго прислушивалась к тишине дома, к метели, которая всё терлась о стены, к Женькиному дыханию, задремывала, просыпалась в ужасе и опять задремывала.

...Спать нельзя! В доме человек, убивший другого человека. Скорее всего, он тоже не спит и прислушивается к тишине и всматривается в темноту. Как вообще можно спать после... убийства?.. Алла пыталась себе представить и не могла. Вчера в это самое время Игорь Виноградов был жив, а тот человек только готовился его убить. Собирался и прикидывал, как он это сделает – как войдет в комнату спящего крепким сном человека, подождет, пока глаза прищурит, прикинет, как ловчее всадить нож. Потом он поднимается, неслышно идёт по дому... убивать. Он знает, зачем идёт, знает, что будет делать.

Алла вздрагивала, садилась и бралась за горящие щеки. Нет, невозможно себе представить! Она прислушивалась, в ушах звенело от напряжения.

Убийца рядом, в двух шагах. Спать нельзя.

Она опять укладывалась и прислушивалась, уставала, задремывала и вскакивала в ужасе.

Разбудить Женьку так и не удалось.

– М-м-м, – тянула та, когда часа в четыре Алла попыталась её растолкать. – Уже пора, да?.. Я сейчас, еще пять минуточек.

Марина тоже не просыпалась. Она спала каменным, тяжелым сном, и лицо её в темноте казалось напряженным и постаревшим.

Утром Алла спустилась вниз первая, ей было холодно, глаза как будто песком засыпаны. В кухне трещали дрова и Зоя Петровна орудовала своими метровыми сковородами и ведерными чугунами. Алла натянула пуховик и валенки и вышла на крыльцо.

Ветер хлестнул по непокрытой голове, забрался в волосы и разбросал их, щеки загорелись, и стало легче дышать.

Снегу за эти дни насыпало почти по окна, леса под горой совсем не видно. Неужели метель когда-нибудь кончится, и выйдет солнце, и небо будет голубым? Разве небо бывает голубым?

Черная тень метнулась ей под ноги. Алла вскрикнула, как глупая Женька, засеменяла ногами, поскользнулась и шлепнулась – больно!

Из метели высунулась улыбающаяся собачья морда. Алла оказалась с ней нос к носу.

– Вик! Ты меня напугал! Что ты прыгаешь?

– Здоровается, – сказали где-то над ней, и из снежной круговерти высунулась рука. – Поднимайтесь!

Алла уцепилась за руку, встала на четвереньки – фу, как неловко, – и поднялась.

– Доброе утро, Павел.

– Вы бы шапку надели или хоть капюшон накинули.

– Да я на минуту только вышла. Подышать.

– Ну-ну.

Из высоких деревянных саней, которые он притащил с собой, Кузьмич стал кидать на крыльцо поленья. Получалось у него очень ловко, как будто они сами собой складывались в аккуратный штабель. Алла спустилась с крыльца и стала подавать ему тяжелые сырые дровины.

– Да я сам управлюсь.

– Ничего, мне полезно. Третий день в доме сидим безвылазно.

– Завтра-послезавтра метель уйдёт.

– Связь появилась? – обрадовалась запыхавшаяся Алла. Она не успевала за его движениями, отставала, а ей хотелось быть такой же ловкой, как он.

– Ничего не появилось. Я и так знаю. Сегодня еще пометёт, а потом погода будет, вот увидите.

– И вертолет прилетит?

– Какой вертолет?

– А вы разве... не вызывали никого? Человека же... убили.

Он ничего не ответил, продолжал швырять дрова.

...Осторожно! Осторожно с ним! Может быть, он и убил. Может быть, это он шел ночью по тёмному дому, прикидывая, как именно станет убивать.

Алла подала последние поленья и заправила волосы под капюшон. Вик крутился рядом, она поймала его за хвост. Вик удивился.

– Мы с Марком до всяких вертолетов должны узнать, кто убил и зачем, – сказал Кузьмич. – Вы не понимаете, да?.. Олимпиада вот-вот, это самое главное событие в жизни любого спортсмена. Мы четыре года так или иначе готовимся к Олимпиаде. Нет, к первенствам и чемпионатам само собой, но Олимпиада главней. Тем более домашняя. То, что у нас тут случилось, это... даже не объяснить! Марк должен выступать, кровь из носу должен, а в его доме труп председателя союза биатлонистов! Представляете, какой будет шум, какое давление на него? И его моральное состояние представляете? Ну хоть слегка? Он сейчас ни о чем не должен думать, только об одном – как победить. Ему тридцать шесть, к следующей Олимпиаде сорок стукнет. Сочи, может, и не последний шанс, но... почти. И на него вся страна рассчитывает. Каждый ребенок знает, что как бы то ни было, а Ледогоров у нас есть, значит, и медали будут. А мы вынуждены вместо того, чтоб готовиться, головоломки решать... кровавые.

Он стал жестким веником сметать с крыльца снег. Алла отступила немного.

– Марк – мужик железный, конечно, – задумчиво выговорил Кузьмич, продолжая орудовать веником. – Но он человек, а не автомат Калашникова.

Он швырнул веник в угол и вдруг вспыхнул:

– Сам бы убил я этого Виноградова, вот честно! И ту сволочь, которая его зарезала, тоже!.. Ну, что вы там стоите? Пойдемте в дом!

Одним движением он затащил Аллу в сени, хорошенько захлопнул за собой дверь и вдруг насторожился, как Вик, почувывший волка.

Алла оглянулась по сторонам. Никого не было в коридоре!

Кузьмич секунду стоял, прислушиваясь, а потом прошел в комнату со снаряжением.

– Чего тебе здесь надо, парень?

Диман разглядывал что-то на верстаке и отшатнулся, когда ввалился Кузьмич.

– Ничего... ничего не надо! Я просто так зашел!..

Кузьмич надвигался на него, и хотя Диман был не маленький и не слабый, казалось, что на муравья надвигается гора. Нет, не просто гора, а огнедышащий вулкан Эйяфьятлайокудль!

Кузьмич в один шаг оказался рядом с верстаком.

– Что ты тут разглядывал?!

– Да я так просто! – оправдался Диман и еще отступил. Дальше была стена, отступить некуда. Встревоженная Алла показала на пороге, и Диман перевел дыхание.

Этого первобытного мужика, похожего на вулкан, он на самом деле испугался.

– Я зашел просто так, завтракать шел! А тут у вас интересно! Приспособления разные, банки, всякое такое! Я не трогал ничего!

– Дима, не кричи, – велела Алла.

Кузьмич оглядел «банки и приспособления». Всё на месте и, похоже, на самом деле ничего не трогали.

– Ты когда по чужому дому шастаешь, разрешения спрашивай, куда можно заходить, а куда нельзя!

– Нет, а чего такое-то?! Если тут у вас военные секреты, вы дверь запирайте! Или секреты свои в сейф положите!

– Положу. Давай дуй, парень, отсюда!

Диман пожал плечами, хотел еще что-то сказать и не стал.

– За что вы на него напали? – спросила Алла.

– Да потому что посторонним здесь делать нечего!

– Мы все посторонние, – обозлилась Алла, – нам всем тут делать нечего! Мы бы ушли давно, если б могли! А вы в самом деле запирайте, если боитесь, что мы вас... обворуем.

– Дело не в воровстве!

– А в чем?! У вас в доме происходят тёмные дела! Человека убили! Мы чем виноваты? Что вы нападаете?!

– Я нападаю?! Я тихо-мирно попросил этого... вашего выйти! А вы скандал закатили!

Они орала уже во весь голос. Из кухни показалась безмолвная фигура, оценила обстановку и исчезла, видимо, решив, что всё в порядке, идёт своим чередом.

– Не надо нас запугивать! Нам и так невесело...

– Милая девушка, я не запугиваю! Но лезть в мои дела никому не позволю!

Алла вдруг уставилась на Кузьмича:

– Как вы меня называли?!

Он посопел носом, вспоминая.

– Милая девушка, а что?

Тут она покатила со смеху.

– Спасибо, – от души поблагодарила она. – Меня сто лет никто так не называл.

Он вдруг заинтересовался:

– Почему?

И Алла стала объяснять по-дружески:

– Как почему? Потому что я взрослая женщина давно, у меня работа соответствующая, должность! Вот Женя милая девушка, а вовсе не я.

– А чему соответствует ваша работа и должность?

Она замолчала, замерла и, кажется, едва удержалась, чтобы не зажать себе рот ладонью.

...Как это вышло? Зачем она сказала про работу и должность? Почему потеряла бдительность? Только из-за пустячного комплимента?!

Павел Кузьмин смотрел на неё внимательно, глаз не отводил, она забормотала и стала отступать:

– Нет, просто странно это слышать. Я... то есть спасибо, конечно...

Он проводил её глазами – правда не понял, из-за чего она так переполошилась? – и еще раз оглядел верстак, полки и ряды лыж в специальных держателях.

Всё на месте, всё в порядке. Нужно было сразу запереть, как только в доме появились посторонние, а он дал маху!.. Что-то в последнее время он промахивается всё чаще и чаще. Стареть стал?..

У Володи сильно болела нога, он хромал, морщился и очень старался не жаловаться. Марина уколола ему что-то из собственных запасов, одалживаться у олимпийского чемпиона и его тренера не стала. Степан и Сергей Васильевич взахлеб разговаривали про Ванкувер, Турин и строили всякие прогнозы относительно Сочи.

– Ну, эстафета – раз, это точно. Потом еще спринт, Ледогорову в спринте равных нет.

– Особенно если француз намажет и у норвежцев не всё ровно пойдет.

– У норвежцев Бьёрндален! Ты его в расчет принимай!

– Да он уж старый!

– Какой старый, сорок лет! Он же не фигурист и не гимнастка! Это у них двадцать пять лет потолок, а у биатлонистов...

– А Ледогорову сколько? Давай спросим!

– погоди, давай посчитаем! До Турина что было? Солт-Лейк-Сити, что ли? Он уже выступал, да?

Петечка сидел безвылазно в «комнате мальчиков» и что-то писал – ручкой по бумаге. Ручку и бумагу он попросил у Марка. Женька читала «Похождения бравого солдата Швейка», и возле неё торчал Антон.

Алла перемыла после завтрака посуду, накипятила воды и принялась железной щеткой скоблить бесконечный стол. Явилась безмолвная фигура, постояла, посмотрела и раскритиковала Аллину работу. Зоя Петровна ни слова не сказала, конечно, но по ее носу и так всё было понятно.

Алла заправила за ухо вывалившиеся волосы, скорчила рожу фигуре в спину и продолжала скрести.

Перед носом у нее появилась связка прутьев.

– Что это такое?

– Голяк. Только им и скребут. А железку свою брось, от неё одна чернота.

С «голяком» дело пошло быстрее, и вскоре стол залоснился, как масляный, задышал, запахло чистым деревом.

Алла напоследок еще ошпарила стол кипятком, вытерла досуха, полюбовалась и огляделась. Больше делать было нечего.

Пришла Марина, и Алла похвасталась ей столом. Марина не обратила внимания.

– Я не понимаю, почему они так беспечны, – сказала она. – Марк опять тренируется. Второй куда-то ушел. А в подвале труп.

Алла отодвинула тяжеленный стул и села напротив.

– Ты знаешь, у них ведь на самом деле положение сложное, – она свернула полотенчиком и протерла столешницу перед собой – просто так. – Олимпиада впереди, а они в такой переплет попали.

– Куда они попали, Алла Ивановна?!

Тут Алле некстати вспомнилось, как Кузьмич назвал её «милой девушкой», и она улыбнулась.

– В какой еще переплёт?! Вы что, тоже умом тронулись, как Сергей Васильевич со Степаном?! Убил или Марк, или тренер! Ну, может, еще Антон! Им теперь надо следы замечать, вы понимаете? – горячилась Марина.

Алле не хотелось об этом думать. Ей хотелось думать о том, что Марк обязательно выиграет и Олимпиаду в Сочи тоже, как все предыдущие, несмотря ни на что! Несмотря на убийство, метель, разрушившую весь график тренировок, и на то, что он «человек, а не автомат Калашникова»!

– Почему они ничего не предпринимают? Они должны искать убийцу или делать вид, что ищут! Хотя бы для отвода глаз. А они никого не ищут!

Алла все смахивала со стола несуществующие крошки.

– Зоя Петровна всё время шныряет, – продолжила Марина и оглянулась на дверь. – Я сегодня хотела Володю посмотреть в «медицинской» комнате на кушетке под хорошим светом, а она на ключ заперта. Я просить не стала, конечно...

– И Диму из комнаты со снаряжением Павел выгнал. Как будто испугался чего-то, – задумчиво произнесла Алла.

– Кто такой Павел? Ах да. И метель не кончается!.. Как назло.

– Что Дима мог там искать? – задумчиво спросила Алла. – Или в самом деле из любопытства заглянул?..

– Дима тут совершенно ни при чем, Алла Ивановна! Мы вообще ни при чем – никто из нас!! Что вы выдумываете?..

– Пирог с чем? – без выражения спросили откуда-то сбоку, и обе они подскочили как ужаленные. – С рыбой, с капустой?

Зоя Петровна бесшумно возилась у плиты.

– Что вы подкрадываетесь! – крикнула Марина, и на глаза у неё вдруг навернулись слёзы. – И так нервы на пределе! Что вам от нас нужно?!

И выскочила из кухни.

– С рыбой, – сказала Алла. – Может, помочь?

Фигура помедлила.

– Баню умеешь топить?

– Попробую.

– Попробуй.

Дрова занялись сразу, затрещали весело и победительно. Алла еще какое-то время посто-яла на коленях возле печи, позаглядывала внутрь – там горело ровно и жарко, можно было и не заглядывать, – поднялась и прикрыла дверцу.

Огромный чугунный бак был наполнен водой. Как же они её таскают? Ведрами? Ведрами не натаскаешься! Наверное, насосом качают.

Вообще устройство кордона «полста-три» было чрезвычайно сложным, хотя бы даже с инженерной точки зрения, это Алла уже поняла. Голландские печи, дизеля, ангары!.. Или вот хотя бы эта баня в подвале – обширное, грамотно оборудованное помещение, никакой сырости в углах, плесени, черноты. Всё добротное подогнано, продумано.

Кто занимается этим домом? Ведь им нужно заниматься каждый день, а не от случая к случаю! В скольких богатых и шикарных домах, за которые были отданы миллионы, Алла Ива-новна бывала и сколько раз удивлялась нелепости и неустройству этих самых домов!.. В них вечно ничего не работало, вода не лилась, свет не зажигался или, наоборот, не выключался, и хозяева, отдавшие миллионы, объясняли гостям, что нынче строить никто не умеет, итальян-ский архитектор ничего не понимает, а рабочие в овальные оконные проемы ошибочно заса-дили квадратные рамы, предназначенные вовсе для другого этажа. Летом в таких домах всегда жарко, зимой сыро, из щелей дует – еще бы не дуло, когда проемы овальные, а рамы квадрат-ные!.. Алле всегда было жаль выброшенных денег, хоть и чужих, и создавалось впечатление, что дома эти построены «просто так», потому что так полагается, это модно и требует статус, а жить в них никто и не собирался, ибо как жить, если построенный «по картинке» дом для жизни непригоден, неудобен, слишком велик и неуютен?.. Всегда находились причины, почему так – поставщики подвели, прораб запил в самый ответственный момент, электрик-молдава-нин перепутал фазы или еще что-нибудь перепутал, когда клали фундамент, не учли, когда крыли крышу, не рассчитали, когда вешали люстру, уронили ее прямо на паркет, теперь ждем новую люстру и будем перекладывать паркет, а пока по стеночке обходим, вот так, осторожней, не провалитесь, здесь у нас яма!..

На кордоне «полста-три» посреди тайги всё работает – печки греют, лампочки горят, дизель стучит, баня топится, во всех комнатах тепло. Сидеть удобно, лежать удобно, читать удобно. Готовить удобно – вон как Зоя Петровна ловко управляется со своей невиданной пли-той, орудует сложной системой чугунов, сковород, самоваров!.. А подпол с припасами, куда Алла только заглянула?..

Кто всем управляет? Вряд ли шестикратный олимпийский чемпион, который не пере-стал тренироваться, даже когда у него под носом убили человека! Выходит, Кузьмич?.. Уни-версальный специалист по всем вопросам?

Алла подложила дров. Сухие были сложены у самой печи, а дальше еще не подсохшие, видимо, недавно принесенные с улицы.

...Или вот дрова! Как они тут заготавливают дрова?.. Едут в лес и там рубят?.. И сколько дров нужно, чтобы протопить такой дом в случае аварии с электричеством, как сейчас?

...Тебе просто нравится этот дом. Выскобленные полы, лиственничные стены, о которые трётся метель, – и пусть её трётся, в таком доме никакая метель не страшна. Сумрачная комната с книгами и бравым солдатом Швейком на диване. Кухня с самоваром, комната со снаряжением и сложным запахом кофе, парафина, скипидара и дерева.

...Тебе просто нравятся люди. Занятые своими делами, не слишком многословные, не слишком любезные, но какие-то... правильные, как и положено обитателям Ковчега. Да, да, надо опасаться, надо все время быть настороже, но не хочется. Хочется думать о них, присматриваться, быть полезной, умелой, ловкой, как они. Чтобы они... поняли и оценили!

Оценили? Или чтоб только один оценил?..

Алла присела на широкую лавку.

...Этого еще не хватает! Один – это который же?..

– Тебе сорок два года, – вслух напомнила она себе и идиотским движением потёрла руки. Ладони были сухими и горячими. – Ты всё знаешь о жизни и о себе. Это глупо, глупо!.. Подумаешь, мужик на заимке!.. Только почему он всё время на меня смотрит?..

Она вскочила и стала по одному брать со штабеля поленья.

...Смотрит, потому что подозревает: кто-то из твоей группы убил Виноградова. Смотрит и прикидывает – может, ты и убила!..

...Ох, не так он смотрит. Он смотрит и прикидывает... по-другому. Как будто оценивает ее, по-мужски, ничего не стесняясь. Как будто решение принимает.

...И не так, не так. Он смотрит, как будто уже принял решение.

...Тебе сорок два года, и ты всё знаешь о жизни и о себе! Ты же не девчонка Женька! Будь осторожна, будь внимательна, будь начеку. Тебе сейчас нельзя расслабляться ни в коем случае! И время романтических историй давно минуло, нечего придумывать.

Алла уложила дрова возле печки – чтоб подсыхали – и стала набирать следующую партию.

...В Москве у тебя случилась беда. То, что беда осталась в Москве, а ты ушла от неё на Приполярный Урал, ничего не меняет, тебе придется к ней вернуться и как-то с ней справиться. Ты ушла, потому что беда оказалась слишком неожиданной и серьёзной, и ты просто сбежала. Хорошо, допустим, тебе нужен был этот поход – чтобы потянуть время и прийти в себя. Теперь тебя ждёт только одно – возвращение. Об этом и нужно думать.

...И всё-таки он на меня смотрит. Когда в последний раз на меня так смотрел мужчина?

Что-то грохнуло и покатилося Алле под ноги. Она скосила глаза, но из-за дров, которыми нагрузилась, ничего не смогла разглядеть. Алла перекидала дрова и наклонилась.

Из поленицы вывалился фотоаппарат, самый обыкновенный, небольшой фотоаппарат. Алла подняла его и покрутила в руках.

Странное дело. Как в поленице оказался фотоаппарат?!

Она брала дрова с самого края, куда их, по всей видимости, сложили совсем недавно. Она вытаскивала их, переносила ближе к печке и складывала, чтоб подсыхали. Где-то там, за дровами, был спрятан фотоаппарат. Очевидно, прятавшему не пришло в голову, что кто-то станет шуровать в сырых поленьях, когда сухих полно!..

Фотоаппарат Nikon, не слишком простой и не самый дешевый. И что это означает?..

Алла сунула его в карман брезентовых штанов, на всякий случай застегнула карман на кнопку, сосредоточенно подумала и поднялась вверх.

Зоя Петровна в кухне месила тесто, жилистые руки так и ходили.

– Баню затопила, – доложила Алла. – Прогорит, я еще подложу. Вы не следите, я сама. А где Павел?..

– Кузьмич в ангар ушли.

До ангара Алла добиралась долго и трудно. Один раз упала и перепугалась, что не поднимется, – так сильно и жестко мело в лицо, а спасительный канат, за который она всё время держалась, выскользнул из рук. Она сидела в снегу, прикрывала локтем лицо и уговаривала себя: только не крутись, иначе потеряешь направление. Она стала шарить руками в той стороне, где только что был канат, нашарила и, крепко держась за него, стала подниматься. Под горой мело чуть потише, но всё же железные двери ангара возникли из метели совершенно неожиданно. Только что ничего не было, кроме снежной круговерти, и вдруг оказалось, что она почти упирается в ангар. Держась рукой за стену, Алла пошла вокруг, пока не нащупала перекладину и с силой потянула.

– Кто там?

– Павел, это я... Алла!

Черная тень надвинулась из глубины помещения и втянула ее внутрь.

– Двери-то закрывайте. Снегу нанесёт!..

Створка позади неё сильно бабахнула. Свист метели и вой ветра сразу отдалились и как будто уменьшились.

В огромном помещении стояли какие-то странные машины – очень много! – и вдалеке горела лампочка. Здесь было холодно, дыхание застывало на губах.

– Чего случилось?

Алла откинула капюшон и вытерла мокрое от снега лицо.

– Я хотела вам показать. Пойдёмте поближе к свету.

Свет горел над широченным верстаком, заставленным разнообразными приспособлениями, механизмами, заваленным инструментами. Ни на приспособления, ни на инструменты Алла не обратила никакого внимания.

– Вот. Это ваш? – Она достала фотоаппарат и сунула Кузьмичу. Он взял его и некоторое время смотрел ей в лицо.

...Почему он на меня всё время пялится?..

– Не наш. – Кузьмич так и эдак покрутил аппарат. – А что такое? Где вы его взяли?

– В поленнице. В бане.

– Ёлки-палки, – сказал он тихо. – Этого еще не хватало.

Он со всех сторон ощупал фотоаппарат, поднеся к самому носу, как будто это некая диковина, подцепил ногтем пластмассовую штучку и заглянул внутрь.

– Флешки, конечно, нет, – констатировал он.

– Павел, как фотоаппарат мог оказаться в поленнице?! Да еще в бане! Может, забыл кто-то из ваших гостей?

– Из каких гостей!

– Ну, у вас же тут наверняка бывают гости. – Алла испытующе смотрела ему в лицо – вся начеку, внимательна и осторожна. – И много! Вон сколько запасной одежды, на всех хватило, а нас восемь человек!

– Пришли гости глодать кости, – задумчиво произнес он. – В поленнице, значит. Ближе к печке?

– Наоборот. Возле окна.

– Стало быть, засунули сегодня.

– Почему сегодня?!

– Потому что я дрова привез, в баню перетаскал и возле окна сложил. Меня Зоя Петровна просила, решила сегодня баню топить, а дров мало осталось. Да мы утром на крыльцо их вместе таскали!

– Зачем фотоаппарат засунули в дрова?

– Вот и я думаю – зачем? Должно быть, затем, чтоб спрятать.

– От кого?

– От того, кто станет его искать.

Алла рассердилась:

– Павел, это не наш фотоаппарат, можете даже не намекать! В смысле, ни у кого из нашей группы не было с собой фотоаппарата, это совершенно точно! Мы же в зимний поход пошли! Каждые сто граммов веса на счету! Мы всё тащим на себе – палатку, примусы, топливо, одежду! У нас рация была, и у Петечки телефон. Сергей Васильевич, между прочим, очень его за этот телефон ругал. Зачем телефон в походе?! Все наши... городские вещи остались в камере хранения в Екатеринбурге.

Кузьмич еще раз со всех сторон осмотрел фотоаппарат.

– На больших соревнованиях, – вдруг заговорил он негромко, – спортсмены всегда живут, так сказать, по национальному признаку. Норвежцы отдельно, русские отдельно, французы отдельно. Ходить друг к другу в гости запрещено негласными правилами. В любой команде есть секреты, и они охраняются железно, милая девушка. Кто завтра побежит на каких лыжах, у кого какая будет мазь, кто и когда её будет класть – всё это тайна за семью печатями. На эстафетах до последнего непонятно, как будут распределены этапы, а это очень важно!.. А винтовки! Они должны быть пристреленные, выцеленные, а как иначе-то?.. Иначе дворовые игрища получаются, а не мировой спорт. Если кто-то из нас, из обслуживающего персонала, поймает на своей территории постороннего человека вот с таким фотоаппаратом – всё, соревнования надо отменять.

– Почему?

– Потому что шпиона прошляпили, вот почему!.. К кому-то из противников бесценная информация ушла!

Алла посмотрела на Nikon в руке у Кузьмича.

– То есть вы хотите сказать, что какой-то иностранный шпион на вашем кордоне фотографировал ваши бесценные секреты? А вы даже не заметили?

– У нас на кордоне человека убили, вы заметили?..

– Хорошо, и кто шпион?

– Кто-то из вашей группы. Ни мне, ни Марку, ни Зое Петровне прятать фотоаппарат в дровах незачем.

– А может, это Виноградов спрятал!

– Виноградов со вчерашнего дня мертвый на леднике лежит. А спрятали сегодня, это я вам точно говорю.

– В нашей группе нет иностранных шпионов, это я вам тоже точно говорю!

– Откуда вы знаете, если познакомились с ними за три дня до старта, а до этого не видели никогда?

Алла отвернулась.

– Знаю, и всё.

– Зачем вы мне врётё?

– Я?! – фальшиво изумилась Алла. – Какой мне смысл врать?!

Павел полез куда-то за верстак, щелкнул выключателем. В ангаре моментально стало темно и как будто еще холоднее.

– Пойдёмте со мной.

Он привёл её в маленький дом, который она видела под горой, когда еще что-то можно было разглядеть в метели. Вик выскочил из снежной завесы, когда они подошли, закрутился на крыльце и вбежал первым.

– Проходите.

Они «прошли», сначала Вик, за ним Алла.

В большой комнате было не слишком уютно – здоровые квадратные кресла с деревянными подлокотниками, широкий жесткий диван, голландская печь – куда ж без нее на кордоне

«полста-три»! – дрова в простенке, берестяной короб со щепой. На подоконнике разложены какие-то инструменты, и на столе инструменты, и на диване, на белой бумаге какие-то железяки.

Кузьмич сгрёб с дивана железяки и свалил на стол.

Вик обежал помещение, чихнул на большую фотографию полярной совы, посмотрел на неё презрительно, улегся между креслами и пристроил башку на лапы – ждать, когда затопят печь. Он любил смотреть, как растапливают печь, это было интересно. Иногда он таскал из короба бересту и щепки, это тоже любил, особенно когда говорили: «Брось, Вик, куда понёс!» А когда становилось жарко, не любил и сразу уходил на улицу.

– Чаю хотите или еще чего-нибудь?

Алла не хотела чаю, но сказала, что хочет. Она же в гостях. А в гостях полагается пить чай.

– Печку затопить или так пока нормально?

У Аллы после того, как шлепнулась на дорожке, в спину как будто воткнули кол и очень хотелось сесть, а лучше лечь, и было страшно, что Павел это заметит. От вдруг навалившейся боли её познабливало, и она сказала, что печку бы лучше затопить.

Вик ухмыльнулся. Ему нравилось, когда растапливают печь! Он вскочил, постоял возле Кузьмича, который складывал дрова шалашиком, подумал и потянул одну дровину.

– Вик, положи на место.

Вик и ухом не повел, отнес дровину за кресло и стал грызть – не потому, что ему нравилось грызть поленья, а потому, что это игра такая!..

Пламя весело затрещало, заскакало, отблески окрасили розовым выскобленный пол. Алла подошла и стала спиной к огню – может, ледяной кол в позвоночнике растает?

Кузьмич ушел в соседнее помещение, где, по всей видимости, была кухня, и чем-то там гремел.

– У меня шоколад есть. Хотите? – спросил оттуда.

Алла вдруг вспомнила:

– Бельгийский?..

Он появился в проеме, вид у него был удивленный.

– Почему бельгийский?

– Игорь прилетел и привез миланскую колбасу и бельгийский шоколад.

Кузьмич пожал плечами, как будто недовольно.

– Шут его знает, может, и бельгийский. Хотите?

Алла потеряла спину под свитером. Проклятый кол никак не таял.

– Почему кордона «полста-три» нет ни на одной карте?

Вик всё гремел поленом за креслом, гонял его по лиственничному полу туда-сюда. Павел внес две большие кружки, поставил на деревянные подлокотники кресла и потряс рукой – обжегся.

– Вик, сказано, отнеси полено на место. А я больше всего горячее красное вино люблю. На биатлонных трассах всегда наливают. Питье, конечно, специфическое, но я люблю. Глинтвейн называется. Туда главное гвоздику запустить. Без гвоздики смак не тот.

– И ложку куантро.

Тут он вдруг уставился на неё, как будто она выдала некую тайну, откровение!.. Алле стало неловко. Кол в спине, и еще этот мужик смотрит!..

– Чего еще, я не понял?

Она принялась объяснять:

– В глинтвейн хорошо добавить ложку куантро, будет вкуснее. Это ликер такой французский, неужели не знаете? Ну, яблоко, апельсин, сахар, корицу – само собой. И одну ложку ликера на бутылку вина. Попробуйте, замечательно получается.

– Вы... разбираетесь?

– Не то что разбираюсь, но я тоже люблю глинтвейн.

Тут он почему-то весело сказал:

– Вот те на!..

Уселся на подлокотник, взял одну кружку – ей даже не предложил! – и велел дружелюбно:

– Ну, рассказывайте, рассказывайте!

– Что рассказывать-то?

– Кто вы и откуда.

Алла повернулась к печке лицом.

...Осторожней, осторожней! Он же не просто так, он... смотрит. И вообще опасный человек.

Тут опасный человек вдруг удивился, как будто заметил что-то, чего раньше не замечал.

– У тебя чего, спина болит?

– Откуда вы...

Он брякнул кружку обратно, в один шаг оказался рядом и бесцеремонно полез ей под свитер.

– Где болит? Здесь? Или здесь?..

Большая чужая ладонь прошлась по её спине, пальцы понажимали так и сяк и оказались за ремнем брезентовых штанов.

Алле стало так жарко, неловко, стыдно! Щеки и шею затопило тяжелым румянцем. Она схватила его руку, вытащила её из своих штанов и отшвырнула.

– погоди ты, не брыкайся. Что со спиной?

– Не надо меня трогать!

Тут он ухмыльнулся, как Вик, – лукаво и несколько плотоядно – и протянул:

– Разве ж я трогаю?.. Когда я трогаю, то я не так трогаю. Ну-ка давай, давай, пойдём на диванчик.

И правда потянул её в сторону дивана. Алла разозлилась всерьёз.

– Уберите руки, или я дам вам по шее. Серьёзно предупреждаю!..

Он сделал какое-то движение, от чего у неё на спине оказались обе его руки, молниеносное нажатие, вспышка боли – белым светом залило мозг, пот выступил над верхней губой – и ледяного кола как не бывало. Кол рассыпался мелкими горячими осколками по всему позвоночнику, стало легко и совсем не больно.

– Ложись сюда. И не брыкайся, а то я подумаю, что ты ко мне равнодушна.

Опять он – Алла была ни при чём, совершенно ни при чём! – сделал что-то неувловимое, куда-то её повернул, подвинул, и она оказалась лежащей на животе на диване, перед носом вытертый меховой плед. Павел присел рядом и задрал у неё на спине свитер.

– Давно болит?

– Всегда.

– Всегда – это сколько?

Он нажимал, трогал, пальцы словно разбирали её спину на составные части, по косточкам, по мышцам. Она закрыла глаза.

– Вот так нажимаю, больно? А так? А еще? Сам вижу, больно. А если вот так?..

Что-то он там делал, как будто колдовал, как будто магические круги и линии рисовал, и еще вынимал из неё какие-то части, осматривал их и сажал на место.

– Травмировалась?

– Давно, – прокряхтела Алла. – На лыжах.

– Ясный пень, на лыжах. Да это разве травма?.. Это так, мелкие неудобства, а не травма.

Вот я тебе расскажу, какие бывают травмы, ты не поверишь.

Он приговаривал, и всё колдовал, колдовал, потом вдруг с силой потянул, все кости проклятого позвоночника хрустнули, будто сломались, Алла стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть, капля потекла за ухом, воздуха не стало.

– Готово дело. Вставай.

Она еще немного полежала, судорожно и коротко дыша, а потом стала подниматься, некрасиво, по-дурацки, попой вверх. Павел поддержал её.

– Ты нормально вставай, – посоветовал он серьёзно. – Какое-то время болеть не будет, я тебе точно говорю.

Алла слезла с дивана, оттолкнула его руку, которая все еще держала её за спину.

...Удивительное дело. Больно не было. Больно не было нигде. Она понаклонялась из стороны в сторону, нагнулась и подняла с пола полено, которое бросил Вик.

– Вы что, – спросила она с подозрением, – великий врач?

– Я в травмах всё понимаю, – сказал он. – Теперь ты мне должна. Зря я, что ли, старался?..

– И что я тебе должна? – спросила Алла дурацким «девочкиным» голосом.

Игру он не принял.

Он встал с дивана, зачем-то отряхнул штаны, схватил свою кружку и громко и сосредоточенно потянул из неё чай.

Это было ужасно. Как будто она себя предложила, а он отказался.

Алла Ивановна сорока двух лет от роду, опытный и взрослый человек, которую время от времени мучил «проклятый радикулит», как она это называла, бывший большой начальник и бывшая женщина – сейчас-то она уж точно никакая не женщина! – аккуратно и деловито пристроила в печку полено, брошенное Виком, натянула пуховик и вышла в метель.

Дверь за собой она прикрыла аккуратно.

Петечка сидел и писал.

Писать от руки было страшно неудобно, мучительно, и поначалу слова выходили какие-то корявые, неровные, совсем не те бодрые, уверенные и самодовольные, которые получались, когда он набирал их на клавиатуре.

Дикость какая, первобытно-общинный строй!.. Говорят, этот самый Пушкин вообще пером писал. Петечка еще школьником нашел как-то перо от голубя... нет, нельзя так сказать... или можно... впрочем, долой предрассудки! Писать можно и нужно так, как нравится автору. Всякие старорежимные правила и законы – к черту!.. Только так правильно, как вылупилось из его сознания.

И главное, смысл-то понятен, смысл! Перо от голубя, да.

Так вот, попробовал он этим пером писать и не смог. Правда, макать пришлось не в чернила, конечно, их днём с огнём не найдёшь, а в клюквенный морс, но и морс не помог. Перо не писало. Видимо, ошибка какая-то системная, и Пушкин перьями тоже не писал.

Или у него было другое перо, от лебедя там, от павлина. Может, поменьше, от воробья.

К черту всё устаревшее и косное! Да здравствует новое и прогрессивное!..

Технологи, технологии – только они позволяют человечеству осознать свою свободу, свободу разумных. Только они позволяют использовать себе во благо весь мировой разум, весь накопленный потенциал.

Петечка уже много дней жил в информационном вакууме, вне технологий, вне мирового разума – то есть без Интернета, – и задыхался.

Он был связан по рукам и ногам и физически чувствовал путы, сковавшие его. Ничего нельзя, ничего невозможно.

Нельзя «залогиниться» в сети, выложить в «инстаграм» фотографии, выйти в «фейсбук», написать в «твиттер»!..

Нельзя рассказать всем «зафрендившимся» о том, как. Нельзя продемонстрировать «друзьям» то, что. Нельзя показать «абонентам» там, где. А тогда – зачем?!

А мысли рождались! Они рождались, и им было наплевать на то, что технологии недоступны, и требовали немедленного оформления в слова. А как их оформлять в слова, если нет «жэжэ»?! Пером, что ли, оформлять, как Пушкин?

Петечка попробовал было писать в «заметки» – слава богу, телефон с «заметками» у него остался, – но выходило не очень.

Чтобы набрать пустячное предложение, приходилось долго мучиться, тыкать мимо буквенных символов, промахиваться, возвращаться, да и предложения получались какие-то недоделанные.

Например, «Мв продаигся вперд по ирченный рвинне засвпаноц снегом», что означало «Мы продвигались вперед по мрачной равнине, засыпанной снегом».

Слово «снегом» случайно вышло правильно. Всё остальное требовало исправлений, то есть тыканья в символы, промахивания, мучительных попыток сообразить, какое слово выбрать на замену «ирченный» – перченный, меченый, речный, – затем попыток присобачить что-либо из предложенного, и как результат – полная потеря смысла.

Петечка долго боролся с надвигающимся на него мрачным средневековьем и одичанием, а потом всё же попросил у суперчемпиона Ледогорова бумагу и ручку.

Попробовал писать. Выходило плохо, коряво, как будто пером от голубя. И странно, что ошибки сами не исправляются. Как же? Они же должны сами!..

Вот как правильно написать – «мучиться» или «мучаться»? Я должен что? Мучиться среди тайги или мучаться без технологий? А технологии – «а» или «о»? Проверочное слово – технарь, выходит, технологии. Тогда получались какие-то «налоги», а Петечка имел в виду совсем не это.

В общем, борьба не на жизнь, а на смерть.

Да и кто потом будет набирать, чтобы выложить это в сеть?! Сам Петечка, как последний дебил, не знакомый с технологиями?! Впрочем, есть приложения, которые переводят отсканированный рукописный текст в печатный, придется в Москве скачать.

Потом он приспособился немного. Пальцы перестали загибаться в разные стороны, ручка перестала вываливаться из горсти, хотя ладонь по-прежнему потела от усилий и язык сам по себе высовывался изо рта, когда Петечка старательно выводил каракули.

Он писал и гордился собой – все остальные бездельничали и не перерабатывали впечатления, потому что не могли, а он может. Остальных тянет на какие-то детективные дела, от скуки тянет, а Петечка не ведает скуки, он перерабатывает. Остальные живут животной жизнью – поесть, поспать, дров натаскать, – а он интеллектуальной, как и должно жителю двадцать первого века.

Как бы только сделать так, чтобы «все узнали»?! Никто ж не знает!..

Для начала, как и полагается философу, следует осмыслить свое положение в мире, и Петечка принялся за осмысление.

Он писал долго-долго, вспотел весь, а потом оказалось, что написал две страницы «картин природы» – там тайга шумит, здесь ручей бежит, тут снег идет, а впереди гора, а позади овраг. Фу, никуда не годится.

Тогда он решил начать с окружения и осмыслить сначала его, а потом себя – в этом новом для него мире.

Тут дело пошло веселее.

Петечка сидел и писал:

«В группе питекантропов есть несколько довольно любопытных экземпляров. Начну с самых интересных. Женька очень клевая и глупая, няшная и мимимишная. Вообще ничего, даже грудь приделывать не надо, своя нормальная. Сильно клюёт на мужиков, а они на неё. Наш зайка олимпийский глаз с неё не сводит, а до него всё тот пялился, которого потом трупом сделали. И Антоха-пилот туда же, как бы он зайке олимпийскому не навалял. Вот была бы

потеха, навалить олимпийцу, я бы посмотрел! А вообще-то Женька со мной разговаривать любит, но я её...»

Опять выходило что-то не то.

Странная штука с этой бумагой и ручкой! Почему-то то, что совершенно нормально писалось и – главное! – читалось в Интернете, на бумаге было похоже на бред малограмотного. Надо как-то по-другому, но как?..

Петечка начал сначала:

«Женька очень красивая, но довольно глупая девушка. У неё красивая фигура, и она нравится всем мужчинам без исключения, даже Марку Ледогорову, хотя он старый и всё время где-то пропадает. Антон, пилот вертолета, на котором прилетел убитый Виноградов, всё время за ней ухаживает, и она принимает его ухаживания. Ледогоров то ли злится, то ли он по жизни такой невеселый, не понять. Но кажется, злится. Женька очень смешно вытягивает губы, когда говорит, и вообще она смешная. Я её передразниваю, а она хохочет. У неё какой-то богатый папаша, который её пристрастил к лыжному спорту. Она и в поход этот пошла только для того, чтобы удивить папашу. Про мамашу ничего никогда не рассказывает, может, она умерла?.. Если так, Женьку жалко. Она всегда с удовольствием со мной разговаривает, я ей рассказываю всякие сетевые шутки. Такое впечатление, что она в Интернете совсем не шарит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.